

ФМП МГУ

ВЕСТНИК МАГИСТРАТУРЫ ФМП

Издательство Московского университета

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

ВЕСТНИК МАГИСТРАТУРЫ ФМП

Издательство Московского университета

2021

УДК 327
ББК 66.4
В38

Ответственный редактор:

Президент факультета мировой политики (ФМП)
МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель комитета
Государственной Думы Федерального Собрания РФ
по международным делам, председатель Правления
Международного общественного фонда «Российский фонд мира»,
д-р экон. наук *Л. Э. Слуцкий*

Научные редакторы:

доцент кафедры международной безопасности
ФМП МГУ имени М. В. Ломоносова, заместитель декана
по научной работе, канд. социол. наук *А. М. Понамарева*;
доцент кафедры информационного обеспечения внешней политики
ФМП МГУ имени М. В. Ломоносова, заместитель декана
по магистратуре, д-р ист. наук *Т. В. Скороспелова*;
профессор кафедры региональных проблем мировой политики ФМП МГУ
имени М. В. Ломоносова, д-р социол. наук, канд. ист. наук *С. А. Татуниц*

Вестник магистратуры ФМП / МГУ имени М. В. Ломоносова ; отв. ред.
В38 *Л. Э. Слуцкий*. — Москва : Издательство Московского университета,
2021. — 128 с. — (Библиотека факультета мировой политики МГУ). —
Электронное издание сетевого распространения.

ISBN 978-5-19-011595-6 (e-book)

ISBN 978-5-19-011594-9 (print)

«Вестник магистратуры ФМП» предлагает читателям подборку статей и научных рефератов, подготовленных студентами магистратуры факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова в рамках учебного курса «История и методология мирополитических и глобальных исследований».

**УДК 327
ББК 66.4**

ISBN 978-5-19-011595-6 (e-book)
ISBN 978-5-19-011594-9 (print)

© Коллектив авторов, 2021
© Факультет мировой политики
МГУ имени М. В. Ломоносова, 2021
© Издательство Московского университета, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
--------------------------	---

Статьи

Кротов И. И. Социально-экономические проблемы Королевства Саудовская Аравия как угроза «Видению: 2030»	9
Зыгарь А. С., Юрьева Е. А. Энергетический фактор в процессе урегулирования ливийского конфликта	27
Магдесян А. С. Политизация энергетической сферы в российско-армянском диалоге: к постановке проблемы	36
Растегаев Д. О. Республика Сербская Краина, или Прерванный полет	43
Ломакин А. С. Коалиционная и национальная составляющие военной политики Германии 2010-х годов	59
Селезнева А. А. Российские и американские подходы к изучению космической безопасности	75

Рефераты

Дадпарвар Ш., Азизи Х. Влияние конфуцианства: мягкая сила Китая в отношении стран Центральной Азии Ковалева А. И.	85
Хуан Ф. К. К. Новое видение интеграции: китайская инициатива «Пояса и пути» и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций Потапов Д. А.	92
Кания Э. Военные инновации КНР в области искусственного интеллекта Кротов Н. А.	98

СОДЕРЖАНИЕ

Шлее Р., Оппер Й. Вепонизируя мир Митрофанова Д. С.	102
Дубей М., Шарма Ш. К. Безъядерный мир: компромисс этики и безопасности Сидорова Е. С.	108
Буаие П., Делёмот Т., Готье Г., Ролле В., Шмутц Б. Основные факторы мобилизации «желтых жилетов» Нефедов А. В.	112
Бонилла Т., Тиллери Э. Б. Какие идентитарные фреймы усиливают поддержку и мобилизацию движения #BlackLivesMatter. Экспериментальный тест Родина А. Р.	117
Рашица В. Преимущества и риски цифровой дипломатии Скворцов Ф. О.	122
Шортлэнд Н., Нэyder Э., Империльо Н., Росс К., Дмелло Дж. Взаимодействие экстремистской пропаганды и гнева как предикторов ответного насилия Антонов Д. А.	126

ОТ РЕДАКЦИИ

Я никогда не учу своих учеников.
Я только даю им условия,
при которых они могут сами учиться.
А. Эйнштейн

Уважаемые читатели, представленный вашему вниманию сборник — это не только около 100 страниц полезной информации об актуальных вопросах международной повестки дня, но также еще одна составляющая работы коллектива факультета мировой политики (ФМП) МГУ имени М. В. Ломоносова по раскрытию потенциала каждого учащегося за счет создания на факультете платформ апробации студенческих исследований.

Проект, начатый в 2018 г. небольшой группой преподавателей при поддержке первого декана ФМП, проф., д-ра. ист. наук, академика РАН **А. А. Кокошина**, окреп и, благодаря содействию Российского фонда мира и президента ФМП, председателя комитета Государственной думы Федерального собрания РФ по международным делам, д-ра экон. наук **Л. Э. Слуцкого**, перерос из электронного бюллетеня, размещавшегося на сайте факультета, в полноценное печатное издание.

Настоящий сборник включает в себя прошедшие экспертный отбор статьи и научные рефераты студентов пяти имеющихся на факультете программ магистратуры («Международная безопасность»; «Экономическая дипломатия»; «Региональные проблемы мировой политики»; «Информационное обеспечение государственных интересов»; «Международные стратегические коммуникации»), подготовленные в рамках учебного курса «История и методология мирополитических и глобальных исследований».

В контексте наблюдаемой с 2015 г. активизации внешней политики России на Ближнем Востоке символичным представляется тот факт, что первый печатный сборник «Вестника магистратуры ФМП» открывают статьи членов Ближневосточного клуба факультета мировой политики — неформального студенческого объединения, создан-

ного в феврале 2020 г.¹. С учетом превращения аравийских нефтяных монархий в объект стратегических интересов официальной Москвы особо актуальной и практически значимой представляется работа **И. И. Кротова** — «**Социально-экономические проблемы Королевства Саудовская Аравия как угроза «Видению: 2030»**», в которой автор оценивает ход и перспективы имплементации данной программы, разграничив в своем анализе воздействие на нее внутренних факторов и внешних «шоков». Вторая статья «ближневосточного блока» — «**Энергетический фактор в процессе урегулирования ливийского конфликта**» **А. С. Зыгаря** и **Е. А. Юрьевой**, попытавшихся описать влияние географической специфики распределения нефтяных ресурсов Ливии на динамику постконфликтного миростроительства, в постановке основного исследовательского вопроса перекликается с работами таких известных зарубежных специалистов, как Майкл Росс, Пол Кольер, Анке Хоффлер и Филипп Ле Бийон. Однако на написание данной статьи авторов вдохновило участие в круглом столе с ливийским экспертом, основателем *Libya Outlook for Research and Consulting*, д-ром Мухаммадом Эльджархом, организованном Ближневосточным клубом ФМП МГУ совместно с Центром арабских и исламских исследований Института востоковедения (ИВ) РАН.

Несколько иной ракурс рассмотрения темы энергетики предлагает **А. С. Магдесян** в эссе «**Политизация энергетической сферы в российско-армянском диалоге: к постановке проблемы**». Не ставя перед собой задачу детально описать все нюансы взаимодействия официальных Москвы и Еревана, автор фокусируется на демонстрации высокого объяснительного потенциала теории секьюритизации Барри Бузана и Оле Уэйвера в применении ее к анализу «проблемных узлов» энергодиалога двух государств, позиционирующих себя в качестве стратегических партнеров.

В сборнике, выходящем в год тридцатилетнего «юбилея» раздробления Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ), не могло не найтись места материалу, посвященному урокам этого непростого периода. В статье «**Республика Сербская Краина, или Прерванный полет**» **Д. О. Растегаев** раскрывает общую закономерность взаимодействия этносепаратистских регионов с цен-

---

¹ Официальная страница Ближневосточного клуба ФМП на сайте факультета: <https://fmp.msu.ru/nauka/studencheskaya-nauka/blizhnevostochnyj-klub-fmp>.

тром: неспособность конституировать собственный устойчивый исторический нарратив вкупе со слабостью администрирования и отсутствием поддержки извне оборачиваются возвращением в орбиту влияния более крупного и международно признанного игрока.

Надо отметить, что одним из косвенных следствий кровавого распада бывшей Югославии стало повышение международного статуса Германии и превращение ее в ведущего игрока в Центральной Европе. Военная операция НАТО против боснийских сербов в 1995 г., а также агрессия против Союзной Республики Югославии в марте-апреле 1999 г. явились первыми случаями использования бундесвера за пределами Германии. Уже тогда начались разговоры о постепенном избавлении ФРГ от «комплекса вины», возникшего после окончания Второй мировой войны, и стремлении Берлина играть более самостоятельную роль в мировой политике. Один из маркеров такого стремления — изменения в приоритетах военного строительства вкупе с ростом степени вовлеченности государства в решение вопросов региональной и глобальной безопасности. Статья **А. С. Ломакина «Коалиционная и национальная составляющие военной политики Германии 2010-х годов»** как раз и посвящена рассмотрению вопроса о пределах претензий ФРГ на лидерство.

Зима 2021 г. оказалась поистине «горячей» в плане интенсивности научной жизни студентов факультета мировой политики. В феврале при поддержке Госкорпорации «Роскосмос» была успешно проведена первая зимняя космическая школа ФМП МГУ «Космос и мировая политика», посвященная 60-летию полета Ю. А. Гагарина. К работе школы проявили интерес более 200 студентов и аспирантов ФМП, других факультетов и филиалов МГУ, а также иных российских и зарубежных вузов и научных учреждений. Лекции сотрудников факультета и экспертов-практиков, посвященные современным проблемам использования космического пространства, вдохновили некоторых участников школы на написание собственных аналитических записок. Одной из таких работ стала статья **А. А. Селезневой** под названием «**Российские и американские подходы к изучению космической безопасности**», завершающая первый раздел настоящего сборника. С учетом исключительной значимости космоса как пространства реализации сложной дихотомии соперничества/сотрудничества великих держав, наблюдаемого кризиса доверия в отношениях России и США, попытка сравнительного анализа российских и американских подходов к изучению космической безопасности, пред-

принятая в данной работе, представляет не только теоретический, но и практический интерес.

Второй раздел книги составляют реферативные материалы, отвечающие стандартам Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН – единственного российского учреждения, где на систематической основе ведется подобная работа в области гуманитарных дисциплин. Авторы реферировали статьи таких изданий, как *China Report*, *Modern China*, *New perspectives*, *Revue économique*, *American political science review*, *SEEU Review*, *Journal of interpersonal violence*, а также аналитические материалы *Center for a New American Security (CNAS)*.

В подборке рефератов нашли отражение самые горячие темы последних лет: политические, экономические и военные аспекты «мирного возвышения» Китая (**А. И. Ковалева, Д. А. Потапов, Н. А. Крутов**); вызовы международной безопасности в условиях кризиса режима нераспространения и контроля над вооружениями (**Д. С. Митрофанова, Е. С. Сидорова**); проблематика протестных социальных движений на примере французских «желтых жилетов» и американского *Black Lives Matter* (**А. В. Нефедов, А. Р. Родина**); вопросы использования технологий политической (и не только политической) пропаганды в интернет-пространстве (**Ф. О. Скворцов, Д. А. Антонов**).

Надеемся, что широта тематического охвата данного издания позволит каждому читателю найти в нем «свой» материал, а кого-то из начинающих исследователей, быть может, подтолкнет к расширению сферы собственных научных интересов.

Увлекательного чтения!

СТАТЬИ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОРОЛЕВСТВА САУДОВСКАЯ АРАВИЯ КАК УГРОЗА «ВИДЕНИЮ: 2030»

И. И. Кротов¹

Аннотация: В предложенной статье оценивается влияние социально-экономических проблем на реализацию программы «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030». При этом предпринимается попытка разграничить роль внутренних факторов и внешних «шоков» в процессе имплементации программы. В результате анализа было выявлено, что без разрешения совокупности указанных социально-экономических противоречий Королевство Саудовская Аравия еще до событий 2020 г. столкнулось бы с необходимостью корректировки плана развития до 2030 г.

Ключевые слова: Саудовская Аравия; «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030»; диверсификация экономики; нефтяной сектор.

Программа «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030» (“Saudi Vision 2030”), принятая в 2016 г., изначально была крайне амбициозным в плане поставленных целей и задач проектом, объявленным при этом в не самый благоприятный для государства момент². На финансовой системе Королевства Саудовская Аравия (КСА) лежало бремя военной кампании в Йемене, помощи сирийской оппозиции, а также огромных расходов на социальные программы. При этом в связи с падением цен на нефть ниже \$40 за баррель традиционный источник наполнения бюджета королевства уже не мог покрывать новые расходные статьи, и дефицит бюджета составил 326 млрд риалов³. Это

---

¹ **Кротов Илья Игоревич** — магистрант I года обучения факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова; направление подготовки «Экономическая дипломатия»; член Ближневосточного клуба ФМП.

² Крук А. Программа «Видение–2030». Готова ли Саудовская Аравия к краху монархии? // Валдай. 23.06.2016. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/programma-videnie-2030-saudovskaya-araviya/> (дата обращения 11.01.2021).

³ Saudi Arabia cuts spending as 2020 budget deficit soars due to coronavirus. Интернет-ресурсы // Arabian Business. 16.12.2020. Available at: <https://www.ara->

вынудило правительство перейти к политике сокращения субсидий и увеличения налогообложения, что стало причиной роста социального недовольства в стране.

В столь непростых для королевства условиях, во многом усугубленных переформатированием структуры государственного аппарата, наследным принцем Мухаммедом Бен Сальманом был представлен проект «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030»¹ [Бибикина, 2019]. Он был призван позволить стране стать образцом для мира и добиться снижения зависимости экономики от нефти за счет развития ненефтяного сектора². В рамках предложенного курса были запланированы огромные (даже по меркам КСА) инвестиции в развитие газовой, нефтехимической отраслей, а также в освоение возобновляемых источников энергии³. Название новой национальной программы перекликается с названиями проектов других монархий Персидского залива, ставших выражением стремления вышеозначенных стран к достижению экономического процветания и развитию отраслей национального хозяйства, не связанных с ТЭК.

В подобных стратегиях использования природной ренты для диверсификации экономики под активным контролем властей некоторые исследователи видят возвращение к модели «позднего рантьеизма» [Ozyavuz, Schmid, 2015]. Основой данной концепции, выдвинутой М. Греем, стало изменение политики нефтяных монархий Залива в начале XXI в. в связи с накоплением опыта и адаптацией международных практик управления. Характерными для новой модели являются диверсификация экономики, поощрение создания эффективных

---

bianbusiness.com/politics-economics/455964-saudi-cuts-spending-as-2020-budget-deficit-soars-due-to-coronavirus-pandemic#:~:text=Saudi%20Arabia%20on%20Tuesday%20projected,a%20coronavirus%20led%20economic%20downturn (accessed: 11.01.2021).

¹ Руайя Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя: 2030 [Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030]. 2016. Available at: <http://vision2030.gov.sa/ar/media-center> (accessed: 11.01.2021).

² Маджлис аль-вузара ювафик аля «Руайя Ас-Саудийя: 2030» [Совет министров принимает «Видение Саудовской Аравии: 2030»] // Аш-Шарк Аль-Аусат 2016 Available at: <http://aawsat.com/home/article/624996> (accessed: 11.01.2021).

³ Коробкова Е. Амбициозный план Саудовской Аравии до 2030 года мертв? // ЭнергоСМИ. 07.09.2020. Доступ: <https://energосmi.ru/archives/45551> (дата обращения 11.01.2021).

предпринимательских структур, долгосрочный подход к использованию ренты от экспорта углеводородов, что нашло отражение в направлениях деятельности суверенных фондов государств [Grey, 2015].

В рамках выявления особенностей программы «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030», ставшей выражением эволюции политики «государства-рантье», и препятствующих ее реализации социально-экономических противоречий в исследовании были решены следующие задачи:

- проанализированы основные цели национальной программы «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030»;
- дана оценка условиям выдвижения и принятия плана развития страны до 2030 года;
- определены структурные особенности экономики Саудовской Аравии и их влияние на достижение заложенных в программе показателей;
- рассмотрена эффективность действий властей по выполнению показателей “Saudi Vision 2030” и разрешению накопленных социально-экономических противоречий.

«Гладко было на бумаге...»

Предложенную 25 апреля 2016 г. Мухаммедом Бен Сальманом программу «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030» можно условно разделить на три базовых блока:

- экономический (диверсификация и рост экономики);
- культурный (акцент на развитии туризма и поддержке спорта в КСА);
- социальный (улучшение благосостояния страны и уровня жизни населения).

В рамках первого направления, помимо повышения доли доходов от нефтяных отраслей экономики, власти КСА планируют увеличить долю частного сектора в экономике до 65% от ВВП страны через постепенную приватизацию части военных предприятий и таких секторов, как электроэнергетика и образование. Средства от продажи доли государственной собственности, согласно проекту, должны быть инвестированы в развитие нефтяных секторов для создания новых рабочих мест вне государственных компаний.

Особый акцент в программе делается на развитии малого и среднего предпринимательства (МСП), чья доля ВВП должна вырасти в 2030 г.

с 20 до 35%, что приведет к сокращению безработицы с 11,6 до 7%. Поскольку необходимая поддержка частному сектору от государства, в дополнение к широкомасштабным вложениям в инфраструктуру королевства, требует огромных средств, одной из задач программы стало увеличение доли прямых инвестиций от ВВП страны к 2030 г. с 3,8 до 5,7%.

Для достижения целей программы КСА должно к 2030 г. войти в десятку наиболее конкурентоспособных экономик мира и в рейтинг двадцати лучших стран по эффективности государственного управления, создавая привлекательные условия для иностранных инвесторов¹.

Важной частью стратегии диверсификации экономики и получения дополнительных нефтяных доходов бюджета для саудовских властей стал сектор туризма, который должен был привлечь до 15 млн туристов к 2020 г. и 30 млн — к 2030 г. Одновременно с решением властей открыть КСА для иностранцев из 49 стран к 2020 г. правительство заявило о стремлении достигнуть показателя в 100 млн туристов в год в 2030 г. В дальнейшем ожидалось превращение страны в центр «мусульманского» и регионального туризма [Тагиров, 2020]. В свою очередь, развитие сектора туризма способствовало бы привлечению денег в экономику и развитию не только малого и среднего бизнеса, связанного с туристической отраслью, но и созданию необходимой инфраструктуры.

Последний ряд показателей социального блока, отражающих эффективность выполнения программы, касается обязательств властей улучшить уровень жизни населения. Среди них — повышение продолжительности жизни, увеличение доли женщин, занятых в экономике, достижение доли расходов населения на культуру и досуг 6% от общего объема расходов домохозяйств. Рост этих показателей должен был отразить качественное развитие общества и государства под руководством наследного принца².

«Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030» корректировалось и уточнялось национальными программами, которые рассчитаны на меньший период. Текущая программа «Национальный

---

¹ Руайя Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя: 2030 [Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030]. 2016. Available at: <http://vision2030.gov.sa/ar/media-center> (accessed: 11.01.2021).

² Руайя Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя: 2030 [Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030]. 2016. Available at: <http://vision2030.gov.sa/ar/media-center> (accessed: 11.01.2021).

поворот: 2020» обозначила как целевые показатели, которых необходимо было достичь к 2020 г., так и органы контроля за их достижением: Бюро статистического управления и Национальной счетной палаты¹.

Среди показателей, которых планировалось достичь на 2020 г., — предполагаемый рост доходов от нефтефтяных секторов экономики до 530 млрд риалов и общий рост стоимости экспорта продукции до 330 млрд риалов. При этом доля малого и среднего предпринимательства (МСП) в нефтефтяном секторе должна подняться до 35% и достичь в составе ВВП королевства 21%. Кроме того, планировалось усилить диверсификацию в области здравоохранения с тем, чтобы доля услуг частного сектора составила не менее 35%.

Наиболее амбициозной представляется цель в сфере туризма, в соответствии с которой страна должна была принять 15 млн туристов в 2020 г². Во многом от успеха этой программы зависит выполнение грандиозного проекта «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030».

«...но забыли про овраги, а по ним ходить»

Разразившийся мировой экономический кризис и пандемия коронавируса негативным образом повлияли на достижение целевых показателей программы на 2020 г. Однако сложности с реализацией «Видения Королевства Саудовская Аравия: 2030» начались гораздо раньше и были связаны с социально-экономическими проблемами и особенностями развития королевства. Факторы, препятствующие успешной реализации “Saudi Vision 2030”, можно разделить на четыре группы: институциональные; структурные; связанные с рынком труда; касающиеся спроса и предложения.

К первой группе трудностей относятся: несовершенство государственного управления, распространение коррупции, неблагоприятный деловой и инвестиционный климат.

Вторая совокупность проблем связана с узкой специализацией на секторе ТЭК, что (в условиях понижения цен на энергетическом рын-

¹ Ат-Тахаввуль аль-ватаний: 2020 [Национальный поворот: 2020]. 2016. Available at: <https://vision2030.gov.sa/en/programs/NTPpdf> (accessed: 11.01.2021).

² Руайя Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя: 2030 [Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030]. 2016. Available at: <http://vision2030.gov.sa/ar/media-center> (accessed: 11.01.2021).

ке) стало одним из главных ограничений индустриализации страны и диверсификации ее экономики. Саудовские власти не придали указанному фактору должного значения при формулировании «Видения Королевства Саудовская Аравия: 2030», что определило разницу планируемых и итоговых показателей на начальном этапе реализации стратегии.

Третий блок проблем наслаивается на четвертый, поскольку попытка оптимизации государственных затрат и пересмотр «социального контракта» с населением через повышение налогов и снижение субсидий приводят к снижению спроса населения на продукцию, что ведет к потерям для бизнеса, а в дальнейшем к снижению предложения.

Четвертая группа факторов включает в себя высокий уровень безработицы при относительно низком уровне качества местных трудовых ресурсов, что связано с разрывом между уровнем компетенций выпускников саудовской системы образования и требованиями современной экономики, а также с «иждивенческим» поведением населения, которое привыкло жить на пособия и щедрые государственные субсидии [Буровцев, 2014]. При этом политика «саудизации» экономики и отказ от дешевой рабочей силы в лице мигрантов приводят к увеличению издержек для бизнеса и замедлению развития частного сектора [Там же].

Основными источниками финансирования масштабных проектов «Видения Королевства Саудовская Аравия: 2030» должны были стать доходы и резервы, накопленные от экспорта продукции топливно-энергетического комплекса. Это соответствовало логике развития нефтяных монархий Залива, которые использовали поток нефтедолларов для обеспечения высокого уровня государственных расходов на субсидии для населения и инвестирования в создание новых отраслей экономики. Однако в связи с падением цен на нефть (с более чем \$100 за баррель марки Brent в 2014 г. до \$30–35 в 2016 г.) после постепенного выхода на рынок более не облагаемой санкциями иранской нефти и роста сланцевой отрасли США доходы королевства резко упали по сравнению с предыдущим периодом. В то же время прогнозируемого в 2016 г. роста спроса на нефть и сокращения предложения не случилось. Производители сланцевой нефти не разорились, и цены закрепились на уровне \$50–60 за баррель марки Brent. При этом для достижения сбалансированного бюджета королевству необходимо, чтобы цена на нефть превышала \$70–80 за бар-

рель [Гукасян, 2017: 140]. Подобная зависимость от состояния дел на энергетическом рынке привела к бюджетному дефициту в период 2014–2019 года¹.

<i>Оценка государственного бюджета и долга до 2019 г. (в млрд риалов)²</i>						
Период	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Гос. долг	44	142	317	443	560	678
Изменение в %	-26,34%	222,73%	123,24%	39,75%	26,41%	21,07%
Гос. доходы	1,040	613	519	622	906	927
Изменение в %	-10%	-41,06%	-15,33%	19,85%	45,66%	2,32%
Гос. расходы	1141	1001	936	860	1079	1059
Изменение в %	14,66%	-12,27%	-6,49%	-8,12%	-25,47%	-1,85%
Сальдо госбюджета	-101	-388	-417	-238	-173	-132
<i>Источник: IMF: World Economic Outlook (WEO) Database</i>						

Стоит отметить, что, хотя «шоки» цен на нефть относятся к внешним и неконтролируемым рискам, недооценка их влияния на реализацию заявленных показателей является одной из ключевых проблем «Видения Королевства Саудовская Аравия: 2030». Это оказалось особенно критичным в условиях, когда 80% поступлений в бюджет формируются с продаж сырой нефти³.

Любое существенное падение цен на рынке энергоносителей в длительной перспективе ведет к сложностям в реализации программы, целями которой являются снижение зависимости от экспорта нефти и диверсификация экономики.

¹ Экономика Саудовской Аравии в условиях низких цен на нефть // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики / Аналитический центр при Правительстве РФ. Октябрь 2019. Доступ: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/25125.pdf> (дата обращения 11.01.2021).

² IMF: World Economic Outlook (WEO) Database. October 2020. Available at: IMF: World Economic Outlook (WEO) Database, October 2020 (accessed 11.01.2021).

³ Фудзи К. Daily Shincho (Япония): Саудовская Аравия в западне коронавируса. По энергетической безопасности Японии может быть нанесен болезненный удар // ИноСМИ.ru 18.05.2020 Доступ: <https://inosmi.ru/politic/20200518/247447058.html> (дата обращения 11.01.2021).

Согласно неолиберальному подходу, заложенному в «Видении Королевства Саудовская Аравия: 2030», особая роль в развитии экономики отводится приватизации¹. Однако ставка на этот источник финансирования реформ также не вполне себя оправдывала. Яркой иллюстрацией этого тезиса служит история первичного публичного размещения акций (*IPO*) *Saudi Aramco* — одного из наиболее привлекательных объектов вложения средств для зарубежных инвесторов. Она была проведена в меньшем объеме, затронув всего 1,5% акций компании вместо 5%. Сама же компания была оценена всего в 1,7 трлн долл. США, вопреки заявлениям бывшего советника Министерства нефти и минеральных ресурсов КСА Мухаммеда ас-Саббана о достижении компанией 10 трлн долл. США капитализации². Хотя первый этап размещения акций компании на сумму 25,6 млрд долл. США стал историческим рекордом для финансовых рынков, многие аналитики уже расценили *IPO* как неудачное, что отразилось в мультипликаторе оценки компании³. Это, в свою очередь, свидетельствует о недоверии иностранных инвесторов к саудовским властям и наличии у них опасений пострадать в результате тактических маневров главной заинтересованной стороны в компании — самого королевства, — направленных на решение национальных задач (даже в ущерб миноритариям).

Произошедшее с важнейшим активом государства, который должен был привлечь внимание инвесторов к саудовским компаниям, показательно в плане оценки реальной эффективности процесса приватизации. В связи с этим не стоит забывать о негативном влиянии на инвестиционный климат страны антикоррупционной кампании, инициированной наследным принцем и носившей яркую политиче-

---

¹ Крук А. Программа «Видение–2030». Готова ли Саудовская Аравия к краху монархии? // Валдай. 23.06.2016. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/programma-videnie-2030-saudovskaya-araviya/> (дата обращения 11.01.2021).

² Shtalekar R. Saudi Aramco IPO — A reality of mythical proportions? // Aranca Research. 27.04.2016. Available at: <https://www.aranca.com/assets/uploads/resources/special-reports/Saudi-Aramco-IPO-A-Reality-Of-Mythical-Proportions.pdf> (accessed 11.01.2021).

³ Дебелов А. Обманчивый успех самого дорогого IPO: что скрывается за фасадом Saudi Aramco // Forbes.ru 25.12.2019. Доступ: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/389741-obmanchivyy-uspeh-samogo-dorogo-ipo-cto-skryvaetsya-za-fasadom-saudi> (дата обращения 11.01.2021).

скую окраску. Показательное обвинение и последовавшее фактически насильственное отчуждение средств в размере 100 млрд долл. США в виде выкупа в обмен на освобождение из-под ареста нескольких влиятельных представителей саудовского истеблишмента лишь показывает западным покупателям иллюзорность возможности защитить свои права и инвестиции в активы королевства¹. При этом уровень восприятия коррупции в стране только увеличился (страна после антикоррупционного расследования опустилась на 6 пунктов в 2017 г. в соответствующем рейтинге Transparency International²), хотя коррупция давно была одним из закрепленных за элитой способов извлечения ренты из своего положения.

В дополнение ко всему вышесказанному КСА занимает скромные позиции для государства, претендующего на роль «мирового образца», в таких рейтингах, как «легкость ведения бизнеса» (92-е место), индекс экономической свободы (91-е место), индекс предпринимательства и развития (48-е место), что отражает слабость институциональной среды³. Все это закономерно приводит к тому, что страна не достигла и половины от заявленного показателя на 2020 г. по привлечению прямых иностранных инвестиций в размере 10 млрд долл. США к концу 2019 г.⁴.

Снизить нагрузку на государственный суверенный фонд по реализации «Видения Королевства Саудовская Аравия: 2030» и покрыть часть государственных расходов должен был рост суверенного долга. Однако по мере увеличения самого долга и рисков вокруг королевства его стоимость неизбежно будет расти. Уже в текущий период с 2016 по 2020 г. наблюдался стремительный рост государственного долга, а также темпов выплат по займам, который оказался выше

---

¹ Причины и последствия антикоррупционной кампании в Саудовской Аравии. Интернет-ресурс // ТАСС. 24.11.2017. Доступ: <https://tass.ru/korruptcionnyu-skandal-v-saudovskoy-aravii> (дата обращения 11.01.2021).

² Transparency International: Corruption perception index // Transparency.org 2020 Available at: <https://transparency.org/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/> (accessed 11.01.2021).

³ Экономика Саудовской Аравии в условиях низких цен на нефть // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики / Аналитический центр при Правительстве РФ. Октябрь 2019. Доступ: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/25125.pdf> (дата обращения 11.01.2021).

⁴ Ат-Тахаввуль аль-ватаний: 2020 [Национальный поворот: 2020]. 2016. Available at: <https://vision2030.gov.sa/en/programs/NTPpdf> (accessed: 11.01.2021).

темпов роста экономики страны¹. К тому же вместе с долгом государства растет и долг корпоративного сектора, что в будущем может стать угрозой для саудовских компаний, с которыми власти связывают новый облик страны. Все это заставляет руководство аравийской монархии ограничивать свою активность на долговом рынке, отступая от своего плана для финансирования новых расходов через суверенный фонд королевства, чьи валютные резервы опустились до минимума 2011 г.²

Таким образом, ограничения и проблемы на уровне финансирования «Видения Королевства Саудовская Аравия: 2030» неизбежно заставили бы руководство страны пересмотреть свои планы еще до пандемии COVID-19, которая только усугубила отмеченные выше проблемы.

Попытки снизить государственные расходы упираются в огромные социальные обязательства королевства и расходы на содержание чиновников государственного сектора. До последнего времени страна поддерживала для населения одни из самых низких в мире тарифов в сфере оплаты услуг ЖКХ и цен на топливо; лишь с 1 января 2018 г. был введен налог на добавленную стоимость [Рыжкова, 2018]. Это бремя государственного бюджета накладывалось на необходимые инвестиции в инфраструктурные проекты для выполнения целей «Видения Королевства Саудовская Аравия: 2030», что без принятия контрмер делало решение задачи сокращения дефицита бюджета невозможным.

Ответом саудовских властей стало постепенное снижение субсидирования расходов населения и повышение налогового бремени на подданных. Так, был введен налог НДС в размере 5%, 100-процентный акциз на «вредные» товары (табак, энергетики), были снижены субсидии на топливо, воду и электричество, что должно существенно пополнить государственную казну³. Например, только от внедрения НДС правительство планировало получить дополнительно

---

¹ World Economic Outlook (WEO) Database // IMF. Available at: IMF: World Economic Outlook (WEO) Database, October 2020 (accessed 11.01.2021).

² Аравия тонет в дешевой нефти // Коммерсантъ. 13.05.2020. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/4342548> (дата обращения 11.01.2021).

³ Саудовская Аравия с 10 июня вводит 100-процентные акцизы на табак и энергетики. Интернет-ресурсы // Russia Today. 28.09.2017. Доступ: <https://russian.rt.com/business/news/394418-saudovskaya-araviya-akcizy-tabak-energetiki> (дата обращения 11.01.2021).

до 10 млрд долл. США ежегодно. В свою очередь, от сокращения субсидий, которыми пользуется тридцатимиллионное население страны, королевство планирует выручить еще около 30 млрд долл. США.¹ Наконец, нововведение в виде карты резидента для 10 млн иностранцев, работающих в частном секторе, по мысли властей, должно привлечь дополнительные 10 млрд долл. США².

Подобные меры, хотя и стали началом отхода от расточительного образа жизни в период «нефтяного изобилия», оказались недостаточными, чтобы покрыть запланированные государственные расходы при низких финансовых поступлениях от нефтяного сектора. Расходы только лишь на реализацию государственных программ в рамках «Видения Королевства Саудовская Аравия: 2030» выросли на 169% в 2018 г. [Щегловин, 2018]. Немаловажную роль играет «милитаризация» бюджета страны: 20% предполагается направить на военные нужды, что связано с продолжением участия КСА в йеменском конфликте и стремлением к созданию достаточного военного потенциала, чтобы противостоять Ирану. Подобные шаги уменьшают и без того сузившиеся возможности властей по выполнению своих социальных обязательств и задач «Видения Королевства Саудовская Аравия: 2030».

Попытки найти дополнительные источники доходов для бюджета за счет увеличения налогового бремени на население ограничены желанием не допустить роста напряженности в обществе, где единственным социальным обязательством была лишь уплата закята в размере 2,5% от годового дохода. Последний является ежегодным обязательным налогом для всех дееспособных мусульман, который выплачивается в пользу нуждающихся единоверцев и, согласно исламскому праву, является одним из пяти столпов ислама [Зобова, 2015]. Здесь стоит отметить, что заявленная помощь и субсидии населению не могут перевесить тяжесть введенного властью налогового бремени, что негативно отражается на паритете покупательной способности (показатель падал на 2% в среднем за 2017–2019 гг.) и на спросе подданных на товары и услуги, которые не являются базовыми³. Это можно

---

¹ Дударев К. Саудовская Аравия: от «экономической экзотики» к прагматизму. Интернет-ресурсы // Новая газета. 15.04.2016. Доступ: https://www.ng.ru/ideas/2016-04-15/5_aravia.html (дата обращения 11.01.2021).

² Там же.

³ World Economic Outlook (WEO) Database. Интернет-ресурсы // IMF. 2020. Available at: IMF: World Economic Outlook (WEO) Database, October 2020 (accessed 11.01.2021).

отчетливо проследить на примере продаж машин в королевстве, где можно увидеть отчетливый спад после введения НДС в 2018 и 2020 гг. и увеличения стоимости бензина на 80%¹.

Источник: IMF: World Economic Outlook (WEO), CEIC Database

Подобная ситуация неизбежно отразится на замедлении темпов развития частного сектора и сузит возможности для развития предпринимательства. Более того, еще один драйвер в виде туристической отрасли для развития малого и среднего предпринимательства (МСП) в стране столкнулся с трудностями становления светского туризма в королевстве, которое на протяжении своей истории позиционировало себя как место религиозного паломничества в рамках хаджа и умры. В этой сфере Саудовская Аравия является лидером, получая ежегодно порядка 20 млрд долл. США от мусульман, посещающих святые места на территории государства². В то же время в стране отсутствуют «богатые традиции гостеприимства» и существует множество ограничений для туристов: необходимость соблюдения строгого дресс-кода в публичных местах, запрет на посещение Мекки и Меди-

¹ Census and Economic Information Center (CEIC) Database // CEIC data. 2020. Available at : <https://www.ceicdata.com/en/indicator/saudi-arabia/motor-vehicles-sales#:~:text=Saudi%20Arabia%20Motor%20Vehicles%20Sales%20is%20updated%20yearly%2C%20available%20from,from%20semiannual%20Motor%20Vehicles%20Sales> (accessed 11.01.2021).

² Саудовская Аравия потеснит Хургаду. Интернет-ресурсы // Газета. 4.08.2017. Доступ: <https://www.gazeta.ru/business/2017/08/04/10818427.shtml> (дата обращения 11.01.2021).

ны, запрет на потребление алкоголя, практика раздельного купания¹. В связи с этими консервативными для стандартов мирового туризма правилами и особенностями многие эксперты высказали сомнения в эффективности одного из важнейших (согласно «Видению Королевства Саудовская Аравия: 2030») драйверов восстановления экономики в краткосрочной перспективе². Эти сдержанные оценки потенциала светского туризма в стране подтверждаются статистическими данными. Количество туристов, посетивших королевство в период с 2016 по 2019 г., заметно снизилось по сравнению с 2014 г.³ Стоит сказать, что в полной мере проанализировать эффект от мер властей в сфере туризма представляется затруднительным, поскольку мировой экономической кризис и пандемия коронавируса свела к минимуму влияние многочисленных нововведений и изменений в визовой политике страны, парализовав область международного туризма. Так, власти перекрыли каналы для религиозного туризма из-за разрастания эпидемии уже в феврале 2020 г. [Косач, 2017: 90]. В дальнейшем в связи с новыми вспышками заболеваний в октябре в королевстве полностью отказалась от плана приема туристов в 2020 г.⁴. Т. е. успехи правительства с точки зрения привлечения туристов в страну оказались существенно скромнее, чем ожидалось создателями «Видения Королевства Саудовская Аравия: 2030». При этом последствия вспышки COVID-19 неизбежно заставят руководство государства скорректировать заявленные задачи с учетом долгого восстановления туристической отрасли и увеличения издержек на обеспечение безопасности по приему гостей⁵.

¹ Russia Today. Меньше нефти, больше пляжей: сможет ли Саудовская Аравия развивать светский туризм. Интернет-ресурсы // URL: <https://russian.rt.com/business/article/420619-saudovskaya-araviya-turizm-ekonomika> (дата обращения 11.01.2021).

² Там же.

³ World Bank Database. Интернет-ресурсы // World Bank. 2020 Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/ST.INT.ARVL?locations=SA> (accessed 11.01. 2021).

⁴ Пандемия COVID-19: Саудовская Аравия не примет в этом году паломников из-за границы // Новости ООН. 24.06.2020. Доступ: <https://news.un.org/ru/story/2020/06/1380832> (дата обращения 11.01.2021).

⁵ International tourism down 70% as travel restrictions impact all regions // UN World Tourism Organization 27.10.2020. Available at: <https://www.unwto.org/news/international-tourism-down-70-as-travel-restrictions-impact-all-regions> (accessed 11.01.2021).

В результате замедление развития частного сектора, в частности МСП, ставит под угрозу планы властей снизить безработицу среди коренного населения с официальных 11,6 до 7% к 2030 г. [Косач, 2017: 384]. При этом стоит понимать, что данная цифра практически не отражает женскую безработицу, которая достигает 79% [Буровцев, 2014: 140]. В результате в зависимости от способа подсчета показатель безработицы в КСА колеблется между 15 и 30%, причем последняя цифра точнее описывает саудовскую действительность, учитывая скрытую безработицу. Наиболее напряженная ситуация в области трудоустройства наблюдается в молодежной среде: уровень безработицы среди молодежи доходит до 40%, в то время как эта категория населения составляет 70% подданных королевства [Мохамед, 2012: 56].

Подобное положение на рынке труда объясняется высоким уровнем занятости (81%) в частном секторе иммигрантов из менее богатых стран, которые обходятся работодателям гораздо дешевле коренных жителей. В связи с принятием «Видения Королевства Саудовская Аравия: 2030» власти усложнили прием на работу и жизнь в королевстве более 6,5 млн мигрантов в стране, введя новые ограничения для бизнеса. Это уже привело к отъезду 2,2 млн мигрантов с 2016 г. Однако сами саудовцы не спешат занимать появившиеся рабочие места, предпочитая пользоваться социальными пособиями. Так, большинство молодых людей не соглашаются на испытательный срок на рабочем месте с оплатой их труда в размере 500–600 долл. США в месяц. При этом исследователи отмечают, что зачастую сами саудовцы имеют «низкий образовательный уровень, социально инертны и излишне амбициозны» [Буровцев, 2014: 141]. Все это снижает конкурентоспособность местных молодых специалистов на национальном рынке труда. Давление со стороны властей привело к возникновению практики фиктивного приема на работу граждан страны, когда молодым саудовцам платят минимальную ежемесячную заработную плату (400 долл. США) за формальное наличие их в штате в рамках предусмотренной правительством квоты для местной рабочей силы, а настоящую работу по-прежнему выполняют мигранты из бедных стран [Буровцев, 2014: 140].

В итоге частный сектор столкнулся сразу с несколькими вызовами. Среди них — уменьшение спроса из-за снижения покупательной способности населения, требования и ограничения правительства по использованию труда мигрантов, недостаточная инвестиционная привлекательность для зарубежных игроков, неготовность местной рабочей

силы удовлетворить запросы бизнеса. Вышеперечисленные проблемы снижали потенциал частного сектора как одного из локомотивов развития нефтяных отраслей экономики, что угрожало срывом достижения показателей, намеченных в экономическом блоке «Видения Королевства Саудовская Аравия: 2030», еще до начала экономического кризиса. В результате еще до полномасштабного развертывания кризиса власти смягчили требования к бизнесу, позволив снижать зарплаты сотрудникам на 40%, и облегчили процедуру сокращения штата работников¹. Это неизбежно негативно скажется на выполнении задач программы по снижению безработицы, увеличению занятости в частном секторе и стимулированию роста благосостояния населения.

Между тем слабость институциональной среды, политические риски (антикоррупционное расследование, дипломатический конфликт с Катаром), негативно влияющие на инвестиционный и бизнес-климат, недостаточно высокий уровень корпоративного управления снижают возможности государства по финансированию проектов программы через приватизацию государственных активов и увеличение долга (увеличивается стоимость покрытия долга)². При этом необходимость поддерживать достаточно высокий уровень социальных расходов с целью снижения напряженности в обществе из-за пересмотра «социального контракта», затраты на оборонные нужды не позволяют существенно оптимизировать расходы государства. В результате фактически не была выполнена Программа бюджетного баланса – 2020, которая предполагала достижение сбалансированного бюджета в 2019 г. и профицитного бюджета в 2020 г.³ В итоге дефицит бюджета заставил власти еще сильнее урезать затраты на выполнение проектов «Видения Королевства Саудовская Аравия: 2030» и корректировать промежуточные программы на 2020 г.⁴

Реализацию «Saudi Vision 2030» осложняют коррупция, низкая эффективность государственного управления, противодействие части кон-

¹ Будущее откладывается. Саудовская Аравия прощается с сырьевым благополучием. Интернет-ресурсы // ТАСС. 22.09.2020. Доступ: <https://tass.ru/ekonomika/8531687> (дата обращения 01.11.2020).

² Ghafar A. Brookings Institution: A new Kingdom of Saud? // Brookings. 14.02.2018. Available at: <https://www.brookings.edu/research/a-new-kingdom-of-saud/> (accessed 11.01.2021).

³ Ibid.

⁴ Saudi Arabia 2020 budget // CPI Financial. 07.01.2020. Available at: <http://www.cpifinancial.net/wealth/features/saudi-arabia-2020-budget> (accessed 11.01.2021).

сервативной элиты реформам, отсутствие прозрачности принятия решений и эффективного диалога между властью и местным экспертным сообществом¹. Отметим, что сама программа “Vision”, предложенная принцем, была составлена специалистами западной консалтинговой компании McKinsey². Следствием этого стала недооценка проблемных мест и рисков в развитии национальной экономики, в особенности высокой степени зависимости доходов государства от цен на нефть. В данном контексте показательно заявление Мухаммеда Бен Сальмана, сделанное в год принятия программы, о том, что КСА не будет важно, вырастут ли цены на нефть до \$70 за баррель или упадут до \$30.

Последующие годы показали, что именно снижение котировок на нефтяном рынке стало причиной существенного снижения доходов государства и серьезно ударило по реализации “Saudi Vision 2030”.

Также уместно вспомнить заложенный в «Видении Королевства Саудовская Аравия: 2030» проект футуристического города Неом, который вызывает сомнения экспертов с точки зрения целесообразности его имплементации³. Помимо технологических трудностей и затрат на создание города, управляемого искусственным интеллектом, специалисты отмечают риск недостаточной заселенности города для его эффективного функционирования. К тому же опыт предыдущих шести городских мегапроектов в рамках программы 2005 г. «Новые экономические города» оказался не самым удачным. Эти города до сих пор не смогли привлечь достаточное количество жителей для полноценной жизнедеятельности⁴.

Заключение

Подводя итог всему вышесказанному, мы можем заключить, что еще до начала мирового экономического кризиса и пандемии COVID-19 целый ряд социально-экономических факторов угрожал сорвать до-

---

¹ Крук А. Программа «Видение–2030». Готова ли Саудовская Аравия к краху монархии? // Валдай. 23.06.2016. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/programma-videnie-2030-saudovskaya-araviya/> (дата обращения 11.01.2021).

² Там же.

³ Ghafar A. Brookings Institution: A new Kingdom of Saud? // Brookings. 14.02.2018. Available at: <https://www.brookings.edu/research/a-new-kingdom-of-saud/> (accessed 11.01.2021).

⁴ Ibid.

стижение показателей, заложенных в «Видении Королевства Саудовская Аравия: 2030». Хотя до завершения программы остается десять лет, ее реализация происходит в крайне непростых условиях и становится очевидно, что проект потребует корректировки, в том числе в связи с недооценкой социально-экономического контекста при формулировании «Видения Королевства Саудовская Аравия: 2030».

Кризис 2020 г. еще ярче подсветил имевшиеся в национальном хозяйстве КСА противоречия, создав дополнительные сложности для развития страны. В настоящее время властям предстоит адаптироваться к «постковидной» реальности. Будет ли программа серьезно скорректирована или отложена на неопределенный срок (как прогнозируют некоторые специалисты)¹, пока неизвестно. Однако без решения обозначенных в данном тексте проблем страна вряд ли сможет осуществить желаемый наследным принцем социально-экономический рывок.

Список литературы

1. Бибикова О. П. Перестройка в Королевстве Саудовская Аравия // Россия и мусульманский мир». 2019. № 1. С. 62–68.
2. Буровцев М. В. Трудовая миграция в Саудовской Аравии: тенденции и особенности развития // Труд и социальные отношения. 2014. № 1 С. 137–143.
3. Гукасян Г. Л. Экономическое положение стран ССАГПЗ в условиях снижения цен на нефть // Институт востоковедения РАН. 2017. № 1. С. 140–155.
4. Зобова И. Ю. Налоги и налогообложение в странах с исламской экономикой: Учебное пособие. Казань: К(П)ФУ. 2012. 154 с.
5. Косач Г. Г. Эпидемии и реформы: опыт Саудовской Аравии // Международная аналитика. 2020. № 11. С. 89–96.
6. Косач Г. Г. Социально-экономические реформы в Саудовской Аравии «Видение 2030» // Институт востоковедения РАН. 2017. № 5. С. 379–392.
7. Мохаммед А. Х. Роль рынка труда в странах Персидского залива // Статистика и экономика. 2012. № 6. С. 2–6.

---

¹ Saudi Arabia's big dreams and easy living hit a wall // New York Times. 16.05.2020. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/05/16/world/middle-east/saudi-arabia-coronavirus-prince.html> (accessed 11.01.2021).

СТАТЬИ

8. Рыжкова Е. А. Правовое регулирование НДС в Саудовской Аравии // *Налоги и налогообложение*. 2018. № 4. С. 18–25.
9. Тагиров Т. Последствия коронавируса для Саудовской Аравии // РСМД. 10.06.2020 Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytically-and-comments/columns/middle-east/posledstviya-koronavirusa-dlya-saudovskoy-aravii/> (дата обращения 21.01.2021).
10. Щегловин Ю. Б. О бюджете Саудовской Аравии на 2018 год // *Институт Ближнего Востока*. 6.01.2018. Доступ: <http://www.iimes.ru/?p=40464> (дата обращения 11.01.2021).
11. Ozyavuz A., Schmid D. Persistence and evolution of the rentier state model in Gulf countries. P.: Iffri, 2015. 33 p.
12. Grey M. A theory of “late rentierism” in the Arab States of the Gulf. P.: CIRS, 2011. 52 p.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ПРОЦЕССЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЛИВИЙСКОГО КОНФЛИКТА

*А. С. Зыгарь*¹

*Е. А. Юрьева*²

Аннотация: Ливия ассоциируется с состоянием нестабильности, разрозненности и государственного хаоса с тех пор, как началась первая гражданская война, которая привела к падению режима Муаммара Каддафи в 2011 г. Тремя годами позже страну охватила вторая гражданская война, продолжающаяся по сей день. Ситуация приобрела черты международного конфликта с вовлечением в войну региональных и глобальных акторов. Однако помощь международного сообщества не привела к урегулированию конфликта, а в какой-то степени даже усугубила его. Достижению мира в Ливии препятствует целая совокупность факторов. В их числе: вакуум власти после смерти Каддафи, социальное и политическое неравенство ливийских племен, угроза исламского терроризма и, самое главное, конкуренция за контроль над нефтяными ресурсами страны. «Черное золото» является топливом ливийского конфликта.

Ключевые слова: Ливия; конфликт; нефть; внешние игроки; энергетический фактор.

Ливийский кризис берет свое начало с окончания «эры Каддафи» в 2011 г. При содействии западных сил ливийцы свергли главного идеолога и создателя Джамахирии. Протесты обернулись иностранной интервенцией и убийством Муаммара Каддафи, в стране до сих

---

¹ **Алексей Сергеевич Зыгарь** — магистрант I года обучения факультета мировой политики имени М. В. Ломоносова; направление подготовки «Региональные проблемы мировой политики»; президент Ближневосточного клуба ФМП.

² **Елизавета Алексеевна Юрьева** — студентка IV курса бакалавриата факультета мировой политики имени М. В. Ломоносова; направление подготовки «Региональные проблемы мировой политики»; член Ближневосточного клуба ФМП.

пор царит двоевластие и продолжается противостояние [Копосова, 2015: 176]. На западе, в Триполи, действует сформированное при поддержке ООН и Евросоюза Правительство национального согласия, образованное в соответствии со Схиратскими соглашениями 2015 г. В то же время восток Ливии контролируется оппозиционным западному правительству Палатой представителей в Тобруке, которая является высшим органом законодательной власти. Палата представителей пользуется поддержкой Ливийской национальной армии во главе с Халифой Хафтаром.

Урегулированием конфликта с момента начала событий в 2011 г. занималось международное сообщество при посредничестве Миссии ООН по поддержке в Ливии (далее — МООНПЛ). Однако ни деятельность МООНПЛ, ни Схиратские соглашения и ни усилия сторон в переговорном процессе до сих пор не привели к мирному разрешению ливийского кризиса.

С апреля 2019 г. вооруженные действия возобновились, что сорвало назначенную на середину месяца Национальную конференцию в Ливии. 2 января 2020 г. парламент Турции поддержал законопроект, предусматривающий возможность отправки турецких военнослужащих в Ливию, что вызвало волну критики среди стран региона. Эти события дали новый толчок переговорному процессу в рамках Берлинской конференции и ряда встреч с участием внутрививийских сторон и глав государств, так или иначе задействованных в конфликте.

Итогом конференции стало введение режима прекращения огня. Однако после Халифа Хафтар распорядился закрыть нефтяные терминалы Национальной нефтяной корпорации Ливии. Подобные заявления поступили на фоне сообщений о призывах к действиям ливийских племен и местных общественных организаций на востоке Ливии в знак протеста против Правительства национального согласия в Триполи. Безусловно, это привело к значительным потерям в бюджете страны. ООН выразила обеспокоенность ситуацией, предупреждая о негативных последствиях для всей ливийской экономики, которая полностью зависит от добычи нефти.

На современном этапе урегулирования ливийского конфликта одним из важнейших параметров, требующих научного осмысления, является актуализация энергетического фактора в геостратегических и геополитических интересах задействованных в данном процессе сторон. Именно этой проблематике и будет посвящена представленная статья.

**О нефтяной отрасли Ливии:
до Каддафи и во время Каддафи**

Во многом открытие нефтяных месторождений на территории Ливии определило судьбу этой североафриканской страны. Промышленная добыча нефти на территории Ливии началась в 1959 г., а в 1961 г. нефть стали экспортировать [Егорин, 1999: 204] Это сделало одну из беднейших и зависимых от иностранной помощи наций на Земле богатейшим государством по уровню ВВП на душу населения: 6,5 тыс. долл. США в 1990 г. при мировом показателе в 4,3 тыс. долл. США¹.

Уже на тот момент, в 1960-х гг., в Ливии нефтяная составляющая стала играть центральную роль в политике и экономике молодого государства. «Я бы хотел, чтобы мы нашли воду, — сказал некогда король Ливии Идрис I (1951–1969), — вода заставляет человека работать, нефть заставляет человека мечтать»².

Однако ливийское государство не полностью контролировало национальную нефтяную отрасль. Ключевую роль в добыче нефти в Ливии играли международные многонациональные нефтяные компании. Значительное влияние имели *Amerada*, *Continental Oil* и *Marathon* (в составе консорциума *Oasis Oil Corporation*), *British Petroleum*, *Bunker Hunt* и некоторые другие.

Ситуация изменилась после свержения монархии в 1969 г. 15 марта 1970 г. Совет революционного командования издал закон о преобразовании ливийской национальной нефтяной компании *LIPETCO*, основанной в 1968 г., в ливийскую Национальную нефтяную корпорацию (далее — НКК), призванную содействовать проведению курса на ограничение деятельности иностранных нефтяных компаний и развитие национального сектора нефтяной промышленности [Егорин, 1999: 205]. С этого момента началось постепенное вытеснение иностранных компаний из нефтедобывающей отрасли Ливии и ее монополизация государством.

В период правления Муаммара Каддафи (1969–2011) система управления нефтяным сектором в Ливии отличалась рядом специфических

¹ GDP per capita (current US\$) — Libya, World // The World Bank. 2019. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=LY-1W> (accessed: 11.01.2021).

² От араб. سانال لعجي طفنل اما نول معي سانال لعجي اما لاف .. اما ل اودجو ول تندو نوملحي

особенностей. В первую очередь – высокой централизованностью на фоне полного отсутствия прозрачности государственного управления экономикой. Каддафи и его правительство обвинялись населением в неравномерном распределении прибыли от продажи нефти между тремя историческими областями – Триполитанией, Киренаикой и Феццаном. Глава государства весьма искусно использовал доходы от нефти, чтобы поддерживать баланс политических сил. Нефть выступала инструментом власти в достижении личных интересов. Однако тотальный контроль государства над нефтяным сектором служил инструментом стабилизации экономики страны и обеспечения ее роста.

Со временем нефтяные трубопроводы все больше связывали территорию государства. Сегодня Триполитания, Киренаика и Феццан объединены единой нефтяной сетью. И это один из факторов, что сыграют самую значимую роль в определении будущего страны. Между тем популярные сценарии разрешения ливийского конфликта, предрекающие разделение государства, традиционно не учитывают факт инфраструктурной взаимозависимости трех регионов.

Ливийская нефтяная промышленность на современном этапе

В 2011 г. в связи с гражданской войной и убийством Каддафи в стране наступает период, который характеризуется правительственным кризисом, девальвацией правовой системы и отсутствием государственного контроля за ключевыми экономическими и финансовыми институтами. Это период борьбы вооруженных групп различных политических фракций за контроль над нефтяными терминалами и доходами, а также за обеспечение безопасности нефтегазовой инфраструктуры. Национальная нефтяная корпорация теряет свои главенствующие позиции и вынуждена привлекать к работе местные вооруженные группировки для обеспечения безопасности нефтедобывающих установок.

На сегодняшний день для ливийской нефтяной промышленности характерны высокая доля теневых рынков и отсутствие прозрачности. Если в период правления Каддафи нефтяная промышленность была монополизирована государствами и фактически контроль над ней находился в руках лидера страны, то на современном этапе он переходит от одной политической силы к другой. Как отмечает доктор Мухаммед Эльджарх, известный ливийский эксперт, основатель *Libya Outlook for Research and Consulting*, более 70% ливийской нефти

продается ливийскими компаниями через посредников¹. В условиях режима Каддафи ситуация складывалась прямо противоположная: 75% добычи шло непосредственно конечным пользователям, что сокращало пространство для коррупции в нефтегазовом секторе².

С изменением расстановки политических сил в кризисный период ливийская Национальная нефтяная корпорация фактически вышла из-под контроля международно признанного Правительства национального согласия в Триполи (ПНС). Сегодня она контролируется Ливийской национальной армией (ЛНА), возглавляемой главным оппозиционером ПНС – Халифой Хафтаром, которого поддерживает Палата представителей в Тобруке. При этом основные месторождения находятся на территории Киренаики и Феццана, также занимаемых силами Хафтара и союзными ему племенами. Это создает дополнительные трудности для экономики страны, так как лидер ЛНА использует Национальную нефтяную корпорацию в качестве инструмента достижения своих политических целей.

В конце 2019 г., накануне Берлинской конференции, состоявшейся в январе 2020 г., Халифа Хафтар использовал военную силу для блокирования нефтяного терминала и нефтяных месторождений, что привело к приостановке добычи нефти.

Позднее, в марте 2020 г. силы ЛНА под руководством Хафтара заблокировали объекты нефтяной промышленности – месторождения и нефтепроводы на востоке и юго-востоке страны, морские экспортные терминалы. Целью акции было установление контроля над добычей сырья и переключение финансовых потоков на собственные структуры.

Согласно резолюции Совета Безопасности ООН 2509 от 11 февраля 2020 г.³, Национальная нефтяная корпорация, базирующаяся в Триполи, имеет единоличное право осуществлять контроль над нефтегазовым сектором. Это значит, что все международные компании должны координировать свою торговую деятельность с Национальной нефтяной корпорацией. Однако на практике большая часть нефтя-

---

¹ YouTube (26 June 2020). The online-conference: “The energy factor in the Libyan conflict: domestic and regional dynamics” [Видеофайл]. Взято из <https://www.youtube.com/watch?v=TUiUZZyOCMM&t=29s>.

² Там же.

³ Резолюция 2509 (2020), принятая Советом Безопасности на его 8719-м заседании 11 февраля 2020 г. Доступ: [https://undocs.org/ru/S/RES/2509%20\(2020\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2509%20(2020)) (дата обращения: 11.01.2021).

ных месторождений находится под влиянием Ливийской национальной армии во главе с Халифой Хафтаром. Но контроль нефтегазовых установок не дает восточным властям (правительство в Тобруке, поддерживаемое ЛНА) или самому Хафтару право на продажу нефти и получение с этого доходов. Они могут полагаться только на нелегальный сбыт энергоресурсов.

Нефтяной фактор в структуре ливийского конфликта

Структуру современного ливийского конфликта определяет активное участие в нем целого ряда внешних акторов, как глобальных, так и региональных, и их заинтересованность в энергетическом секторе страны.

Условно можно выделить два региональных блока, сталкивающихся в этом конфликте. Первый — Турция и Катар, а второй — Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия и Египет.

Вопрос месторождений топливно-энергетического сырья осложнял отношения Анкары и Каира. У Ливии и Турции есть спорная пограничная морская территория с расположенными на ней газовым месторождением. Турция подписала Соглашение с признанным международным сообществом правительством Ливии о морских границах в Средиземном море¹ в дополнение к Соглашению о безопасности и военном сотрудничестве². Согласно этому документу, Турция получает права на указанную в соглашении часть Средиземного моря (рядом с островом Крит), где расположены обширные месторождения природного газа. Так Анкара пытается обеспечить себе законную с точки зрения международного права геологическую разведку в той части Средиземного моря, которая входит в экономическую зону Греции.

Достигнутое между Реджепом Эрдоганом и главой ПНС Фаизом Сарраджем соглашение вызвало обеспокоенность у ряда государств

---

¹ Memorandum of understanding between the government of the republic of Turkey and the government of national accord-state of Libya on delimitation of the maritime jurisdiction areas in the Mediterranean. Available at: https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TREATIES/Turkey_11122019_%28HC%29_MoU_Libya-Delimitation-areas-Mediterranean.pdf (дата обращения: 11.01.2021).

² Эрдоган утвердил меморандум о военном сотрудничестве Турции и Ливии. ТАСС. Доступ: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7425971> (дата обращения: 11.01.2021).

Восточного Средиземноморья, которые также претендуют на добычу углеводородов в этих районах. Греция, Египет, Израиль и Кипр заявили о том, что Соглашение о морских границах нарушает международное право. Против выступил и Европейский союз, который также не признал соглашение между Турецкой Республикой и ПНС в связи с нарушением суверенных прав третьих государств. С аналогичным заявлением выступил парламент Ливии, заседающий в Тобруке, и сам Хафтар.

По мнению экспертов, Соглашение о демаркации морских границ и создание таким образом исключительной экономической зоны ставят интересы Турции в зависимость от стабильности режима ПНС. Так, последние события, связанные с заявлением Сарраджа о собственной отставке, вновь подняли вопрос о морских границах.

Интересы Европейского союза в Ливии включают в себя соображения энергобезопасности. Увеличение закупок нефти и газа у Алжира и Ливии позволяет диверсифицировать источники поставок энергоносителей для ЕС. Ливия — ближайший нефтяной экспортер в Европу, за исключением России. К тому же североафриканская страна входит в число десяти государств с крупнейшими запасами нефти в мире¹. Ливийские запасы оцениваются в 48 млрд баррелей². Даже в условиях военно-политического кризиса в Ливии продолжается добыча «черного золота». Таким образом, несмотря на то что соображения имиджевого характера в контексте урегулирования ливийского конфликта играют значимую роль, все же главный мотив присутствия европейских держав в регионе — экономический.

Европейские нефтегазовые компании активно развивают партнерство с Ливией. Италия совместно с ливийской Национальной нефтяной корпорацией последние два года владеет газопроводом «Зеленый поток». По нему на юг Италии ежегодно поступает от 8 млрд до 11 млрд кубометров газа³. В 2017 г. итальянский нефтегазовый концерн ENI

---

¹ OPEC share of world crude oil reserves. Available at: https://www.opec.org/opec_web/en/data_graphs/330.htm (accessed: 11.01.2021).

² Statistical review of World Energy 2020: 69th edition // British Petroleum. 2020. Available at: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-oil.pdf> (accessed: 11.01.2021).

³ Смотряев М. Россия в Ливии: рисков мало, выгод еще меньше // ВВС. 13.11.2018. Доступ: <https://www.bbc.com/russian/features-46198706> (дата обращения: 11.01.2021).

выкупил около 42,5% доли британской нефтегазовой компании British Petroleum в соглашении о добыче и разделе продукции с НКК¹. Французская компания Total получила права на разработку нефтяных ливийских месторождений в нескольких районах. Поэтому урегулирование конфликта и обеспечение безопасности на территории Ливии важны для ЕС в целом, Франции и Италии в частности в контексте реализации указанных проектов.

Москва в неменьшей степени заинтересована в энергетических ресурсах Ливии. России выгодно координировать регулирование цен на нефтяном и газовом рынках. Поддерживая стороны конфликта, Москва надеется восстановить контроль над долей энергетического рынка Ливии. Контроль над нефтегазовым сектором Ливии — это контроль над мировыми энергетическими рынками, то есть это инструмент для регулирования цен и уровня добычи.

Свои интересы в Ливии имеют «Газпром» и «Роснефть». В 2017 г. «Роснефть» подписала контракт с Национальной нефтяной корпорацией по разработке нефтяных месторождений². Перспективы урегулирования конфликта позволяют надеяться на то, что внутренние споры будут преодолены, целостность государства восстановлена и Ливия вернет себе роль крупной нефтедобывающей страны. Такой сценария развития рассматривают те российские нефтяные компании, что рискуют начать в разделенной стране свои новые проекты.

Таким образом, нынешняя нестабильность в Ливии в значительной степени связана с борьбой за контроль над нефтью, в то время как идеологическая и политическая вражда, ливийские племенные связи и влияние терроризма — это лишь элементы, которые усложняют борьбу за нефтегазовые ресурсы.

Заключение

Падение режима Каддафи нарушило прежний статус-кво распределения нефтяных выгод и положило начало кровавому конфликту между внутренними игроками, которые используют идеологическую вражду в легитимации силовых действий. В свою очередь, внерегио-

---

¹ Там же.

² Роснефть и ливийская НОС договорились о сотрудничестве в геолого-разведке и добыче нефти // // Neftegaz.Ru. Доступ: <https://neftegaz.ru/news/partnership/212514-rosneft-i-liviyskaya-noc-dogovorilis-o-sotrudnichestve-v-geologorazvedke-i-dobyche-nefti/> (дата обращения: 11.01.2021).

нальные акторы вмешиваются в противоборство внутривосточных сил, преследуя собственные, в том числе экономические интересы. Все это в совокупности приводит к усложнению и масштабированию конфликта.

Несмотря на политическую нестабильность, внутренние разногласия и вооруженные столкновения, уровень добычи нефти в Ливии остается стабильно высоким¹. Фактически, за исключением атаки в Рас-Лануфе в 2016 г. со стороны террористической группировки «Исламское государство»², никакие другие государственные или негосударственные акторы не совершали нападений на крупномасштабные нефтяные объекты с целью их уничтожения. Даже если из-за нефти ливийцам приходится умирать и умирать, они не остановят ее добычу. Поэтому «нефтяная карта» обречена играть важнейшую роль в определении будущего Ливии.

Список литературы

1. Егорин А. З. История Ливии. XX век // История стран Востока XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 1999. 563 с.
2. Копосова Е. Н. Соотношение внешних и внутренних факторов развития ливийского кризиса // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 5. С. 173–180.

---

¹ Добыча нефти в Ливии превысила 1 млн баррелей в сутки // Neftegaz.Ru. 07.11.2020. Доступ: <https://iz.ru/1084008/2020-11-07/dobycha-nefti-v-livii-prevysila-1-mln-barrelei-v-sutki> (дата обращения: 11.01.2021).

² Запрещенная в РФ организация.

ПОЛИТИЗАЦИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ В РОССИЙСКО-АРМЯНСКОМ ДИАЛОГЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

А. С. Магдесян¹

Аннотация: В данном эссе представлено обзорное описание взаимодействия России и Армении в рамках регионального комплекса безопасности и продемонстрирован высокий объяснительный потенциал предложенной теоретиками Копенгагенской школы концепции секьюритизации при анализе «проблемных узлов» российско-армянского энергодиалога.

Ключевые слова: энергетика; секьюритизация; политизация; безопасность; Копенгагенская школа; Российская Федерация; Республика Армения.

На современном этапе одним из важнейших проблемных аспектов развития мирового хозяйства выступают вопросы энергетической безопасности и энергоэффективности. Достаточные энергетические ресурсы составляют одновременно и политический ресурс государства как актора международных отношений, их дефицит воспринимается как угроза онтологической безопасности страны [Stritzel, 2007]. Энергоэффективность служит основой устойчивого развития государства, именно поэтому в политической повестке дня национальных правительств и международных организаций все больше внимания уделяется вопросам энергетики [Floyd, 2011].

Кризис 1973 г. в качестве первой, но отнюдь не последней энергетической войны наглядно продемонстрировал международному сообществу потенциал использования энергоресурсов в качестве оружия в геополитических играх. Таким образом, энергетика стала частью высокой политики, а секьюритизация энергетики — одним из трендов международных отношений.

---

¹ **Альбина Самвеловна Магдесян** — магистрантка II года обучения факультета мировой политики имени М. В. Ломоносова; направление подготовки «Региональные проблемы мировой политики».

В начале 1990-х годов группа западных ученых объединилась под эгидой Копенгагенского института исследования проблем мира (*Copenhagen Peace Research Institute, COPRI*) в попытке преодолеть ограниченность объективистского подхода к изучению проблем безопасности. Это предполагало понимание того, каким образом определенный объект становится угрозой безопасности; за счет чего он политизируется внутри заданного контекста [Тамбовцева, 2017]. Промежуточный итог размышлениям на заданную тему был подведен в коллективной монографии Барри Бузана, Оле Уэйвера и Яапа де Уальда «Безопасность: новые рамки для анализа», опубликованной в 1998 г., в которой в научный дискурс вводился ряд новых понятий, а именно: секьюритизация (*securitization*), референтный объект (*referent object*), уровни и секторы исследования вопросов безопасности (*levels and sectors of security analysis*), а также региональные комплексы безопасности (*regional security complex*) [Buzan, Waever, de Wilde, 1998: 43].

Идентифицируя новые угрозы безопасности с помощью критической теории, вышеозначенные ученые, составившие интеллектуальное ядро так называемой Копенгагенской школы, предложили инновационный подход к изучению безопасности, основанный на сочетании элементов политического реализма и конструктивизма.

Под секьюритизацией понимался процесс и результат взаимодействия акторов различного уровня (как индивидуального, так и группового), вследствие которого проблемы, которые изначально не касались безопасности, переходят в эту плоскость. Утверждалось, что «взаимозависимость в вопросах безопасности определяет тенденцию к формированию регионального кластера, что и есть комплекс региональной безопасности» [Ibid.: 48]. Внутри этого комплекса процессы секьюритизации разворачиваются с большей интенсивностью, чем за его пределами. Т. е. внутренняя динамика регионального комплекса безопасности обладает существенным уровнем автономии по отношению к глобальным игрокам.

Исследование региональных комплексов безопасности предполагалось вести по пяти секторам: с учетом традиционного военного измерения, а также политического, экономического, социального и окружающей среды. Хотя авторы исходили из предположения о том, что комплексы могут быть не только однородными, но и гетерогенными, т. е. объединяющими участников разного уровня (таких, например, как государства, транснациональные корпорации (ТНК), этно-

группы и пр.), в центре анализа находилось именно государство. Это видение нашло отражение в предложенной Б. Бузаном «матрице анализа» регионального комплекса безопасности. В ней выделялись четыре линии взаимодействия: внутривластьная составляющая государств региона (сильное или слабое государство); межгосударственные отношения в регионе; взаимоотношения регионального комплекса безопасности с другими регионами; роль великих держав в регионе [Ibid.: 59]. В терминологии представителей Копенгагенской школы, взятые вместе данные четыре уровня составляли созвездие безопасности (*security constellation*). Было определено, что эволюция региональных комплексов безопасности выражается в одной из трех форм: поддержание *status quo*, внутренняя трансформация и внешняя трансформация.

С нашей точки зрения, представленная исследователями Копенгагенской школы теоретическая рамка может способствовать более продуктивному анализу «проблемных узлов» российско-армянского диалога по вопросам взаимодействия в энергетической сфере. Данный подход позволяет рассмотреть проблему энергетического сотрудничества двух государств сквозь призму концепта секьюритизации, и это в полной мере отвечает реальности, в которой для энергодефицитной Армении вопрос энергетической стабильности является одним из важнейших в плане обеспечения национальной безопасности. Как отмечает В. И. Бартенев: «Секьюритизация не ставит под сомнение угрозу, а принимает вопрос безопасности, определяя ее как качество, которое субъекты направляют на получение все более точного понимания того, кто секьюритизирует, по каким вопросам (угрозам), для кого (референтных объектов), почему, с какими результатами и при каких условиях» [Бартенев, 2011: 41].

Исторически сложилось так, что безопасность и экономическое развитие Армении в значительной степени зависят от ее внешнего окружения. Энергетическая система республики сильно пострадала после распада СССР: с начала 1990-х годов импорт сырья стало возможным осуществлять только по территории Грузии, поскольку иные пути (трубопровод и железная дорога) через Азербайджан были закрыты в результате конфликта в Нагорном Карабахе.

Трудности обеспечения энергетической безопасности Армении обусловлены спецификой геополитического положения страны и фактом блокировки ее границ со стороны двух непосредственных соседей: Азербайджана и Турции.

В таких непростых условиях основным партнером страны в энергетической сфере наряду с Исламской Республикой Иран стала Российская Федерация (РФ). И именно сотрудничество с РФ подчеркивается в Стратегии национальной безопасности Республики Армения (РА)¹ в качестве одного из важнейших условий эффективной работы энергетического сектора.

Недостаток собственных энергоресурсов и небольшие объемы производства электроэнергии на действующих в стране АЭС и ГЭС (менее 1,3 потребностей страны) обуславливают высокую зависимость Армении от поставок российских энергоносителей. При этом российско-армянские отношения носят асимметричный характер. Для внешней политики Москвы армянское направление является одним из многих, но в Ереване каждое действие стратегического союзника подвергается детальному анализу и даже незначительные просчеты приобретают масштаб серьезных проблем. Массовые протесты в Армении 2015 г., поводом к которым стало повышение тарифов на электроэнергию дочерним предприятием крупной российской корпорации (на тот момент ЗАО «Электрические сети Армении» являлось 100-процентной дочерней компанией российской «Интер РАО»), сформировало негативный общественный фон для двусторонних отношений. В результате «энергомайдана» 2015 г. вопрос энергетической безопасности РА секьюритизировался и перешел из экономической сферы в область высокой политики.

При этом энергетическое сотрудничество РФ и Армении осложняется отсутствием общей границы и неоднозначными отношениями России с Грузией. Связка «Россия – Армения» фактически отрезает Ереван от тех транспортных и коммуникационных путей и проектов, которые проходят через Грузию.

В данном контексте при рассмотрении энергодиалога РФ и РА недостаточно будет проанализировать его экономическое измерение. Не менее важно представить интерпретацию сложившейся структуры взаимодействия в терминах силы, политического соперничества РФ с внерегиональными державами на Южном Кавказе. Как отмечают С. А. Татунц и А. М. Понамарева: «Обострившаяся конкуренция меж-

---

¹ Стратегия национальной безопасности Республики Армения // Министерство иностранных дел Республики Армения. 2020. Доступ: https://www.mfa.am/filemanager/security%20and%20defense/%20национальной%20безопасности%20Республики%20Армения%202020_0.pdf (дата обращения: 11.01.2021).

ду проектами европейской и евразийской интеграции должна стать поводом задуматься о повышении эффективности российской энергетической политики в отношении РА. При этом необходимо учитывать вовлеченность Армении в неразрешенный этнополитический конфликт и склонность рассматривать свое участие в интеграционных объединениях как дополнительный инструмент для разрешения этих конфликтов» [Татунц, Понамарева, 2017: 97–98].

Попробуем, опираясь на предложенные экспертами Копенгагенской школы терминологию и представление о безопасности как об интерсубъективно сконструированном социальном феномене, описать взаимодействие РФ и РА в рамках регионального комплекса безопасности.

1. Влияние внутриполитических трансформаций на характер двусторонних отношений России и Армении.

Стратегический характер союзнических отношений РФ и РА находит выражение не только в межгосударственном сотрудничестве на отдельных треках, но и в интеграции в области экономики и безопасности. Республика Армения подписала Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. в г. Ташкенте. Является членом Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), созданной в 2003 г. на основе и в развитие сотрудничества в рамках ДКБ. Со 2 января 2015 г. Армения официально присоединилась к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС). Данный тренд имеет глубинные основания, и дискуссии о необходимости корректировки имеющегося курса ведутся на периферии политического пространства Москвы и Еревана. Поэтому изменение внутриполитической конфигурации в одном из государств не способно значимо повлиять на сложившийся формат отношений. Разного рода спекуляции со стороны заинтересованных лиц, которые не руководствуются государственными интересами, относительно ревизии союзнического характера отношений РФ и РА в области безопасности разбиваются о реальность, демонстрирующую неготовность западных партнеров последовательно (и не только на декларативном уровне) отстаивать интересы Армении в данной области. Пределы лояльности стран Запада наглядно продемонстрировали итоги второй карабахской войны 2020 г.

2. Межгосударственные отношения РФ и РА в области безопасности.

Особую роль в развитии совместных институтов и механизмов по обеспечению безопасности сыграли тесные исторические связи РФ и РА, составившие основу новых форматов взаимодействия. Вопрос о перспективах взаимоотношений РФ и РА обретает все большую

остроту в контексте сохраняющейся нестабильности на Ближнем Востоке, активизации политики ЕС на Южном Кавказе и возможного «возвращения» США в регион с приходом к власти в Белом доме администрации Джо Байдена. Внешнеполитическая концепция «страны-моста», которой на протяжении долгих лет придерживался Ереван в расчете на то, что она будет способствовать укреплению региональной безопасности, экономическому и политическому сближению разных геополитических союзов, продемонстрировала свою уязвимость в ходе шестинедельной войны в Нагорном Карабахе. Но и от Москвы потребуются определенные усилия, чтобы устранить из двусторонних отношений осадок недоверия и обиды, омрачивший их с завершением второй карабахской войны, которая изменила расстановку сил в регионе и границы Нагорно-Карабахской республики не в пользу Армении.

3. Соотнесенность регионального комплекса безопасности (РКБ), частью которого являются РФ и РА с другими РКБ.

Трансформация системы международных отношений сопровождается возникновением новых вызовов и угроз, с которыми большинство государств не способны справляться в одиночку. Большинство угроз носит транснациональный, а порой трансрегиональный характер, что обуславливает необходимость создания двусторонних и многосторонних форматов сотрудничества с целью эффективного обеспечения национальной безопасности. Тем не менее, как справедливо отметил С. Маркедонов: «В краткосрочной и среднесрочной перспективе Закавказье останется разделенным регионом. Принцип «три страны — три разные стратегии» сохранится». Применительно к участию внешних игроков, помимо ЕС и США, «свои отдельные партии будут играть Иран и Турция, не примыкая к российскому и западному полюсам, хотя формально Анкара и сохранит свое членство в НАТО. Активизируется экономическое присутствие Китая, хотя политически Кавказ в ближайшее время не станет для Пекина приоритетом, сопоставимым по своему значению с Центральной Азией» [Маркедонов, 2019].

Подводя итог, отметим, что проблематика безопасности в российско-армянском диалоге не исчерпывается одним лишь военно-политическим измерением. Рассмотрение российско-армянских отношений в области энергетики сквозь призму концепции секьюритизации позволяет высветить просчеты Москвы в отношениях со своим главным союзником на Южном Кавказе, в первую очередь пренебрежение элементами публичной дипломатии при обращении с энергетическими активами армянской стороны. Таким образом, с учетом

произошедшего расширения спектра исследований безопасности концепция секьюритизации может стать ценным аналитическим инструментом объяснения специфики межстрановых отношений в рамках региональных комплексов безопасности.

Список литературы

1. Бартнев В. И. Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса // Вестник международных организаций. 2011. № 3. С. 37–50.
2. Маркедонов С. Закавказье в 2019 году — не единый регион // РСМД. 18.12.2019. Доступ: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zakavkaze-v-2019-godu-ne-edinyy-region/?sphrase_id=71334198 (дата обращения: 11.01.2021).
3. Саруханян С. Перспективы армянской энергетики в контексте интеграционных проектов // 21-й ВЕК. 2013. № 4. Доступ: <http://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-armyanskoj-energetiki-v-kontekste-integratsionnyh-proektov> (дата обращения: 11.01.2021).
4. Тамбовцева М. А. Теоретический подход копенгагенской школы к обеспечению международной безопасности: основные положения теории секьюритизации // Грамота. 2017. № 9. С. 185–187.
5. Татунц С. А., Понамарева А. М. Энергетическая безопасность Республики Армения в контексте ее взаимоотношений с Российской Федерацией // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. № 3. С. 89–115. Доступ: Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskaya-bezopasnost-respubliki-armeniya-v-kontekste-ee-vzaimootnosheniy-s-rossiyskoj-federatsiey> (дата обращения: 11.01.2021).
6. Buzan B., Waever O., Wilde J. de. Security: A new framework for analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998. 239 p.
7. Floyd R., Croft S. European non-traditional security theory // Geopolitics, history, and international relations. 2011. N 2. P. 152–179. Available at: <http://cris.unu.edu/sites/cris.unu.edu/files/EU-GRASP%20Working%20Paper%201.pdf> (accessed: 11.01.2021).
8. Stritzel H. Towards a theory of securitisation: Copenhagen and beyond // European journal of international relations. 2007. N 13. P. 357–383.

РЕСПУБЛИКА СЕРБСКАЯ КРАИНА, или ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ

Д. О. Растегаев¹

Я проснулся в колыбели,
Черным солнцем осиян.

О. Э. Мандельштам
«*Эта ночь непоправима...*», 1916

Аннотация: В статье определены факторы, способствовавшие актуализации национализма хорватских сербов в первой половине XX в.; описаны этапы становления Республики Сербской Краины (РСК) и раскрыты причины ее падения. Обоснована гипотеза о защитном характере сербского национализма. В основу информационной базы исследования легли «Хроники Республики Сербской Краины» (1989–1991 и 1989–1995 гг.), собранные академиком Часловом Осичем (Osić Časlav), как материалы, богатые исторической фактурой и тем самым позволяющие провести полноценный ретроспективный анализ.

Ключевые слова: этнополитический конфликт; Хорватия; Республика Сербская Краина; национализм; нарратив; идентичность; НАТО; ООН; Ф. Туджман; С. Милошевич.

С распадом биполярности конца 1980-х — начала 1990-х гг. завершилась эпоха идеологического противостояния и многократно обострились вопросы национального самоопределения и нациестроительства, в особенности в полиэтничных государствах бывшего соцлагеря, вставших на путь демократического транзита. В данном контексте рассмотрение динамики противостояния националистического центра и этносепаратистской периферии на примере Республики Хорватии и Республики Сербской Краины может представлять практический интерес и в плане прогнозирования развития этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве.

---

¹ **Даниил Олегович Растегаев** — студент IV курса бакалавриата факультета мировой политики; направление подготовки «Международная безопасность»; победитель Универсиады «Ломоносов» по международным отношениям ФМП 2020 г.

В настоящей статье на основе анализа специфики взаимодействия хорватских сербов и Загреба в ходе гражданской войны в Хорватии (1991–1995) и нескольких лет, предшествовавших конфликту, мы попробуем определить внешние и внутренние факторы актуализации национализма хорватских сербов; рассмотрим путь, пройденный ими от культурной до политической самоорганизации, а также обозначим основные причины падения Республики Сербской Краины. Подробный анализ одной из «линий разлома» постъюгославского пространства представляется актуальным и практически значимым с учетом наблюдаемого возвращения интереса к Балканам крупнейших региональных и внерегиональных игроков и возрастания конкуренции за сферы влияния на Балканах.

Актуализация коллективных травм прошлого

Обострение ситуации в Хорватии произошло вследствие реставрации этнонациональной риторики в политическом пространстве бывшей Югославии (усилиями как руководителя Социалистической Республики Сербии Слободана Милошевича, так и лидера Хорватского демократического содружества (ХДС) Франьо Туджмана). Официальный Загреб (преимущественно в лице Туджмана, ХДС и их сторонников) следовал в своих действиях исторической традиции воспроизводства нарратива хорватской государственности, предполагавшего непрерывное независимое существование хорватского государства с момента образования первых хорватских княжеств в раннем Средневековье [Bellamy, 2003].

Вышеозначенный нарратив актуализировался в противопоставлении с централизмом государства, частью которого являлась сама Хорватия, а до отставки «последнего югослави́ста» Анте Марковича — с югославским пролетарским интернационализмом [Goldstein, 2017].

Сербы, опираясь на традицию краинской автономии и помня о зверствах хорватских националистов во время Второй мировой войны, стремились не стать жертвами «новых усташей» и попутно сохранить право на собственную культуру.

Хорватские сербы: от культурной к политической самоорганизации

Тема этничности вышла на передний план политической повестки Загреба еще в 1989 г. (за год до объявления первых конкурентных выборов в Социалистической Республике Хорватии и прихода к власти

Хорватского демократического содружества и Ф. Туджмана). Маркером возрождения сербского этнического сознания стало образование двух культурно-просветительских обществ хорватских сербов: «Зора» (8 июля 1989 г.) и «Саво Мркаль» (13 января 1990 г.)¹. Культурная самоорганизация крайнцев изначально сопровождалась активным противодействием со стороны Загреба². Подобная политика властных хорватских элит ожидаемо наталкивалась на сопротивление сербской интеллигенции³.

Институционализация социально-культурной деятельности вкупе с общегославской либерализацией привели хорватских сербов к идее создания политического органа выражения интересов сербского народа на территории Республики Хорватии. В феврале 1990 г. в Книне была создана Сербская демократическая партия (*Srpska demokratska stranka*), ее председателем стал Йован Рашкович. Программа партии включала в себя обозначение стремления к многоуровневой федерации для наиболее полного выражения «исторических интересов сербского народа»⁴.

После выборов в Сабор апреля-марта 1990 г. и прихода к власти Франьо Туджмана и ХДС антисербская направленность политики официального Загреба стала ощущаться сильнее. Были изменены государственные символы Хорватии — на флаге страны появилась «шаховница», политики все чаще оправдывали в публичных выступлениях

¹ Hronika Republike Srpske Krajine 1989–1995 // KRAJINAFORCE. Glas krajišnika u egzilu. 1996. P. 1. Available at: <https://ru.scribd.com/doc/144663290/Hronika-Rsk-89-95> (accessed: 26.01.2021).

² Хорватским руководством была сразу же запрещена работа «Зоры». Тренд на противодействие властей национально-культурному самоопределению сербов сохранился: 10 июля 1989 г. был арестован на 40 дней председатель «Зоры» Йован Опачич; а в октябре того же года над ним начался судебный процесс [Hronika RSK 1989–1995: 1].

³ В июле 1989 г. было составлено протестное письмо белградским Комитетом защиты свободы слова (*Odbor za odbranu slobode misli*) с требованием отпустить Опачича из тюрьмы и направлено в Президиум СФРЮ и Президиум СРХ. Отметим также активизацию Союза писателей Сербии (*Udruženje književnika Srbije*): в августе-сентябре в Белграде было проведено несколько «протестных вечеров» по обсуждению положения сербов в Хорватии и ареста Опачича, в сентябре в Белграде был организован митинг с требованием прекращения судебного преследования Опачича [Hronika RSK 1989–1991: 1–2].

⁴ Hronika Republike Srpske Krajine 1989 – 1991 // KRAJINAFORCE. Glas krajišnika u egzilu. 1996. P. 4.

Независимое государство Хорватия (НГХ), улицы переименовывались в честь усташских героев [Павлюков, 2015]. В конце июня 1990 г. началось обсуждение проекта новой Конституции Хорватии в Саборе [Tanner, 1997: 230]. Ожидалось, что официальным языком станет хорватский, официальным письмом — латиница, а сербы из «государствообразующего народа»¹ превратятся в «нацмена». Правда, в финальной редакции Конституции признавалось право отдельных регионов на введение кириллицы или иного вида письма, регулируемое отдельным законом². Тем не менее принятая Конституция значительно ущемляла права и национальные чувства сербов Хорватии.

Политические события способствовали усилению межэтнической напряженности и более активному движению хорватских сербов в сторону автономии. 25 июля 1990 г. в местечке Срб состоялся Великий сербский собор, присутствовало порядка 150 тыс. человек; были сформированы законодательный (Сербский сабор) и исполнительный (Сербское национальное вече) органы хорватских сербов, а также принята Декларация о суверенитете и автономии сербского народа³. Декларация была призвана легитимировать право сербского народа Хорватии доносить свои решения до руководства СФРЮ через собственных представителей в Сербском саборе и Вече, хотя эти органы не соотносились с местными собраниями городов и с будущими государственными органами Краины. В документе содержались требования по употреблению кириллицы⁴, сохранению сербских школ, а также подтверждалось право сербского народа на автономию в Хорватии [Гуськова, 2001: 142]. Таким образом, именно требования культурной автономии все еще составляли смысловое ядро зарождавшегося политического движения к независимости.

В руководстве хорватских сербов, впрочем, не было единства. Внутри Сербской демократической партии постепенно стали выделяться два крыла: умеренное (лидер — Йован Рашкович) и радикальное (лидер — председатель Скупщины Книна и Сербского национального

¹ По Конституции 1974 г. Социалистическая Республика Хорватия объявлялась «государством хорватов и сербов» [Tanner, 1997: 230].

² Ustav Republike Hrvatske (1990) // Narodne Novine. Available at: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1990_12_56_1092.html (accessed: 11.01.2021).

³ Hronika Republike Srpske Krajine 1989–1991... P. 15; Hronika Republike Srpske Krajine 1989–1995... P. 3.

⁴ Кириллическая запись носит особый символический характер для сербского этнического самосознания [Просвирнина, 2019].

веча Милан Бабич). Как отмечает Е. Ю. Гуськова, главным камнем преткновения двух политических блоков служило отношение к лидеру сербских коммунистов Слободану Милошевичу. Если Рашкович полагал, что хорватские сербы должны опираться на собственные силы, не рассчитывая на помощь Белграда и Милошевича, то Бабич считал Милошевича выразителем интересов сербов во всей Югославии [Гуськова, 2001: 142]¹. Также политики расходились в определении дальнейшей стратегии развития государственности хорватских сербов: Рашковичу было достаточно культурной автономии; Бабич стремился к территориальной автономии и даже к федерализации Хорватии.

Динамика становления государственности хорватских сербов

Конфликт между сербами и хорватами вышел на новый уровень, когда из Загреба для разгона референдума о независимости сербских областей Хорватии (намеченного на 17 августа 1990 г.) были присланы полицейские, которым дали вооруженный отпор сербы². После событий августа 1990 г. хорватским сербам стала ясна позиция хорватского руководства, и популярность Бабича, призывавшего к вооруженному сопротивлению, резко возросла. 30 сентября Сербское национальное вече провозгласило сербскую автономию на основе результатов референдума августа 1990 г. (на котором «за» высказалось 756 549 человек из присутствовавших 756 780 [Гуськова, 2001: 142]). Таким образом, территориальная самоорганизация хорватских сербов стала формой выражения «защитного национализма» компактно проживающего этнического меньшинства, подвергающегося давлению центра. Коллективные органы нарождающейся сербской автономии активно выступали против положения новой Конституции Хорватии, по которой сербы лишались статуса государствообразующего народа [Гуськова, 2001: 142].

В Хорватском саборе была сформирована Рабочая группа по подготовке проекта культурной автономии для сербов, однако никаких документов подготовлено не было [Гуськова, 2001: 142]. Ограничив-

¹ Впрочем, под влиянием дальнейших событий каждый из политиков менял свою точку зрения на прямо противоположную.

² Протестующие соорудили баррикады из материалов лесозаготовок: отсюда термин «революция бревен» (*balvan revolucija*) в историографии [Tanner, 1997: 233].

шись формальной демонстрацией доброй воли, Загреб не оставил попыток покончить с сербской самоорганизацией силой¹.

К сентябрю 1990 г. были созданы все условия для перехода конфликта между сербами и хорватами в вооруженную стадию. Ситуация накалилась до предела, психологически хорваты и сербы были готовы к войне.

В параллель процессам, разворачивавшимся в Далмации и Западной Славонии, сербы Восточной Славонии и Западного Срема приступили к самоорганизации: 1 октября местное отделение СДП в Вуковаре выразило полную поддержку общинам Краины, 2 октября прошел митинг против жестокостей хорватского спецназа².

И все же институциональное оформление автономий произойдет гораздо позже: только 7 января 1991 г. будет сформировано Сербское национальное вече Славонии, Бараньи и Западного Срема, 26 февраля 1991 г. принята Декларация о создании автономии сербского народа Славонии, Бараньи и Западного Срема совместно с решением о присоединении к САО Краине.

Период с конца октября по середину декабря 1990 г. был отмечен разовыми вспышками насилия на гражданском уровне. Руководство Сербского национального вече было сосредоточено на подготовке Конституции Сербской автономной области Краины. 21 декабря (за день до принятия Конституции Республики Хорватии) Конституция САО Краины была принята, и именно с этого момента многие специалисты отсчитывают историю независимого сербского государственного образования на территории Хорватии. Согласно принятой Конституции: САО Краина оставалась в составе Республики Хорватии; граждане САО Краины сохраняли права и обязанности, прописанные в Конституции Хорватии³. Статус самопровозглашенной САО Краины

---

¹ Краткая хроника событий: 7 сентября 1990 г. министр внутренних дел Хорватии Йосип Бойковац поставил сербам ультиматум о сдаче оружия и боеприпасов до 12:00 11 сентября. 27 сентября спецназ МВД Хорватии совершил нападение на отделение службы безопасности в Оброваце и изъял более половины имевшегося в арсенале оружия. 29 сентября спецназ арестовал в Петрине вице-спикера Скупщины, начальника безопасности и члена президиума СДП; хорватское население города встречало спецназ овациями, а сербы спешно покидали Петрину [Hronika RSK 1989–1991: 26, 30, 32].

² Hronika Republike Srpske Krajine 1989–1991... P. 35–36.

³ Статут Српске Аутономне Области Крајине (1990) // Викизворник. Available at: [https://sr.wikisource.org/sr-ec/Статут_Српске_Аутономне_Области_Крајине_\(1990\)](https://sr.wikisource.org/sr-ec/Статут_Српске_Аутономне_Области_Крајине_(1990)) (accessed: 26.01.2021).

внутри Хорватии соответствовал, к примеру, статусу АО Воеводины внутри Сербии.

Давление СФРЮ на РХ усиливалось¹, соответствующая конъюнктура была использована сербами для укрепления собственного политического положения: 16 февраля была принята Декларация о положении и правах сербов в Хорватии; 26 февраля в Осиеке было объявлено о создании АО Славонии, Бараньи и Западного Срема. В свете того, что 20 февраля Сабор Хорватии принял постановление, по которому приостанавливалось действие законов СФРЮ на территории Хорватии, 28 февраля Сербское национальное вече и Исполнительное вече САО Краины в Книне приняли решение о выходе из состава Хорватии, при этом оставшись в составе Югославии², с которым к 19 марта согласились все общины Краины. На заре становления САО Краины не был реализован сценарий ее вхождения в Сербию³.

---

¹ К примеру: Хорватия должна была разоружиться по ультиматуму Президиума СФРЮ от 20 января 1991 г., а уже 23 января части ЮНА были наделены полномочиями самостоятельно разоружать правоохранительные формирования; 25 января было объявлено о демобилизации «резервного состава милиции Хорватии», а также стало известно о контрабанде оружия в Хорватии.

² К вопросу о правосубъектности организаций сербов в Хорватии: Сербское национальное вече, как представляется автору, было совещательным органом всех сербов в Хорватии, легитимность которого основана на Декларации о суверенитете и автономии сербского народа от 25.07.1990 г. Оно служило инструментом выражения воли сербов, не имея четких структуры управления, полномочий (кроме проведения плебисцитов [Deklaracija o suverenosti i autonomiji srpskog naroda, 1990: cl. 3–4]) и ясно определенной территориальной принадлежности. Между тем Исполнительное вече САО Краины (по сути, совет министров) являлось конституционным органом автономной области Краины и обладало четкими полномочиями [Статут САО Краине, 1990: чл. 18–23].

³ 31 марта – 1 апреля советы АО Славонии, Бараньи и Западного Срема и САО Краины объявили о присоединении к Республике Сербии и действии на их территории законов РС и СФРЮ, однако 2 апреля Скупщина Сербии не дала согласие на присоединение автономных областей [Hronika RSK 1989–1991: 46]. В любом случае, согласно действующей Конституции СФРЮ [Ustav SFRJ, 1974: cl. 5], невозможно было изменить территорию союзной республики без ее согласия: значит, сецессия автономных областей была незаконной. Более того, согласно Конституции РХ [Ustav RH, 1990: cl. 8], границы страны могут изменяться только с согласия Сабора: такого согласия выражено не было, а значит, сецессия незаконна. Вероятно, так можно объяснить решение Скупщины Республики Сербии. Все же автономные области не оста-

При этом вариант с объединением всех сербов в единое государство прорабатывался. В архивах сохранились документы, где упоминается Декларация об объединении САО Краины и Боснийской Краины¹. Однако начавшаяся гражданская война (период с марта по июнь 1991 г.)² окончательно расстроила планы по формированию трансграничного территориального объединения сербов в рамках СФРЮ.

С конца июня 1991 г. власти Хорватии проводили мобилизацию, спешно создавалась армия уже независимой страны³. Внутри сербских автономных областей формировались собственные отряды территориальной обороны (ТО). 20 августа правительство САО Краины приняло решение об объединении всех отрядов ТО в общую систему территориальной обороны Краины как части ВС СФРЮ⁴ (полноценная армия Краины появится только в октябре 1992 г.) Маховик войны раскручивался; случаи насилия на почве межэтнической ненависти встречались все чаще, но большинство из них носило (пока) стихийный характер.

До того как Хорватия не начала блокировать казармы ЮНА с 14 сентября 1991 г., армия придерживалась формального нейтралитета.

вили попыток войти в состав Сербии: 12 апреля САО Краина приняла решение о назначении на 12 мая референдума с вопросом о вхождении в состав Сербии; вероятно, в Краине считали, что только так можно придать легитимность стремлению к вхождению в Сербию. По итогам плебисцита 16 мая Скупщина САО Краины снова приняла решение о присоединении к Сербии [Hronika RSK 1989–1991: 47].

¹ 24 июня сербская самоорганизация приобрела общегославский масштаб: в Бане-Луке был подписан договор об экономическом, политическом и культурном сотрудничестве между САО Краиной и Объединенными общинами Боснийской Краины, а уже 27 июня была издана Декларация об объединении Сербской и Боснийской Краин [Hronika RSK 1989–1991: 48].

² Хроника РСК 1989–1995 гг. во всех подробностях описывает боевые действия между хорватской и сербской сторонами: от первого столкновения в Пакраце 1–3 марта 1991 года до занятия хорватами Топуско 4 июля. В середине марта в Хорватию были введены части Югославской народной армии (ЮНА) для разграничения сторон [Hronika RSK 1989–1995: 8–12].

³ Исследователи сообщают, что как минимум с октября 1990 г. Хорватия закупала оружие у Венгрии; также ФРГ успешно продавала хорватской стороне технику из бывшей ГДР [Tapfer, 1997: 234–235]. По великой иронии истории Брионские соглашения от 7 июля 1991 г. не остановили кровопролитие в Хорватии, а, наоборот, высвободили часть жизненных ресурсов РХ для борьбы с краинцами.

⁴ Hronika Republike Srpske Krajine 1989–1991... P. 12.

С осени 1991 г. ситуация стала все больше походить на полномасштабную гражданскую войну. Увеличился поток офицеров-хорватов, дезертировавших из ЮНА и перешедших в ВС Хорватии; отряды территориальной обороны Краины осуществляли действия совместно с подразделениями и частями ЮНА, военные специалисты ЮНА помогали организовывать оборону населенных пунктов Краины [Гуськова, 2001: 184]. Там, где была сконцентрирована основная масса военнослужащих ЮНА (Далмация, Восточная Славония), сербы достигли наибольших успехов: к ноябрю был взят Дубровник, в середине ноября ЮНА после 86-дневной осады вошла в Вуковар¹. В Западной Славонии дела для сербов обстояли хуже: ЮНА располагала небольшими силами, армия была вынуждена отступать и сдавать казармы хорватам; в Пакраце, Грубишном Поле и Даруваре злоупотребления хорватских частей достигали наибольших масштабов².

Параллельно военным действиям шел процесс мирного урегулирования конфликта. С сентября 1991 г. в Гааге функционировала Международная конференция по бывшей Югославии; только 8 октября председатель правительства АО Славонии, Бараньи и Западного Срема прибыл на конференцию в ранге «представителя сербского народа как национального меньшинства»³. К 23 ноября в Женеве было достигнуто соглашение между Слободаном Милошевичем, Франьо Туджманом и Велько Кадиевичем (министр обороны СФРЮ) по утверждению «плана Вэнса» по мирному урегулированию ситуации в Хорватии. Согласно договору, хорватские сербы сохраняли территориальные приобретения, в буферные зоны между хорватскими и сербскими вооруженными силами вводились миротворцы ООН, а ЮНА должна была уйти с территории Хорватии. СБ ООН поддержал «план Вэнса» резолюцией № 724. Тем не менее военные действия продолжались вплоть до заключения сараевского соглашения о прекращении огня от 3 января 1992 г.

19 декабря 1991 г. в Книне Учредительным собранием была провозглашена Республика Сербская Краина в составе территорий САО Краины и АО Славонии, Бараньи и Западного Срема, а также была принята Конституция РСК. Президентом РСК был избран Ми-

---

¹ Ibid... P. 51.

² Hronika Republike Srpske Krajine 1989–1995... P. 12.

³ Hronika Republike Srpske Krajine 1989–1991... P. 50.

лан Бабич¹. Этот момент мы можем рассматривать как завершающий в процессе формирования государственности хорватских сербов.

Столкновение двух проектов сербской государственности

Полемика относительно размещения международного миротворческого контингента высветила противоречия между Книном и Белградом. Председатель РСК Милан Бабич выступил против «плана Вэнса», сославшись на то, что представители самой РСК не подписывали итоговые документы (со стороны сербов стояла подпись С. Милошевича). Правительство РСК заявило, что «без согласия Книна размещение сил ООН на территории Краины будет считаться агрессией и нарушением территориально-политического суверенитета Краины» [Цит. по: Гуськова, 2001: 208].

Милошевич, считавший своим долгом создать государство всех сербов, не рассматривал РСК как самостоятельную структуру. Обмен открытыми письмами между Милошевичем и Бабичем в январе 1992 г., содержащими взаимные упреки в «диктаторстве» или «геноциде сербского населения в Хорватии» [Цит. по: Гуськова, 2001: 209], продемонстрировал резкое расхождение позиций двух лидеров.

Впрочем, инициатива была на стороне Милошевича, и рьяный сторонник независимости хорватских сербов Бабич вскоре оказался на периферии политической жизни: в феврале Скупщина РСК, собравшись в Борово-Селе (а не в Книне), сняла с должности председателя М. Бабича, и на его место был избран более лояльный Белграду Горан Ходжич².

Период «двоевластия», выразившийся в параллельном существовании правительств старого и нового президентов, был недолог: у Бабича не осталось влияния ни на МВД, ни на территориальную оборону. На политическую арену Бабич смог вернуться только год спустя, согласившись стать министром иностранных дел РСК. Но все же «план Вэнса» был реализован по сценарию Бабича — силы ООН по охране (СООНО) расположились на границе de facto территории РСК (а не разместились на самой территории Краины, как трактовал соглашения Милошевич).

Можно заявить, что на заре существования РСК столкнулись два политических проекта — относительно независимое государственное образование хорватских сербов (с возможным люфтом в сторону фе-

¹ Hronika Republike Srpske Krajine 1989–1991... P. 14.

² Hronika Republike Srpske Krajine 1989–1991... P. 16.

дерации с Хорватией) и территориальное образование хорватских сербов в составе «Великой Сербии» Милошевича.

На наш взгляд, первый вариант (в силу иной «глубины» политического действия) имел больше шансов быть реализованным, чем второй. Для воплощения в жизнь проекта Милошевича требовались территориальные изменения, т. е. как минимум нарушение принципа неприкосновенности государственных границ¹. Однако смещение Бабича предрешило судьбу существования какого бы то ни было территориального образования сербов в Хорватии. Отметим, что формирование отдельного государства РСК в составе Краины и Восточной Славонии было бы крайне затруднено: основная часть Краины (собственно историческая область Војна Крајина) территориально отрезана от Восточной Славонии. Для связи с анклавом Книну пришлось бы оговаривать выделение специального коридора на территории Хорватии. Т. е. сама география подсказывала, что обсуждать имеет смысл только два проекта — федерализации Хорватии или включения РСК в состав СРЮ. Также, если признать, что размещение контингента ООН стало своеобразной передышкой для обеих воюющих сторон, временной фактор сыграл скорее в пользу Загреба, чем Белграда. При этом не следует забывать, что сам Милошевич был заинтересован в разрешении конфликта в Хорватии без сецессии — на это указывает генерал Сербской армии Краины Милислав Секулич, ссылаясь на результаты переговоров конца 1992 г. [Секулич, 2019: 198].

Треугольник Книн — Белград — Загреб

В рамках сближения СРЮ и РСК в 1992 г. Белград выделял часть бюджетных средств на дотации Краине [Секулич, 2019: 210]. Также нельзя не отметить финансируемый Белградом Центр подготовки сотрудников МВД Краины в Голубиче [Соколов, 2018]. В 1994 г. Сербия и Черногория установили единую телевизионную связь с Краиной; в том же году в Белграде обсуждался вопрос введения югославского гражданства для краинцев; монетарная и банковская системы РСК полностью зависели от СРЮ [Гуськова, 2001: 210].

---

¹ ООН (S/25777) признавала возможность исключительно *согласованной* корректировки границ. Поскольку Хорватия была принята в ООН в мае 1992 г. в текущих границах (т. е. включая РСК), вероятность сецессии приближалась к нулю. Следовательно, гипотетически возможным оставался только вариант федерализации Хорватии.

Однако экономически Краина в большей степени зависела от Хорватии. Между Книном и Загребом велись переговоры в интересах восстановления экономических отношений, и если Хорватия пыталась выкроить время для решающего удара, то Краина действительно была заинтересована в достижении декларируемых целей.

В декабре 1994 г. был подписан Договор о нормализации экономических отношений между Краиной и Хорватией: восстанавливались автомагистраль через Западную Славонию, нефтепровод, поставки электричества. Действовали различные комиссии (например, по сельскому хозяйству); в рамках военного комитета представители Хорватии и РСК обсуждали вопросы прекращения огня, проезда гуманитарных конвоев и пр. [Гуськова, 2001: 212].

Причины падения Республики Сербская Краина

РСК раздиралась противоречиями на идеологической почве: возвращение к нарративу борьбы с «ушташами» актуализировало конфликт идеологий коммунизма и сербского национализма («четничества») [Гуськова, 2001: 208]. И если на этапе становления РСК использовался проверенный временем нарратив «пролетарского интернационализма» (для подчеркивания, прежде всего, преступного характера хорватских устремлений к независимости от СФРЮ), то с окончательным распадом СФРЮ смысла в отстаивании коммунистических идеалов не осталось. Это, впрочем, можно проследить по изменению государственных символов Краины [Pavlaković, 2016]: по Уставу САО Краина данная территория объявлялась частью СФРЮ и прав на собственные символы не имела¹; по Уставу РСК символы государственности повторяли сербские красно-сине-белый триколор, белого орла и гимн «Боже Правде» (все они входили в символический репертуар Королевства Сербия до 1918 г.; а с 2006 г. используются Республикой Сербией)².

Ввиду неспособности СРЮ оказать Краине действенную помощь РСК вынуждена была искать ее самостоятельно. К примеру, в сборни-

---

¹ Ustavni zakon Srpske Autonomne Oblasti Krajina (1991) // Викизворник. Available at: [https://sr.wikisource.org/sr-el/Уставни_закон_Српске_Аутономне_Области_Крајина_\(1991\)](https://sr.wikisource.org/sr-el/Уставни_закон_Српске_Аутономне_Области_Крајина_(1991)) (accessed: 11.01.2021).

² Устав Републике Српске Крајине (1991) // Викизворник. Available at: [https://sr.wikisource.org/wiki/Устав_Републике_Српске_Крајине_\(1991\)](https://sr.wikisource.org/wiki/Устав_Републике_Српске_Крајине_(1991)) (accessed: 26.01.2021).

ке документов правительства и парламента РСК фигурирует просьба от 21 апреля 1994 г. за авторством тогдашнего министра иностранных дел РСК Слободана Ярчевича, адресованная министру иностранных дел СРЮ Владиславу Йовановичу: предлагалось убедить приезжающую делегацию Государственной думы РФ поддерживать именно РСК, а не хорватов или боснийцев, предоставив ей материалы на русском языке о «беспринципности Запада», который в своих резолюциях «пренебрегает мусульманским и хорватским террором»¹.

Представление о благосклонном отношении РФ к РСК опиралось не только на классические геополитические или религиозно-метафизические представления о братстве русского и сербского народов. В «Извещении о результатах переговоров... с сопредседателями Международной конференции по бывшей Югославии...» особо подчеркивалась позиция российской делегации во главе с Виталием Чуркиным, который требовал автономию сербам в Хорватии и призывал к осторожности при вмешательстве в разрешение проблемы Косова². Сотрудничество существовало и на неформальном уровне: русские и украинские миротворцы из СООНО братались с сербами в Восточной Славонии [Tanner, 1997]; а из 4% иностранных добровольцев на западе РСК в 1993 г. до половины составляли русские [Секулич, 2019: 93].

Впрочем, за всеми идеологическими расхождениями, политической неоднородностью, экономической несамостоятельностью скрывалась главная проблема РСК, которая стоила ей существования, — военная слабость. Пока армия Хорватии вооружалась, получала боевой опыт в Боснии и Герцеговине и численно пополнялась, вооруженные силы Краины приходили в упадок. Власти не смогли превратить территориальную оборону (на деле — просто ополченцев без специального военного образования) в действующую и по-настоящему боеспособную боевую единицу: в октябре 1992 г. была создана единая армия РСК, которая в реальных боях проявляла себя слабо и быстро утрачивала боеспособность [Секулич, 2019]. Вывод ЮНА из РСК (май 1992) усугубил ситуацию. Лишь сохранение СООНО гарантировало РСК относительную безопасность, и вывод «голубых

¹ Република Српска Крајина. Документи Владе и Скупштини у Прогонству // KRAJINAFORCE. Glas krajišnika u egzilu. P. 86. Available at: <https://ru.scribd.com/doc/50000075/Устав-Републике-Српске-Крајине> (accessed: 26.01.2021).

² Ibid. P. 67.

касок» должен был обернуться прекращением существования Краины¹ (что и произошло в 1995 г.).

На проблемы в руководстве РСК, несовершенство вооруженных сил (вплоть до контрабанды оружия сербскими офицерами хорватам) и просчеты в военном планировании указывает Милислав Секулич, генерал-майор Сербской армии Краины, в своей книге «Книг пал в Белграде». Генерал обвиняет СРЮ в дистанцировании от проблем РСК (хотя СРЮ с середины 1992 г. была скована в деятельности санкциями СБ ООН), а также руководство РСК – в излишних надеждах на СРЮ. По сути, Милошевич превратил Краину в свой протекторат по итогам проигранной Бабичем борьбы [Энгельгардт, 2018]. К 1995 г. военная помощь Белграда Книгу значительно уменьшилась в масштабах; следовательно, в ситуации, когда армия РСК теряла боеспособность, а СРЮ практически ее не поддерживала, Краина с выводом СООНО в начале 1995 г. была обречена на поражение. Роковое лето 1995 г. с операциями Vljesak и Oluja и с Эрдутским соглашением окончательно разрешили кризис конфликтным путем и инкорпорировали все территории РСК в Республику Хорватию. Также стоит отметить роль ООН в формировании правового поля, в рамках которого сецессия РСК представлялась недопустимой.

Заключение

Собственно, сама актуализация национализма хорватских сербов стала результатом экспансии националистического нарратива официального Загреба периода пребывания у власти Ф. Туджмана. Позиционирование себя не только в качестве народа-победителя, но и народа-жертвы, связанное с исторической памятью об ужасах Второй мировой войны и преследованиях со стороны властей Независимого государства Хорватия, является одним их конституирующих элементов идентичности сербов. Действия администрации Туджмана вскрыли застарелые травмы прошлого, способствовали развитию защитно-

---

¹ Заметим также, что даже СООНО не всегда было гарантом безопасности для сербов: как минимум с 28 февраля 1992 года [Hronika RSK 1989–1995: 16–19] хорватская сторона совершала регулярные нападения на РСК более 10 раз (и это только в 1992 г., не считая крупных военных операций «Масленица» и «Медакский карман» 1993 г.), и это были далеко не рядовые нарушения режима прекращения огня, а полноценные военные операции.

го национализма хорватских сербов, в основе которого лежало общее понимание — «никогда больше».

Внутренними факторами, определившими характер манифестации своей этнической идентичности в ходе гражданской войны в Хорватии, для сербов РСК стали: историческая традиция автономии сербских земель на территории исконного проживания этнических сербов; трагический паттерн событий Второй мировой войны; неустойчивость внутреннего администрирования. Внешними — общий подъем национализма в СФРЮ; этнонационалистическая направленность возобновления независимой государственности Хорватии; слабая и непоследовательная поддержка со стороны Белграда; отсутствие содействия со стороны мирового сообщества.

На примере недолго просуществовавшей РСК мы можем продемонстрировать общую закономерность взаимодействия этносепаратистских регионов с центром: неспособность конституировать собственный устойчивый исторический нарратив вкупе со слабостью администрирования и отсутствием поддержки извне оборачиваются возвращением в орбиту влияния более крупного и международно признанного игрока. В конфликте, перешедшем из социально-культурной в политическую плоскость, побеждает актер с наиболее слаженным администрированием и наиболее четким целеполаганием. Таким актором в конфликте 1991–1995 гг. оказалась Республика Хорватия. Выбрав националистический, основанный на антагонистическом режиме памяти нарратив, Ф. Туджман сформировал контекст конфликта, определил основные пункты конфронтации и добился его эскалации. Краинцы не смогли прийти к согласию относительно своих целей в конфликте; этот факт предопределил неспособность РСК справиться с конфликтом самостоятельно, а следовательно, стал одной из причин ее поражения.

Список литературы

1. Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право / Русский Национальный Фонд, 2001. 720 с.
2. Мартынова М. Ю. Балканский кризис: народы и политика. М., Старый сад, 1998. 466 с.
3. Павлюков Г. В. Обострение сербско-хорватских отношений и начало национальной гомогенизации сербов в Хорватии: конец 1980-х — начало 1990-х гг. // Известия Уральского федерального университета. 2015. № 2. С. 258–274.

4. Просвирина О. А. Сербская кириллица как фактор формирования национальной идентичности сербов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 12 (828).
5. Секулич М. Книн пал в Белграде. Почему погибла Сербская Краина / Отв. ред. к. и. н. Г. Н. Энгельгардт; Центр стратегических оценок и прогнозов, Институт славяноведения РАН. М.: АНО ЦСОиП, 2019. 388 с.
6. Соколов В. А. Создание центра боевой подготовки «Голубич» милиции Краины // Обозреватель. 2018. № 342. С. 84–92.
7. Фрейдзон В. И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб: Алетейя, 2001. 318 с.
8. Энгельгардт Г. Н. Судьба буферных государств в гибридной войне. Югославский пример // Вопросы национализма. 2018. № 1. С. 72–78.
9. Tanner M. Croatia. A nation forged in war. New Haven: Yale university press, 1997. 366 p.
10. Bellamy A. J. The formation of Croatian national identity. A centuries-old dream? Manchester: Manchester university press, 2003. 221 p.
11. Goldstein I. Croatia and croats in Yugoslavia. Resistance to centralism // Yugoslavia from a historical perspective. Helsinki committee for human rights in Serbia. Belgrade, 2017. P. 126–162.

КОАЛИЦИОННАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ 2010-х ГОДОВ

А. С. Ломакин¹

Аннотация: В работе предпринимается попытка определить характер соотношения коалиционной и национальной составляющих в современном военно-политическом курсе Федеративной Республики Германии. На базе изучения основополагающих документов, лежащих в основе военной доктрины ФРГ, и сопутствующих источников автор доказывает наличие тенденции укрепления национальной составляющей в качестве приоритетного направления военного строительства данного государства.

Ключевые слова: ФРГ; НАТО; военно-политический курс; военная доктрина; европейский регион; международная безопасность; контроль над вооружениями; конвенциональное оружие.

С началом второй декады XXI в. самопозиционирование Федеративной Республики Германии (ФРГ) в рамках военно-политического блока НАТО претерпело значительную трансформацию. Влияние ФРГ, возросшее за счет укрепления ее ресурсной базы, экономического потенциала, а также внутри- и внешнеполитического капитала позволяет ей претендовать на лидирующие позиции в сложной иерархии международного сообщества.

В данном контексте актуальным и практически значимым представляется определение содержательных особенностей военно-политического курса современной Германии, соотношения коалиционного и национального принципов в военном строительстве.

В рамках настоящей статьи мы проанализируем основополагающие нормативно-правовые документы немецкого военно-политического планирования, лежащие в основе военной доктрины ФРГ; определим направленность изменения соотношения «европеизма» и «атлантиз-

---

¹ **Артем Сергеевич Ломакин** — магистрант II года обучения факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова; направление подготовки «Международная безопасность».

ма» во внешнеполитическом курсе ФРГ а также степень вовлеченности данного государства в решение вопросов региональной и глобальной безопасности.

Нормативно-правовой базис военного планирования ФРГ

В соответствии со статьей 87 Конституции¹ ФРГ, основной и первоочередной задачей военного строительства национальных вооруженных сил является оборона национальной территории государства от внешних угроз. Помимо этого, ФРГ обязана строго придерживаться статьи 5-й Устава НАТО (Организация Североатлантического договора), закрепляющей принцип коллективной обороны². Приверженность бундесвера внешним обязательствам и готовность выполнять свои союзнические обязательства перед наднациональным объединением (НАТО) с целью защиты и поддержания безопасности в Европе закреплена в 24-й статье Конституции ФРГ³.

Важно отметить, что во всех официальных документах, затрагивающих вопросы военного строительства, отсутствует формулировка и понятие «вероятный противник», вместо этого введено понятие Risikobereiche (зоны риска). Все обозначенные зоны риска находятся за пределами национальной границы ФРГ и сосредоточены преимущественно за рубежом. Зоны риска описаны во многих правитель-

---

¹ Artikel 87 Grundgesetz. Available at: https://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_87.html (accessed: 11.01.2021).

² Североатлантический договор (Вашингтон, округ Колумбия, 1949). Статья 5: «Договаривающиеся стороны соглашаются с тем, что вооруженное нападение на одну или нескольких из них в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение на них в целом, и, следовательно, соглашаются с тем, что в случае, если подобное вооруженное нападение будет иметь место, каждая из них, в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону, признаваемого Статьей 51-й Устава Организации Объединенных Наций, окажет помощь Договаривающейся стороне, подвергшейся, или Договаривающимся сторонам, подвергшимся подобному нападению, путем немедленного осуществления такого индивидуального или совместного действия, которое сочтет необходимым, включая применение вооруженной силы с целью восстановления и последующего сохранения безопасности Североатлантического региона». Доступ: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm (дата обращения: 21.01.2021).

³ Artikel 24 Grundgesetz Available at: https://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_24.html (accessed: 11.01.2021).

ственных документах из области военного строительства и обороны, но к числу основополагающих документов в области политики безопасности Германии относятся: «Белая книга по вопросам политики безопасности и перспективам развития вооруженных сил» (2016), «Основные направления политики Германии в области обороны (2011) и безопасности» и «Концепция бундесвера» (2013)¹.

Белая книга в редакции от 2016 г. — последней на сегодняшний день — обозначила следующие угрозы нестабильности, которые перечисляются авторами документа в порядке приоритетной значимости:

- действия РФ на Украине,
- «аннексия» Крыма;
- международный терроризм;
- политическая нестабильность на Ближнем и Среднем Востоке и рост исламского фундаментализма;
- конфликты в Юго-Восточной Европе;
- конфликты в Северной Африке;
- Индия, КНДР и Пакистан как угроза ядерной безопасности для всего мира²;
- все государства постсоветского пространства, где политическая ситуация является неустойчивой, страны, в которых имеются неразрешенные конфликты и территориальные споры с соседями (Украина, Грузия).

В целях борьбы с вышеозначенными угрозами, сокращения их влияния и распространения военно-политическое руководство (ВПр) Германии постоянно совершенствует и модернизирует свой потенциал военного строительства. Одним из приоритетных направлений политики в данной области остается поддержание высокого уровня блоковой дисциплины и совершенствование уровня взаимодействия между странами – членами блока НАТО.

---

¹ Важно отметить, что в последние годы в военном планировании ФРГ произошли определенные сдвиги, которые были обусловлены влиянием внешней политики США при администрации Д. Трампа, выходом Великобритании из ЕС, а также осложнениями в результате правительственного кризиса (2017–2018) в стране.

² Weissbuch 2016. — Berlin: 2016. S. 11. Available at: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/975292/736102/64781348c12e4a80948ab1-bdf25cf057/weissbuch-zur-sicherheitspolitik-2016-download-data.pdf> (accessed: 11.01.2021).

Деятельность Германии в рамках НАТО и проект общеевропейской армии

На современном этапе четко прослеживается тенденция «европеизации» Североатлантического альянса под руководством Германии. Переход от «атлантизма» к «европеизму» обусловлен объективными причинами. Из них определяющими являются: заинтересованность европейских государств в разрешении конфликтов и споров в Европе без непосредственного участия и давления США, выход Великобритании из ЕС и политический кризис во Франции.

Наиболее ярким маркером наблюдаемого перехода к «европеизму» является реализация проекта создания единой европейской армии. При этом полемика относительно целесообразности этого проекта продолжается в Европе до сих пор. Наиболее часто данный вопрос поднимается именно в Германии [Липатов, 2012].

13 ноября 2018 г., выступая на пленарном заседании Европарламента, А. Меркель заявила, что наличие единой европейской армии покажет всему миру, что между странами Европы никогда больше не будет войн. В завершение своего выступления канцлер заверила собравшихся, что реализация подобного проекта является возможной в краткосрочной перспективе¹. При этом европейская армия не будет конкурентом НАТО, а, наоборот, станет его надежным подспорьем. Заявления немецкого канцлера были достаточно холодно восприняты за океаном и практически сразу выведены из списка дискутируемых в американских СМИ².

Тем не менее очередным подтверждением приверженности ФРГ курсу на «европеизацию» стало публичное заявление министра обороны страны Аннегрет Крамп-Карренбауэр, сделанное в ходе инспекции германо-нидерландского корпуса в сентябре 2020 г. В своей приветственной речи министр заявила, что Германия будет выступать за укрепление взаимодействия не только с ближайшими союзниками по блоку НАТО, но и со всеми странами Европы³.

---

¹ Меркель в Европарламенте: от активной поддержки до громкого осуждения // DW.com. Доступ: <https://p.dw.com/p/38CZb> (дата обращения: 11.01.2021).

² Is Europe ready for its own army? // weforum.org 25.09.2019. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2019/09/is-europe-ready-for-its-own-army/> (дата обращения: 11.01.2021).

³ АКК: Besuch des I. Deutsch-Niederländischen Korps // <https://www.bmvg.de/de/mediathek/akk-besuch-deutsch-niederlaendischen-korps-2076572> Available at: АКК: Besuch des I. Deutsch-Niederländischen Korps (accessed: 11.01.2021).

О заинтересованности руководства Германии в создании единой общеевропейской армии говорит наличие множества совместных оборонных проектов ФРГ и Франции. В их числе — разработка «воздушной боевой системы будущего» (*SCAF — Systeme de Combat Aerien du Futur*), которая в перспективе будет иметь двухкомпонентную основу: французскую авиацию и немецкие беспилотные летательные аппараты (БПЛА). Помимо SCAF можно упомянуть германо-французский проект создания основного танка, предназначенного для вооружения армий обеих стран. Таким образом, начало расширению военно-промышленной интеграции двух стран положено. Предполагалось, что в 2019 г. будет запущен фонд с уставным капиталом в 13 млрд евро, который и станет отправной точкой в создании единой стратегии и союзнической структуры¹. По состоянию на лето 2020 г. фонд разработал дорожную карту на 2021–2027 гг.².

Восточноевропейский вектор политики ФРГ

Другим значимым аспектом военно-политического курса ФРГ стало наращивание политической активности страны в Восточной Европе. Вовлеченность России во внутренние дела Украины воспринимается политической элитой ФРГ в качестве угрозы. В «Белой книге» 2016 г. обозначается, что без изменения нынешнего политического курса Россия представляет угрозу национальной безопасности Германии и остается зоной риска для всей Европы³. Предполагается, что стремление РФ преследовать собственные интересы на территории Украины, изменение государственных границ после присоединения Республики Крым к РФ способны нарушить европейскую систему безопасности и общий европейский порядок. Данное направление

---

¹ Armée européenne: Merkel et Macron solidaires face à Trump. Available at: https://www.liberation.fr/planete/2018/11/13/armee-europeenne-merkel-et-macron-solidaires-face-a-trump_1691909 (accessed: 11.01.2021).

² EU Security and Defense Challenges: Toward a European Defense Winter? // carnegieeurope.eu Available at: <https://carnegieeurope.eu/2020/06/11/eu-security-and-defense-challenges-toward-european-defense-winter-pub-82032> (accessed: 11.01.2021).

³ Bundesministerium der Verteidigung: Das Weißbuch 2016 zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. 2016. S 32. Available at: <https://www.bmvg.de/resource/blob/13708/015be272f8c0098f1537a491676bfc31/weissbuch2016-barrierefrei-data.pdf> (accessed: 11.01.2021).

является ключевым для германского внешнеполитического ведомства. Активное участие ФРГ в нормандском переговорном формате демонстрирует высокую заинтересованность в урегулировании конфликта на юго-востоке Украины мирным путем. Взяв на себя функции основного посредника между Россией и коллективным Западом, Германия выступает за укрепление диалога и совместный поиск решений по выходу из украинского кризиса. Даже когда в связи с эскалацией конфликта на Украине Вашингтон призвал западноевропейцев к введению новых санкций против России, а спецпредставитель Госдепартамента США по Украине Курт Волкер потребовал от Германии остановить реализацию «Северного потока – 2», Берлин не стал жертвовать своими экономическими интересами ради соображений блокового единства¹.

Вклад ФРГ в обеспечение стратегической стабильности

Помимо активного участия в переговорах по вопросу кризиса на Украине ФРГ также обозначила свое традиционное присутствие в диалоге между РФ и США по Договору о ракетах средней и меньшей дальности (ДРСМД). Исторически это направление имеет особое значения для военно-политического руководства ФРГ², поскольку на территории страны сосредоточено подавляющее число элементов инфраструктуры НАТО (военно-морские порты, командные пункты и центры управления). 10 декабря 2018 г. Министерство иностранных дел Германии (МИД) призвало российскую сторону выполнить условия 60-дневного ультиматума США об уничтожении ракеты 9M729, якобы испытанной на запрещенную по ДРСМД дальность 500–5500 км³. Представители внешнеполитического ведомства констатировали,

---

¹ Курт Волкер призвал ЕС и Германию усилить давление на Россию // DW.com. 28.11.2018. Доступ: <https://p.dw.com/p/394U0> (дата обращения: 14.01.2021).

² Можно упомянуть вклад Берлина в принятие «двойного решения» НАТО (1979), которое предусматривало начало размещения на территории европейских стран альянса американских ракет среднего радиуса действия «Першинг-2» и крылатых ракет параллельно с инициированием переговоров с СССР о восстановлении военно-политического баланса.

³ МИД Германии призвал Россию выполнить условия США по ДРСМД // ТАСС. 10.12.2018. Доступ: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5893434> (дата обращения: 11.01.2021).

что переговоры по ДРСМД зашли в тупик и это вызывает серьезную обеспокоенность ФРГ. После выхода США 2 февраля 2019 г. из ДРСМД последовала еще одна инициатива от ФРГ, а именно — предложение депутатов бундестага (Родерик Кизеветтер, Христианско-демократический союз, и Рольф Мютцених, Социал-демократическая партия Германии) передислоцировать ракеты 9M729 за Урал¹. Кроме того, нельзя не упомянуть усилия Берлина по сохранению Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по ядерной программе Ирана после выхода из него США.

Участие бундесвера в миротворческих операциях

На характере военного строительства ФРГ также отражается применение бундесвера в миротворческих операциях. 12 июля 1994 г. Конституционный суд ФРГ признал право на участие бундесвера в операциях за рубежом. С учетом количественных ограничений, число военнослужащих, которые несут службу за рубежом, не должно составлять более 7620 человек. К началу 2019 г. вооруженные силы ФРГ участвовали в 15 различных миссиях и операциях под НАТО и ЕС [Хабаров, Громов, 2017]. Всего было задействовано 3300 солдат и офицеров бундесвера.

Необходимо обозначить, что военная деятельность ФРГ за пределами ее национальных границ началась еще в конце 1990-х годов XX в. В качестве примеров — ВС ФРГ в Албании (1997), в Югославии (1999), самостоятельная операция в Македонии (2002), Косово (1996, 1999), Ливии (2011)².

Помимо общих тезисов о готовности ФРГ взять на себя лидирующую роль в борьбе с терроризмом, бедностью и нестабильными политическими режимами, «Белая книга» содержит ряд обязательств перед международным сообществом.

В 12-й главе Коалиционного соглашения³ под названием «Ответственность ФРГ за мир, свободу и безопасность в мире» (*Deutschlands*

---

¹ Германия придумала способ спасти ДРСМД // ТВЦ. 3.02.2019. Доступ: <https://www.tvc.ru/news/show/id/154414> (дата обращения: 11.01.2021).

² Хабаров А., Громов А. Применение бундесвера в операциях за рубежом. Ч. 2 // Зарубежное военное обозрение. № 5. С. 35 –39. Доступ: http://factmil.com/publ/strana/germanija/primenenie_bundesvera_v_operacijakh_za_rubezhom_ch2_2017/41-1-0-1175 (дата обращения: 30.12.2020).

³ Соглашение было подписано в 2018 г. партийной коалицией ХДС/ХСС (Христианско-демократический союз и Христианско-социальный союз) и СДП (Социал-демократическая партия Германии).

Verantwortung für Frieden, Freiheit und Sicherheit in der Welt)¹ обозначалось, что роль Германии по поддержанию мира и стабильности растет соразмерно ее самостоятельности во внешней политике. Если ранее (до 2016 г.) ФРГ придерживалась «атлантического» вектора развития, то последние события свидетельствуют о попытках Германии утвердиться в качестве самостоятельной, ответственной державы. Примером тому служит активная политика в области укрепления союзнического взаимодействия, обороны и безопасности как в европейском регионе, так и во всем мире. Отдельным направлением данной политики выступает деятельность по разоружению² и реформированию внутри бундесвера³.

Инициатива PESCO

Помимо обязательств перед НАТО, ФРГ декларирует готовность взять на себя ответственность по организации и поддержанию оборонных структур внутри ЕС. Работа в этом направлении интенсифицировалась после выступления А. Меркель на саммите ЕС в Брюсселе в декабре 2017 г., где была озвучена инициатива по учреждению Постоянного структурированного сотрудничества по вопросам безопасности и обороны (ПСС, или *Permanent Structured Cooperation, PESCO*⁴). Зарубежные и отечественные эксперты утверждают, что к такому решению власти ФРГ подтолкнули: выход Великобритании из ЕС; деклариовавшиеся администрацией Д. Трампа идеи относительно стратегии США в области международной безопасности⁵.

Однако следует подчеркнуть, что ПСС не предусматривает создания единой европейской армии.

Канцлер обозначила участие ФРГ в четырех оборонных проектах ЕС:

---

¹ Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD // bundesregierung.de Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/koalitionsvertrag-zwischen-cdu-csu-und-spd-195906> (accessed: 11.01.2021).

² Ibid. S. 148.

³ Ibid. S. 149.

⁴ Шейко Ю. Евросоюз объединяет свои усилия в сфере обороны // DW.COM. 14.12.2017. Доступ: <http://www.dw.com/ru/евросоюз-объединяет-усилия-в-сфере-обороны/a-41798942> (дата обращения: 11.01.2021).

⁵ Major C., Molling C. PeSCo: The German Perspective // ARES Policy Paper, No. 36, February 2019.

- создание единого логистического центра,
- создание медико-санитарной службы,
- создание центра по учебно-тренировочным миссиям,
- создание службы по подготовке сил быстрого реагирования.

В основополагающем документе ПСС под названием “*The European Union’s Permanent Structured Cooperation: Implications for Transatlantic Security*” также было обозначено отношение к РФ, во многом совпадающее с оценками, представленными в «Белой книге» 2016 г., т. е. определение России в терминах «угрозы безопасности»¹. Однако дополнительно было зафиксировано обязательство о снятии с РФ всех экономических санкций, если российская сторона выполнит все пункты Минских соглашений². Кроме того, в документе подчеркивался статус России как долгосрочного партнера в области экономики и гражданского сотрудничества.

Влияние на военное строительство ФРГ оказывают отношения с США. В середине 2020 г. Д. Трамп декларировал вывод 11,9 тыс. солдат и офицеров армии США с территории Германии – план, который так и не был реализован полностью. Заявления главы Белого дома были отчасти вызваны расхождением позиций Вашингтона и Берлина относительно «Северного потока – 2», а также отказом ФРГ поднять планку по финансированию бундесвера до 2% от ВВП. Вывод войск, инициированный США, многие эксперты оценивают как попытку наказать Берлин, заставив немцев самостоятельно отвечать за свою национальную безопасность. С одной стороны, это решение действительно поставило ФРГ в неудобное, особенное в экономическом плане, положение, с другой – открыло перед немецким ВПР новое окно возможностей по самостоятельному развитию своих ВС.

Современная военная доктрина ФРГ

В основу военно-доктринального курса ФРГ образца 2019 г. лег ряд задач, поставленных военно-политическим руководством этой страны еще в начале-середине 1990-х годов. А именно: 1) укрепление положения

---

¹ The European Union’s Permanent Structured Cooperation: Implications for Transatlantic Security // inss.ndu.educarnegieeurope.eu URL: <https://inss.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-302.pdf> (дата обращения: 11.01.2021).

² В данном контексте принципиально значимым представляется тот факт, что Россия, и эта позиция разделяется Совбезом ООН, не является ни участником Минских соглашений, ни стороной конфликта. Соответственно, требования, подобные заявленным, априори невыполнимы.

ФРГ в качестве ведущей державы на мировой арене и постоянное стремление к получению статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН; 2) увеличение значимости ФРГ в структурах НАТО и укрепление блоковой дисциплины; 3) приобретение статуса постоянного члена СБ ООН.

В качестве инструментов реализации установленных задач были определены: 1) единство немецкой нации; 2) высокие трудовая дисциплина и патриотизм немецкого народа; 3) высокий экономический потенциал; 4) обладание национальными вооруженными силами; 5) членство ФРГ в международных организациях, прежде всего в НАТО и ЕС.

Основы военной доктрины закреплены в следующих нормативно-правовых документах: 1) «Концепция бундесвера» (2013); 2) «Белая книга по вопросам политики безопасности ФРГ и перспективам развития вооруженных сил» (2016); 3) «План оснащения бундесвера вооружением и военной техникой» (2018), рассчитан до 2031 г.; 4) «Основные направления политики ФРГ в области обороны» (2011); 5) «Директива генерального инспектора по дальнейшему развитию вооруженных сил» (2011).

Вышеперечисленные доктринальные документы отражают весь спектр мероприятий по подготовке и строительству вооруженных сил Германии в области безопасности и защиты национальных интересов, по обеспечению условий для ведения боевых действий за пределами национальных границ в так называемых зонах риска. В последние годы военно-политическое руководство ФРГ уделяет особое внимание вопросам энергетического снабжения вооруженных сил и поддержания высокоразвитой логистической и транспортной инфраструктуры в стране. Подчеркивается приверженность ФРГ защите прав человека и защите информации на трех уровнях: личности, общества и государства. Германия ведет активную деятельность по борьбе с киберпреступностью и кибертерроризмом [Дмитриев, 2014].

Большое внимание уделяется противодействию нелегальной иммиграции, способной сформировать питательную среду для распространения радикализма и терроризма внутри самой страны, значительно усложнив работу контрразведывательных служб по защите военнослужащих ФРГ и критической военной инфраструктуры, расположенной на территории Германии. ФРГ является второй страной в мире по количеству оружия на руках у гражданского населения¹.

---

¹ Коваль И. Россия — лидер в Европе по количеству стрелкового оружия у граждан // DW.com 18.06.2018. Доступ: <https://p.dw.com/p/2znf2> (дата обращения: 30.12.2020).

Помимо этого, военно-политическое руководство ФРГ продолжает наращивать усилия в области разноплановой и глобальной борьбы с новыми угрозами исключительно на коалиционном уровне. Фундаментальным элементом при построении военной доктрины выступает взаимодействие Германии в НАТО, ЕС и ООН.

Особое значение придается вопросу самостоятельности Германии в условиях становления многополярного мира. ФРГ озвучила планы повысить боеготовность германских военных частей в составе ЕС. Для этого еще в 2014 г. Берлин предложил сформировать новую разведывательную сеть под руководством стран – лидеров ЕС. Проект по развитию информационно-разведывательного потенциала европейских стран без участия США отражает стремление Германии возглавить данное направление. Особенно важно отметить тот факт, что в связи с выходом Великобритании из ЕС все финансовые расходы будут покрываться исключительно из бюджета ФРГ. В сложившихся условиях вывод военного контингента США с территории Германии с легкостью вписывается в логику приобретения страной все большей самостоятельности на международной арене.

Изменение военной доктрины Германии связано с желанием военно-политического руководства ФРГ пересмотреть стратегию участия сил бундесвера в миротворческих операциях по всему миру, особенно в Африканском регионе. С учетом опыта миссии бундесвера в Афганистане можно ожидать серьезных перемен в оперативно-тактическом взаимодействии боевых подразделений, обусловленных включением новых образцов оружия и вспомогательной техники наблюдения и разведки.

Активные боевые действия на Украине также заставляют сегодняшний Берлин пойти на кардинальные решения. Последствия принятия такого решения официальным Берлином могут стать точкой невозврата и спровоцировать серьезные политические конфликты, в том числе и вооруженные. Проблема подобного решения заключена в международном праве, которое не может признать подобный шаг в долгосрочной перспективе.

Военная доктрина Германии направлена на совершенствование мобилизационных механизмов¹ и непременно затронет проблему усиле-

---

¹ Pilotprojekt: Freiwilliger Wehrdienst im Heimatschutz // bundeswehr.de Available at: <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/die-reserve-der-bundeswehr/reservist-werden-in-der-bundeswehr-/reserve-der-streitkraeftebasis-/pilotprojekt-freiwilliger-wehrdienst-im-heimatschutz-> (accessed: 11.01.2021).

ния уровней защиты национальной территории страны. Приоритетным направлением сегодня является защита восточных границ ФРГ. В связи с этим уже ведется активная работа с Польшей и Литвой¹². При плотном взаимодействии немецких бронетанковых частей и польских пехотных и мотострелковых подразделений будет реализован проект двух основных сил обороны восточного фланга НАТО, ближайшего к границам РФ.

Деятельность ВС ФРГ за пределами ее национальных границ

Еще в 2001 г. бундестаг принял решение об отправке в Афганистан 3,9 тыс. немецких военнослужащих. Этот шаг Германии зафиксировал окончательный переход международной миротворческой деятельности на качественно новый этап: Берлин создал первый в послевоенной истории прецедент, благодаря которому бундесвер мог быть применен за пределами национальных границ [Трунов, 2014].

К 2011 г. контингент бундесвера в Афганистане вырос до 5350 (фактический потолок) солдат и офицеров³. По данным Федерального министерства обороны Германии, за весь период с 2001–2013 гг. службу в Афганистане несло свыше 100 тыс. офицеров и солдат бундесвера. При этом ФРГ продолжала свое участие во всех операциях ООН и НАТО в бывшей СФРЮ, среди них: Косово, Хорватия, Босния и Герцеговина и Македония.

Таким образом, подходя к рубежам 2012–2013 гг., ФРГ заняла четкую и выверенную пронатовскую позицию в области МКР (международное кризисное регулирование). Выбор данной позиции объясняется тем, что линия взаимодействия с НАТО позволяет в значительной степени расширить инструментарий военных средств и методов проведения той или иной операции. Кроме того, военно-политическое руководство ФРГ обладает большей степенью независимо-

---

¹ Cooperation between Lithuania and Germany – the most successful ever in the history of bilateral relations // 124.lt 19.09.2018. Available at: <https://www.124.lt/en/press-centre/press-releases/cooperation-between-lithuania-and-germany-the-most-successful-ever-in-the-history-of-bilateral-relations/30861> (accessed: 11.01.2021).

² “Revolution” in the cooperation between the Polish army and the Bundeswehr // Defence24.com 23.01.2015 Accessed: <https://www.defence24.com/revolution-in-the-cooperation-between-the-polish-army-and-the-bundeswehr> (дата обращения: 11.01.2021).

³ Die aktuelle Lage in den Einsatzgebieten der Bundeswehr. Available at: www.bundeswehr.de/portal/a/bwde (accessed: 11.01.2021).

сти и свободы выбора при принятии тех или иных политических решений.

С началом второй декады XXI века в деятельности ФРГ в области МКР отмечается тенденция изменения соотношения участия бундесвера в операциях под началом НАТО в пользу активизации под эгидой ООН. В период с конца 2014 по 2019 г. число операций ФРГ под началом ООН значительно выросло, что нельзя сказать о деятельности ФРГ в рамках коалиции стран – членов НАТО.

С лета 2014 г. участие Германии в урегулировании международных кризисов возросло. Это ознаменовалось вовлечением ФРГ в борьбу с «Исламским государством» в рамках взаимодействия с коалицией западных стран по Сирии. Отправной точкой стало активное участие ФРГ в Совместной миссии ОЗХО – ООН по уничтожению запасов химического оружия в Сирийской Арабской Республике.

Расследование химического инцидента 21 августа 2013 г. в пригороде Дамаска Восточная Гута проводилось специальной миссией Организации Объединенных Наций. По результатам расследования был подготовлен доклад, вызвавший немало вопросов у российских специалистов. Все расследование специальной комиссии свелось к попытке обоснования того, что правительство Сирии применило не менее 8 ракет с заринем «против своего народа», что привело к массовой гибели людей в пригороде Дамаска [Ковтун, 2018]. В результате атаки, по разным источникам, погибло около 1500 человек. США и еще 36 стран обвинили в атаке правительственные силы Б. Асада; Россия, Сирия и Иран – силы вооруженной оппозиции. В результате широкой дискуссии в ООН представители Российской Федерации внесли предложение, по которому было принято коллективное решение об обязательном присоединении САР к Конвенции о запрещении химического оружия (КЗХО)¹. Принятое решение было оформлено в Резолюции Совета Безопасности ООН № 2118 (2013) о постановке под международный контроль и ликвидации сирийской программы химического оружия.

Таким образом, 23 июня 2014 г. военно-политическое руководство САР объявило всему миру, что с территории страны была утилизирована последняя партия химических веществ военного назначения. К 4 января 2016 г. глава ОЗХО заявил о полном уничтожении последней партии сирийского фторводорода.

---

¹ Сирия готова к уничтожению своего химоружия // Интерфакс. 19.09.2013. Доступ: <https://www.interfax.ru/world/329736> (дата обращения: 11.01.2021).

На протяжении всего этого разбирательства политическое руководство Германии не поддерживало коллективные обвинения в адрес правительственных сил Б. Асада и призывало не спешить с выводами, а дождаться результатов расследования специальной комиссии ООН. В дальнейшем ФРГ поддержала российский проект резолюции по Сирии и инициативу о полной передаче складов химического оружия под контроль мирового сообщества. Такую позицию озвучила сама А. Меркель. Канцлер назвала инициативу Россию «интересным предложением» и заверила, что Германия обязательно приложит все усилия для урегулирования конфликта исключительно посредством политического диалога.

ФРГ выступила в качестве медиатора в конфликте между двумя «блоками»: РФ/САР и странами коллективного Запада. Данный шаг был воспринят как отход кабинета А. Меркель от изначального внешнеполитического вектора, из-за чего на него обрушился целый шквал критики. В первую очередь ему вменялась попытка ведения переговоров с режимом Б. Асада на равных условиях. Главной задачей ФРГ стало недопущение дальнейшей эскалации напряжения между коалицией во главе с США и Сирией в союзе с РФ.

Начиная с 2019 г., борьба ФРГ с терроризмом под эгидой ООН и НАТО ведется и на африканском направлении. 13 февраля 2019 г. федеральное правительство ФРГ приняло решение о продлении четырех крупных миссий бундесвера в Судане, Мали, Сомали и Ливии [Трунов, 2019]. Главным и приоритетным для военно-политического руководства до сих пор остается участие в операции НАТО «Решительная поддержка». Примечателен тот факт, что решение о продлении сроков участия в операции было озвучено одновременно с заявлением президента США Дональда Трампа о подготовке к первому этапу вывода американских войск из Афганистана. Также правительство приняло решение о продолжении участия бундесвера в миротворческой миссии ООН UNANID (UN Mission in Darfur) в Судане.

Также бундесвер принимает участие в миссии ООН в Южном Судане (UNMISS). Хотя Южный Судан провозгласил независимость от Судана еще в 2011 г., гражданская война в стране продолжается до сих пор, поэтому перед военнослужащими бундесвера стоит задача не только защищать гражданское население от вооруженных нападений оппозиции и охранять каналы доставки гуманитарной помощи, но и участвовать в потенциальных вооруженных столкновениях

в случае атаки противоборствующих сторон на вооруженные силы Германии¹.

Продолжается участие сил бундесвера в миссиях ООН в Мали и Сенегале. Миссия MINSUMA направлена на подготовку национальной армии для двух государств и стабилизацию политической ситуации после переворота в Мали в 2012 г. Она также ориентирована на борьбу с международным терроризмом в Сахельском регионе, в северной части которого до сих пор продолжаются столкновения с радикальными исламистами².

Активная деятельность бундесвера ведется в рамках миссии ООН в Западной Сахаре (*MINURSO*), в которой, по состоянию на 2019 г., продолжают принимать участие трое военнослужащих бундесвера, которые находятся там в качестве международных наблюдателей за соблюдением перемирия между Марокко и Фронтом Полисарио, который в 1976 г. провозгласил независимость Сахарской Арабской Демократической республики в Западной Сахаре³.

Заключение

Полномасштабные и активные реформы военно-политической сферы Германии затрагивают не только старые, но и новейшие аспекты тактического и стратегического планирования. Активная работа над основными нормативно-правовыми документами свидетельствует о стремлении ВПР вывести вооруженные силы ФРГ на качественно новый уровень.

Благодаря активным закупкам новой военной техники, размещению крупных оборонных заказов и инвестициям в военно-промышленный комплекс и НИОКР бундесвер уже сегодня занимает ведущие позиции среди армий стран европейского региона. При всех уверениях политической элиты Германии, что основная задача национальных ВС сводится к защите национальной территории, армия Германии способна вести боевые действия в любой точке земного шара на крайне высоком уровне. Этот результат был достигнут за счет увели-

---

¹ Гуца С. Правительство ФРГ продлило участие бундесвера в миротворческих операциях // DW.com. 13.02.2019. Доступ: <https://p.dw.com/p/3DHVu> (дата обращения: 11.01.2021).

² Жолквер Н. Что делает бундесвер за пределами Германии? // DW.com. 08.03.2018. Доступ: <https://p.dw.com/p/3DHVu> (дата обращения: 11.01.2021).

³ Там же.

чения инструментов военного присутствия немецких военнослужащих за пределами национальных границ ФРГ.

Германия активно участвует в обсуждении проблем международной безопасности с целью накопления дипломатического и политического опыта и авторитета. Берлин занимает активную позицию по целому ряду вопросов в области поддержания региональной и глобальной безопасности. Кроме того, военно-политическое руководство ФРГ внимательно отслеживает изменения внутривосточной ситуации в странах Восточной Европы, а также в РФ.

Новый этап в деятельности ФРГ в области МКР был отмечен переходом к полномасштабной борьбе с международным терроризмом. Также в список приоритетов вошло содействие странам Африки и Ближнего Востока в борьбе с экстремизмом через механизмы и инструменты ООН.

На современном этапе Германия продолжает вести активную деятельность в области международного кризисного регулирования, при этом наблюдается тенденция укрепления национальной составляющей в качестве приоритетного направления военного строительства данного государства.

Список литературы

1. Дмитриев А. Военная доктрина Германии // Зарубежное военное обозрение. 2014. № 12. С. 16–20.
2. Ковтун В. А., Колесников Д. П., Супотницкий М. В., Шило Н. И. Сирийская «химическая война» // Вестник войск РХБ защиты. 2018. № 3. С. 7–39.
3. Липатов А. Военная доктрина Германии // Зарубежное военное обозрение. 2012. № 9. С. 13–18.
4. Трунов Ф. О. Участие ФРГ в международном кризисном регулировании (1991–2012) // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 9. С. 34–44.
5. Трунов Ф. О. Участие ФРГ в стабилизации конфликтогенных государств Азии и Африки // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 4. С. 187–209.
6. Хабаров С., Громов А. Применение бундесвера в операциях за рубежом // Зарубежное военное обозрение. 2017. № 6. С. 35–39.

РОССИЙСКИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КОСМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. А. Селезнева¹

Аннотация: В статье представлен сравнительный анализ российских (ранее — советских) и американских подходов к изучению космической безопасности. Выделен ряд факторов, которые могут оказывать стабилизирующее и дестабилизирующее влияние на космическое пространство. В результате исследования автор приходит к следующим выводам: 1) попытки сформулировать отдельную теорию космической безопасности предпринимались преимущественно американскими исследователями; 2) космическая безопасность в России рассматривается в контексте стратегической стабильности; 3) в рамках обоих подходов особое внимание уделяется проблеме милитаризации околоземного пространства.

Ключевые слова: космос; распространение вооружений; стратегическая стабильность; теории космической безопасности.

В XX в. США и СССР, будучи сверхдержавами, обладали потенциалом для создания передовых на тот момент технологий, включая спутники и ракеты-носители. Таким образом государства вышли в космос. Одновременно возникла необходимость установить некие правила игры на новой территории, обеспечить безопасность деятельности стран в околоземном пространстве. Началось формирование концепций космической безопасности.

В современных условиях кризиса доверия и нагнетания напряженности в отношениях между Россией и США представляется актуальным и практически значимым проведение сравнительного анализа российских (ранее — советских) и американских подходов к изучению космической безопасности с учетом исключительной значимости космоса как пространства реализации сложной дихотомии соперничества/сотрудничества двух держав.

---

¹ **Анастасия Александровна Селезнева** — магистрант I года обучения факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова; направление подготовки «Международная безопасность».

Теоретическое осмысление космической безопасности в США

Американская теория середины XX в. рассматривала космическую безопасность как возможность размещать и использовать имущественные объекты за пределами Земли без постороннего вмешательства, нанесения ущерба или уничтожения этих объектов. Данное определение давало США возможность выводить свои технологии в космос и использовать их в рамках национальных интересов и обеспечения безопасности государства. При этом, поскольку эксплуатация космического пространства имела вид вероятных стратегий и планов, ограничений по видам техники, которые можно запустить на орбиту, еще не существовало. Поэтому главными вопросами, стоявшими перед теоретиками в период зарождения космической эры, были: каким образом выход в новое пространство повлияет на мир в целом и на США в частности и как его следует использовать.

Подписание в 1963 г. СССР, США и Великобританией Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой¹ установило первое ограничение. Тогда перед сверхдержавами встал выбор: пойти по пути кооперации и демилитаризации космоса или искать другие способы вывести вооружения за пределы Земли.

Обсуждение возможных путей развития в 1960-е годы переросло в дебаты сторонников концепций «космической обороны» и «космического убежища». Теоретики концепции «космического убежища» полагали, что милитаризация космоса является дестабилизирующим фактором, который не только не способствует обеспечению безопасности, а, наоборот, положит начало новым конфликтам и войнам. Сторонники «космической обороны» предсказывали неизбежность войн в новом пространстве. Они советовали начинать подготовку, то есть создавать и выводить вооруженные объекты за пределы Земли [Moltz, 2008: 2–3]. На основе дебатов представителей противоположных концепций сформировались четыре теоретических школы: космического национализма, глобального институционализма, технологического детерминизма и социального взаимодействия [Фененко, 2008: 27].

---

¹ Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой // Консорциум Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Доступ: <http://docs.cntd.ru/document/1901293> (дата обращения: 11.01.2021).

Школа глобального институционализма основывается на идеях о возможности использования космоса в качестве укрытия от земных политических конфликтов. Основоположник школы, британский ученый и писатель Артур Кларк считал, что научно-технический прогресс следует применять в рамках планов по налаживанию коммуникации в сфере мирного, а не военного использования околоземного пространства [Clarke, 1959: 181]. Глобальные институционалисты отводят решающую роль международным актам. Представители считают, что мировое сообщество должно объединиться для создания полноценной международно-правовой базы, которая установит запрет на проведение испытаний и размещение в космосе любых видов оружия [De Blois, 1998: 48].

Космический национализм — единственная школа, сформированная сторонниками концепции «космической обороны». В ее основу легли следующие наработки. Во-первых, исследования в области истории противостояния великих держав и его влияния на прогресс в военной сфере. Профессор международных отношений Университета Пенсильвании Уолтер МакДугал, например, видел причину развития космических технологий в стремлении сверхдержав одержать победу в гонке вооружений [McDougal, 1985: 5–6, 405]. Во-вторых, положения теории политического реализма, которая рассматривается как ядро космического национализма. Политические реалисты считают суверенные государства единственными акторами на мировой арене, руководствующимися лишь своими интересами, а именно обеспечением собственной безопасности. Единственное верное средство достижения цели — применение силы, конфликты, война. В-третьих, школа космического национализма сложилась в период холодной войны. И хотя в 1960–1970-е годы были подписаны международные акты, ограничившие милитаризацию космоса, по мнению автора книги «Астрополитика: Классическая геополитика в космическую эру» Эверетта Долмана, вышеозначенные документы следует рассматривать не в качестве гарантийных обязательств СССР и США по поддержанию мирного сотрудничества, а как подтверждение пребывания двух сверхдержав в состоянии холодной войны [Everett, 2002: 8]. Таким образом, космический национализм предполагает подготовку США к войне в межзвездном пространстве. Штаты, согласно концепциям школы, должны обеспечить гегемонию за пределами Земли, следовательно, необходимо создать специальные условия для доминирования.

Технологический детерминизм — школа, которая рассматривает космическую безопасность через призму развития науки и технологий. В США данная концепция имеет несколько вариаций, проистекающих из двух теорий — теории конвергенции, сформулированной американским экономистом Джоном Гэлбрейтом, и теории общественного блага профессора Университета Айовы Джона Конибэра. Основатель теории «конвергенции» Джон Гэлбрейт считал развитие технологий производства основанием для слияния капиталистической и социалистической систем. Теоретики космической безопасности 1960-х годов переносили концепции конвергенции на околоземное пространство: прогресс США и СССР в сфере аэрокосмонавтики может объединить биполярный мир [Гэлбрейт, 2004: 11]. Аналитики, опиравшиеся на теорию общественного блага Джона Конибэра, полагали, что космические державы (как рациональные акторы) будут принимать решения и выстраивать стратегии в соответствии с национальными экономическими интересами [Conybeare, 1980: 327]. Таким образом, школа технологического детерминизма предполагала возможность объединения всего мира на базе научно-технического прогресса и рационально осмысленной взаимной экономической выгоды.

Социальное взаимодействие — школа, основанная в 1980-х годах и опирающаяся на представление о возможности долгосрочных отношений между государствами в сфере космической безопасности. Концепция отрицает неизбежность размещения оружия в околоземном пространстве, отдает предпочтение налаживанию взаимодействия держав путем применения политических инструментов, направлена на предотвращение распространения оружия.

Школа социального взаимодействия содержит ряд новых идей, совершенно отличных от более ранних концепций. Во-первых, главной угрозой безопасности объявляется милитаризация околоземного пространства. Во-вторых, представители школы указывают на причастность США к возникновению милитаристских тенденций. Майкл Крепон, основатель американского центра «Стимсон», утверждал, что Соединенные Штаты, благодаря коммерциализации космоса и военному потенциалу, способны заполнить вооружениями околоземное пространство [Крепон, 2003: 88]. Таким образом, школа социального взаимодействия показывает новую интерпретацию не только понятия космической безопасности, но и истории гонок вооружения.

Маркером признания руководством страны значимости проблематики, связанной с околоземным пространством, стало создание в 2004 г. Отдела национальной космической безопасности США. В рамках этой структуры официально закрепилось понятие космической безопасности, включающее в себя четыре измерения. Во-первых, это состояние космической инфраструктуры, являющееся безопасным для интересов государств. Во-вторых, это защищенность космических активов на техническом и правовом уровнях. В-третьих, отсутствие угроз для мирной деятельности в околоземном пространстве. И наконец, под космической безопасностью понимается способность вооруженных сил защищаться от нападения с использованием космических систем навигации и связи [Кокошин, Богатуров, 2013: 17–19]. Сам факт создания Отдела национальной космической безопасности подтвердил верховенство американских исследований в данной сфере среди других космических держав, в том числе и России [Кокошин, Сагдеев, Васильев, 1989: 6–9].

Теоретическое осмысление космической безопасности в СССР/России

Советские, а позднее — российские ученые не пытались исследовать космическую безопасность в рамках отдельной, обособленной дисциплины. Поэтому если в США сформировалась отдельная теория, базирующаяся на четырех основных школах, то отечественные политологи все еще рассматривают данную проблему в рамках стратегической стабильности.

Во второй половине XX века советские специалисты рассматривали стратегическую стабильность как некое равновесие между военным, научным и техническим потенциалами США и Советского Союза, которое определялось двумя факторами [Кокошин, Сагдеев, Васильев, 1989: 6–9]. Во-первых, наличием советских и американских доктрин, программ и иных военных документов, создающих напряженность, как в сверхдержавках, так и во всем мире. Во-вторых, проведением двусторонних переговоров и достижением соглашений по ограничению и сокращению вооружений, которые ослабляли возникшую напряженность.

Стратегическая стабильность имеет один недостаток. Она способна восстанавливаться, но при этом переходит на новый уровень, отличающийся от предыдущего большей неустойчивостью. Поэтому

стратегическую стабильность необходимо поддерживать на текущей ступени путем развития стабилизирующих факторов, а также выявления и устранения дестабилизирующих.

Стратегическая стабильность: дестабилизирующие факторы

В качестве дестабилизирующих факторов можно рассматривать системы противоракетной обороны (ПРО) и противоспутниковое оружие (ПСО).

ПРО, охватывающая большую часть страны, дает уверенность в возможности отбить мощный ядерный удар. Такая иллюзия негативно сказывается на подготовке военных планов и стратегий и принятии решений. Обеспечение максимальной безопасности государства требует установки систем ПРО на всей территории, что в настоящий момент невозможно.

Необходимый уровень безопасности могут создать противоракетные системы наземного базирования с дополнительным космическим эшелонem. Однако подобное средство обороны станет еще одним дестабилизирующим фактором, поскольку появление нового элемента в военном арсенале государства приведет к усложнению системы оценок стратегического баланса и вынудит противника искать способ вернуть состояние равновесия. Если у обеих стран появляется «щит» в виде космических противоракетных систем, необходим «меч», который эти системы защитит. Этим «мечом» и станут не запрещенные в космосе виды вооружений [Кокошин, Сагдеев, Васильев, 1989: 25–40].

Противоспутниковое оружие направлено на выведение из строя спутниковых систем. Как известно, спутники являются основным средством управления и связи, как в гражданской, так и в военной сфере, и способом раннего предупреждения о нападении противника. Противоспутниковая система (ПСС) поставит под угрозу выполнение жизненно необходимых сегодня задач и функций: обеспечение навигации, связи, доступа к информации. Кроме того, ПСС тесно связана с противоспутниковой обороной: запретить ПСО возможно только вместе с ПРО космического базирования.

Из-за взаимосвязи противоракетного и противоспутникового оружия американские ученые говорят о возможности слияния двух технологий. Во-первых, обе системы используют одинаковые средства поражения, например баллистические и зенитные ракеты. Во-вто-

рых, возможность использования одних информационных средств контроля [Веселов, 2016: 51–84; Веселов, 2017: 65–104].

В настоящий момент известен потенциал оружия на новых физических принципах как космических вооружений. Возможностью поражать объекты в околоземном пространстве обладают, например, такие системы, как оружие направленной передачи энергии (ОНПЭ), сверхвысокочастотное, или микроволновое оружие (СВЧ), средства радиоэлектронной борьбы (РЭБ).

Применить РЭБ в Советском Союзе предложил Андропов в 1986 году в рамках программы «асимметричного ответа» СОИ. Предполагалось использовать технологию в качестве способа нейтрализации космических объектов противника. Но с закрытием Стратегической оборонной инициативы исчезла необходимость разрабатывать средства радиоэлектронной борьбы. На сегодняшний день основной проблемой является возможность слияния РЭБ и кибероружия. Все космические объекты, находящиеся на орбите, поддерживают связь с Землей с помощью зашифрованных радиоканалов. Соответственно, существует вероятность взлома передаваемых сигналов, программного обеспечения оборудования, командных установок и т. д.

Оружие направленной передачи энергии, или лазерное оружие, в настоящий момент находится в стадии разработки. Испытание и использование ОНПЭ требует решения нескольких задач. Во-первых, уровень энергетических характеристик недостаточно высок для поражения объектов на околоземной орбите. Во-вторых, лазерный луч не способен фокусироваться на движущихся объектах. В-третьих, из-за огромных размеров и потребляемой энергии традиционные места базирования не подходят для размещения ОНПЭ. Хотя данная система еще не готова к использованию, сам факт существования подобной технологии способен повлиять на стратегическую стабильность.

Сверхвысокочастотное оружие относится к своеобразному гибриду РЭБ и ОНПЭ, соответственно обладает как преимуществами, так и недостатками вышеперечисленных систем. СВЧ способно выводить из строя космические объекты противника, не разрушая их физически. Однако, как и у оружия направленной передачи энергии, габариты аппарата создают препятствие для реализации данного проекта [Веселов, 2017: 69–72].

Новым дестабилизирующим фактором, а также вызовом международной безопасности стали технологии двойного назначения. Научно-технический прогресс XXI в. привел к стиранию различий между космическими объектами военного и гражданского назначения: оба

вида аппаратов способны выполнять одни и те же задачи [Веселов, 2016: 51]. Таким образом, к настоящему времени отечественные специалисты обозначили целый комплекс дестабилизирующих факторов, подрывающих равновесие в сфере международной безопасности. Как упоминалось ранее, для поддержания стабильности необходимо либо устранить вышеперечисленные проблемы, либо создать им некий противовес. И поскольку в связи с научно-техническим прогрессом и необходимостью человечества развиваться и создавать новые системы уничтожение существующих технологий не представляется возможным, мировому сообществу, и в частности космическим державам, следует выработать ряд стабилизирующих факторов.

Стратегическая стабильность: стабилизирующие факторы

Таковыми факторами считаются двусторонние и многосторонние соглашения, договоры и другие нормативно-правовые акты. В 1972 году был подписан Договор по ПРО — «краеугольный камень стратегической стабильности» [Савельев, 2015]. Статья V данного документа вводила запрет на создание, испытание и развертывание противоракетных и противоспутниковых систем, а также ударного оружия в космическом пространстве. Также были сформированы международно-правовые механизмы, обеспечивающие сохранение космического пространства мирным. Но они создавались в середине XX в., в период холодной войны и наличия только двух соревнующихся в космосе государств, и не способны ответить на вызовы и угрозы международной безопасности настоящего времени.

Так, например, Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г. (Договор о космосе) ввел запрет на использование оружия массового поражения (ОМП) и ядерного оружия (ЯО) за пределами Земли. Однако международное право не упоминает возможность или невозможность использования других видов вооружений в космосе. Даже последующее подписание ряда документов (Соглашение о спасании 1968 г., Конвенция об ответственности 1972 г., Конвенция о регистрации 1976 г., Соглашение о Луне 1979 г.) не устранило данную правовую лакуну [Савельев, 2015].

Таким образом, открытый вопрос о размещении конвенциональных и других видов вооружений, не запрещенных Договором о космосе, в XXI веке является одной из важнейших угроз безопасности.

Именно он позволяет выводить за пределы Земли ПСС, ПРО с космическим эшелонам, СВЧ, ОНПЭ и другие технологии, подрывающие стратегическую стабильность. Устранение данной проблемы позволит смягчить воздействие вышеперечисленных дестабилизирующих факторов и восстановит равновесие.

Заключение

Подводя итог всему вышесказанному, еще раз подчеркнем, что именно в США проблематика космической безопасности разрабатывалась в рамках отдельной теории. Были сформированы школы космического национализма, технологического детерминизма, глобального институционализма и социального взаимодействия; выработано общее понимание термина «космическая безопасность», на которое опираются и отечественные ученые. Теоретическая база исследований в данной области закладывалась в период холодной войны и стремительной гонки вооружений. В фокусе внимания исследователей находилась проблема потенциального переноса конфронтации двух сверхдержав в новое пространство. Разворачивались дебаты сторонников «космического убежища», желающих оставить космос мирным, и «космической обороны», призывающих использовать его в военных целях вплоть до выведения оружия за пределы Земли.

Отечественные ученые, в отличие от западных коллег, не выделяли теорию космической безопасности в качестве отдельной научной дисциплины. Вопрос о милитаризации околоземного пространства рассматривался в рамках исследований стратегической стабильности. На современном этапе российские политологи обозначают факторы, дестабилизирующим образом сказывающиеся на стратегической стабильности (в частности, наличие вооружений, не включенных в Договор о космосе 1967 г.), но также говорят о возможности сохранения равновесия за счет выработки новых международных принципов использования космического пространства.

Список литературы

1. Веселов В. А. Космические технологии и стратегическая стабильность: новые вызовы и возможные ответы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. № 2. С. 65–104.

2. Веселов В. А. Противоспутниковое оружие и стратегическая стабильность: уроки истории // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2016. № 4. Стр.51–84.
3. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество / пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», ООО «Транзиткнига»; СПб.: Terra Fantastica, 2004. 602 с.
4. Кокошин А. А., Богатуров А. Д. Россия и международная безопасность в космосе. М.: КРАСАНД, 2013. 272 с.
5. Кокошин А. А., Сагдеев Р. З., Васильев А. А. Стратегическая стабильность в условиях радикальных сокращений ядерных вооружений. М., 1989.
6. Савельев А. Г. Стратегическая стабильность и ядерное сдерживание: уроки истории // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 3. С. 57–84.
7. Фененко А. В. Конкуренция в космосе и международная безопасность // Международные процессы. 2008. № 3. С. 26–41.
8. Фененко А. В. Теория и практика международной космической безопасности // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 2. С. 94–116.
9. Clarke A. C. The Exploration of space. New York: Harper, 1959. 232 p.
10. Conybeare J. International organization and theory of property rights. Cambridge University Press. 1980. N 3. P. 307–334.
11. De Blois B. Space sanctuary: A viable national strategy // Aerospace power j. 1998. N 4. P. 41–57.
12. Dolman E. C. Astropolitik: Classical geopolitics in the space age. London: Frank Cass, 2002. 238 p.
13. Krepon M., Clary C. Space assurance or space dominance? The case against weaponizingsSpace. Washington, D.C.: Henry L. Stimson Center, 2003. 133 p.
14. McDougall W. A. The Heavens and the Earth: A political history of the space age. New York: Basic, 1985. 555 p.
15. Moltz J. C. The politics of space security. Strategic restraint and the pursuit of national interests. An Imprint of Stanford University Press, 2008. 367 p.

РЕФЕРАТЫ

ДАДПАРВАР Ш., АЗИЗИ Х. ВЛИЯНИЕ КОНФУЦИАНСТВА: МЯГКАЯ СИЛА КИТАЯ В ОТНОШЕНИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

DADPARVAR Sh., AZIZI H. Confucian influence: The place of soft power in China's strategy towards Central Asia // China report. — 2019. — N 4. — P. 1–17.

Ключевые слова: Китай; Центральная Азия; мягкая сила; влияние.

Китай с давних пор поддерживает тесные отношения со странами Центральной Азии. В их основе лежат исторически сложившиеся социальные и культурные связи, а также географическая близость, обеспечивающая КНР особый статус в регионе. Укреплению вышеозначенных связей в немалой степени способствовал древний Шелковый путь, начинавшийся в Чанъани (древней столице Китая), тянувшийся через Центральную Азию и Иран и доходивший до Средиземноморья. В последние два десятилетия КНР предпринимает серьезные усилия для расширения своего влияния в Центральной Азии и укрепления гуманитарного сотрудничества со странами региона. Эти попытки Китая и становятся предметом анализа Шабнам Дадпарвар (Северо-Западный университет, г. Сиань, Китай) и Хамидрезы Азизи (Университет имени Шахида Бехешти, г. Тегеран, Иран).

Авторы статьи ставят перед собой следующие задачи: конкретизировать содержание понятия «мягкая сила», оценить роль мягкой силы во внешней политике Китая, проанализировать представления о мягкой силе Китая в Центральной Азии, изучить воздействие фактора мягкой силы на расширение влияния Китая в регионе.

При рассмотрении понятия «мягкая сила» авторы закономерно отталкиваются от определения автора самого термина — Джозефа Ная. В своей книге “Soft power: The means to success in world politics” он утверждает, что «мягкая сила в общем смысле определяется как способность влиять на поведение других для достижения желаемых результатов»¹. По мнению Ная, с приходом третьего тысячелетия

---

¹ Nye J. Soft power: The means to success in world politics. — 2008. — 208 p.

из-за внутренних изменений в международной политике сформировались новые источники влияния. Таким образом, нематериальные формы влияния приобрели большое значение, в частности, для формирования национальной идентичности. По словам Ная, мягкая сила любого государства состоит из следующих трех источников:

- культура (те аспекты, которые являются привлекательными для других);
- политические ценности (если они совместимы с общественным мнением внутри и за пределами страны);
- внешняя политика (если она считается законной и моральной).

По мнению Ная, культура, идеалы и ценности страны играют ключевую роль, способствуя привлечению партнеров и сторонников. В то же время Най обозначает ограничения мягкой силы, указывая на сложность регулирования степени ее воздействия при решении конкретных задач [с. 3].

В работе также упоминается «публичная дипломатия» — понятие, которое часто фигурирует в контексте мягкой силы и рассматривается как один из инструментов влияния. Публичная дипломатия имеет дело с влиянием общественных установок на осуществление внешней политики. Она включает в себя измерения международных отношений, выходящие за рамки традиционной дипломатии: культурную дипломатию и медиа-/цифровую дипломатию.

Первая статья китайского автора о мягкой силе была написана в 1993 г. видным ученым и партийным деятелем Ван Хунином. В ней он утверждал, что культура — это важнейший источник мягкой силы государства. С тех пор термин «мягкая сила» получил широкое распространение в работах политических лидеров, ученых и журналистов КНР. В 2014 г. Си Цзиньпин, председатель КНР, заявил: «Мы должны развивать мягкую силу Китая, дать хорошее представление о Китае и лучше донести послание Китая до всего мира». С начала своего правления в 2012 г. Си Цзиньпин предложил миру ряд новых концепций, в том числе «китайскую мечту», «азиатско-тихоокеанскую мечту», «экономический пояс Шелкового пути», «Морской шелковый путь XXI века» и др.

Значительный рост количества статей о мягкой силе, опубликованных в последние годы, считается показателем внимания и интереса правительства Китая к этому вопросу. По данным *CNKI (China Na-*

tional Knowledge Infrastructure)¹, с 2000 по 2015 г. на китайском языке было написано 1777 статей, в которых использовалось выражение «мягкая сила» [с. 5].

Еще одним показателем является количество институтов и программ, связанных с мягкой силой. Китайское правительство разработало программы обучения китайскому языку и культуре Китая во всем мире. Эта обязанность была делегирована Институтам Конфуция, которые начали свою деятельность с 2004 г.

В статье отмечаются некоторые внешнеполитические ограничения, которые приходится преодолевать официальному Пекину в попытках расширить спектр доступных ему инструментов мягкой силы [с. 6–7].

Во-первых, ряд трудностей связан с китайским национализмом. Успех политики реформ и открытости повысил самоуважение китайского народа и одновременно усилил негативную реакцию на действия других стран, задевающие чувства и интересы граждан Китая. Издержками этого процесса стал взлет особой разновидности китайского национализма, носившей уже не столько защитный, сколько наступательный характер. Китайский национализм привел к осуществлению агрессивной политики в Южно-Китайском море и некоторых других регионах, что отталкивает соседей Китая от Пекина и снижает международную привлекательность предложенной Си Цзиньпином идеи «китайской мечты».

Второй ограничивающий фактор — нежелание китайского правительства смягчить цензурные ограничения в отношении собственного населения. Используя инструменты пропаганды, КПК пытается продвигать те традиционные культурные символы, которые, по ее мнению, приветствуются людьми во всем мире.

Однако, констатируют авторы, отдельные эксперты могут счесть выделенные ограничения отражением западного представления о динамике и специфических особенностях политического процесса КНР.

Авторы отмечают, что во многих регионах сохраняется положительное отношение к Китаю. Например, связи Китая с африканскими странами, которые зародились в рамках программы развития этих

---

¹ CNKI (China National Knowledge Infrastructure) — глобальный информационный проект Китайской Народной Республики, университета Цинхуа (Пекин) и холдинга Tsinghua Tongfang, начатый в 1996 г. Функционально и по целям создания CNKI сравним с российским проектом Национальной электронной библиотеки (НЭБ).

стран с 1950-х годов, заложили основы расширения влияния Китая на этом континенте. Следует отметить, что, хотя финансовая помощь Китая прямо не определяется как аспект его мягкой силы, экономическая дипломатия КНР формирует контекст, способствующий усилению позитивного имиджа Китая в регионе. Это связано с тем, что помощь Китая африканским странам не несет очевидных экономических выгод для Китая в краткосрочной перспективе и, по крайней мере на первый взгляд, кажется результатом доброжелательного подхода.

Африка — не единственный регион, где положительно относятся к Китаю. Мягкая сила Китая также эффективна в Латинской Америке, Восточной Европе и некоторых странах Азии, включая Центральную Азию, где подход, используемый Китаем, отличается от западных стран, а Китай считается хорошим экономическим партнером и надежным союзником.

Отношения Китая с регионом, в настоящее время известным как Центральная Азия, возникли сотни лет назад, до формирования государств-наций на этой территории и задолго до экспансии Российской империи [с. 8–9]. На протяжении всей истории Центральная Азия соседствовала с Китаем, однако долгое время китайцы считали кочевников этого региона «варварами», пытаясь ограничить проникновение варваров на китайские территории. Это не означает, что Центральная Азия и ее народы не имели значения для китайцев. Уровень взаимодействия Китая с его соседями в Центральной Азии в целом был высоким. Причиной в том числе является глобальный торговый коридор того времени — Шелковый путь.

Помимо исторических связей, есть и другие важные факторы, дающие Китаю преимущество в распространении своей мягкой силы в регионе. В памяти народов Центральной Азии нет элемента китайского «империализма». Ни Россия, ни европейские державы похвастаться таким преимуществом не в состоянии. Более того, правительства стран Центральной Азии могут рассчитывать на то, что Китай создаст баланс в отношениях с европейцами и Российской Федерацией, предотвращая доминирование одного из этих глобальных центров силы в регионе. В то же время Китаю удалось представить себя восходящей великой державой с ориентацией на развитие торгово-экономических отношений со странами Центральной Азии.

Наряду с реализацией экономических программ в регионе Китай стал расширять свои инструменты публичной дипломатии. Одним из

первых официальных китайских мероприятий по расширению своего культурного влияния в регионе стало проведение «Торговой ярмарки Каши» в Синьцзяне. Международное радио Китая начало круглосуточное вещание в регионе. Главным инструментом мягкой силы стало основание нескольких Институтов Конфуция в странах Центральной Азии с основной задачей обучения китайскому языку.

К концу 2014 г. Китаю удалось создать Институты Конфуция в четырех из пяти стран Центральной Азии [с. 10]:

- Казахстан: в Актюбинском региональном государственном университете имени К. Жубанова, в Евразийском национальном университете имени Л. Н. Гумилева, в Казахском национальном университете имени аль-Фараби и в Карагандинском государственном техническом университете.
- Кыргызстан: в Бишкекском гуманитарном университете им. К. Карасаева, в Кыргызском национальном университете имени Жусупа Баласагына и в Ошском государственном университете.
- Таджикистан: в Таджикском национальном университете и в Горно-металлургическом институте Таджикистана.
- Узбекистан: в Институте Конфуция в Ташкенте и при Самаркандском государственном институте иностранных языков.

Что касается политики Китая в области образования в Центральной Азии, запущена программа «Китайский мост». Эта программа реализуется в формате соревнований по уровню владения китайским языком среди старших классов и студентов университетов из разных стран. Участники конкурса соревнуются в пении песен на китайском языке, а также отвечают на вопросы, связанные с историей и культурой Китая. Победители из Центральной Азии отправляются в Китай для участия в полуфинальном раунде конкурса с победителями из других стран.

Нельзя игнорировать и другие факторы, усиливающие связи Китая со странами Центральной Азии в культурной сфере. Растет популярность китайской культуры (музыка, фильмы) среди людей в азиатских странах, особенно среди молодежи.

Наконец, следует учитывать увеличение количества поездок между Китаем и странами региона [с. 11]. В начале 2008 г. МВД Кыргызстана сообщило, что почти 49 тыс. человек из 110 стран посетили страну в 2007 г. Китайские туристы составили 12% от общего числа туристов. В 2005 г. Агентство Республики Казахстан по статистике сообщило, что примерно 77 тыс. туристов из Китая посетили страну, 85 тыс. казахов посетили Китай.

Авторы считают, что важный аспект поведения Китая в Центральной Азии заключается в том, что он следует постепенному и терпеливому подходу к расширению своего влияния с помощью мягкой силы.

Отвечая на вопрос о причинах столь значительных инвестиций Китая в расширение инструментов своей мягкой силы в Центральной Азии, авторы опираются на концепцию «мягкого влияния» в международных отношениях.

Они выделяют три основных аспекты влияния, а именно [с. 11–13]:

1. Культурный: когда иностранная культура укореняется в сознании людей другого государства, воздействие на их общественное сознание упрощается.

2. Экономический: этот аспект относится к попыткам субъекта добиться экономических выгод в отношениях с находящимся под его влиянием объектом. Хотя налаживание экономических отношений в мире «сложных взаимозависимостей» неизбежно оборачивается взаимовлиянием, логика сохранения экономического баланса в свою пользу регулирует эти отношения.

На современном этапе мы наблюдаем активное развитие отношений Китая со странами Центральной Азии в сферах энергетики, торговли, инвестиций и транспорта. В торговой сфере Китай смог заменить Россию в качестве важнейшего торгового партнера стран региона. Объем торговли Китая со странами региона увеличивался вдвое каждые три года с 2006 г., и этот рост неуклонно продолжался. В инвестиционном секторе между Китаем и четырьмя странами региона только в 2013 г. были подписаны контракты на сумму более 48 млрд долларов. Деятельность Китая в транспортной отрасли в регионе проявилась в создании новых маршрутов, в том числе железных дорог для облегчения сообщения со странами региона и за его пределами. В рамках инициативы «Один пояс и один путь» завершено строительство трех железнодорожных путей сообщения в регионе: Ангрэн – Пап в Узбекистане; Узень – Берекет – Горган через Казахстан, Туркменистан и Иран; и сухой порт Хоргос в Казахстане, который соединяет Китай и Казахстан. Растущая экономика Центральной Азии в значительной степени зависит от торговли с Китаем, которая может более тесно связать отношения между странами.

3. Политическая безопасность: этот аспект напрямую связан с основной целью всех государств, которая заключается в стремлении повысить уровень своей мощи и обеспечить безопасность.

В последние годы Китай наладил двусторонние связи в сфере безопасности с каждой из стран региона. Помимо совместных учений, организованных в рамках ШОС, китайские войска приняли участие в совместных учениях с таджикскими войсками на границе с Афганистаном в октябре 2016 г., а также с киргизскими войсками в июне 2017 г. Усиление влияния Китая в Центральной Азии привело к выводу, что конкуренция, конфронтация и «новая большая игра» с Россией и США неизбежны. Стратегическое значение Центральной Азии для Китая также рассматривается в отношении фактора Синьцзяна и его основного партнера в вопросах безопасности и экономики — Казахстана.

С 2002 г. Китай подписал ряд соглашений в военной сфере и сфере безопасности со странами Центральной Азии, в том числе о предоставлении значительной военной помощи Казахстану и Кыргызстану, соглашение с этими двумя странами об экстрадиции преступников, соглашение с Узбекистаном и Таджикистаном о сотрудничестве в борьбе с экстремизмом, сепаратизмом и терроризмом, открытии Регионального антитеррористического центра ШОС в г. Ташкенте, а также о проведении ежегодных совместных военных учений со странами Центральной Азии.

Расширение «зон влияния» — стратегия, которую великие державы традиционно используют для улучшения своего международного положения. Таким образом, констатируют авторы, Китай прилагает серьезные усилия для расширения своего влияния в Центральной Азии, активно действуя во всех трех измерениях: культурном, экономическом и политической безопасности [с. 14].

А. И. Ковалева¹

---

¹ **Александра Игоревна Ковалева** — магистрант I года обучения факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова; направление подготовки «Международная безопасность».

Хуан Ф. К. К. НОВОЕ ВИДЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ: КИТАЙСКАЯ ИНИЦИАТИВА «ПОЯСА И ПУТИ» И АЗИАТСКИЙ БАНК ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

HUANG F.C.C. A new integrative vision: China's Belt-Road Initiative and its Asian Infrastructure Investment Bank // Modern China. – 2020. – N 5. – P. 463–489.

Ключевые слова: либерализм; неолиберализм; инициатива «Пояса и пути»; Азиатский банк инфраструктурных инвестиций; марксизм.

XIX съезд КПК, провозгласивший переход КНР к построению «социализма с китайской спецификой для новой эры», ознаменовал начало эволюции внутренней и внешней политики Китая. В рамках политики реформ и открытости, начатой в 1978 г. Дэн Сяопином, ряд теоретических подходов к экономическому развитию был заимствован с Запада, но на современном этапе, набрав необходимую экономическую мощь, Китай формирует собственное *интегративное видение*, которое также становится внешнеполитической стратегией. Понимание необходимости научного объяснения происходящих трансформаций обусловило выбор автором — Филипом К. К. Хуаном, профессором Народного университета Китая (Пекин) — интегративной стратегии на базе инициативы «Пояса и пути» в качестве предмета исследования.

Цель исследования — раскрыть специфику нового *интегративного видения* КНР на примере глобальной инициативы «Пояса и пути» и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. В рамках статьи было представлено описание политико-философских оснований нового *интегративного видения*, а также проведено его сопоставление с геополитическими стратегиями западных стран, в первую очередь со стратегией США. Автор также проанализировал примеры практической реализации данного подхода в двустороннем сотрудничестве Китая и стран Южной, Юго-Восточной и Центральной Азии; оценил потенциал его применимости для ускорения внутреннего развития Китая и его сельских районов.

Термин «видение» Филип К. К. Хуан использует для обозначения концепции желаемого будущего. Отличительная черта «видения» — «то, что оно, вопреки представлениям многих аналитиков, не имеет ничего общего с ни с силой и ее стратегическим использованием, ни с чем-то подвластным четкому описанию официальных властей» [с. 6]. В английском языке существует аналогичный термин *vision*, который автор определяет как сочетание «долгосрочного видения (远瞻星的愿景) и предвидения (远见)» [с. 5].

Суть *интегративного видения* заключается в создании экономических коридоров из Китая через Центральную Азию в Европу, а также морского торгового пути, соединяющего Китай, Южную Азию, Африку, Ближний Восток и Европу, для расширения взаимовыгодной торговли. Такие пространства будут способствовать как углублению торговых связей, так и развитию стран, принявших участие в структурировании этих пространств.

По мнению автора, *интегративное видение* КНР сложилось на основе традиционных философских китайских концепций, опыте реформ Дэн Сяопина, модернизации страны и ее активного участия в мировой торговле. Китайская философия изначально выступает против «пути гегемонии» (霸道), основанного на правлении при помощи силы, и ратует за «путь добродетельного правления» (王道), который базируется на доброжелательном и справедливом взаимодействии с другими государствами и народами. В контексте мировой политики это можно интерпретировать как стремление выстраивать взаимоотношения на принципах равенства между всеми участниками международной жизни.

Помимо китайских традиционных теорий свою роль сыграл кардинальный пересмотр Китаем подходов к своей экономической стратегии. Ранее Китай полностью отрицал рыночные отношения, принципы торговли в духе либерализма, в рамках своего идеологического противостояния с Западом, который рассматривался как империалистический враг. Инициатива «Пояса и пути», напротив, исходит из либерального и неолиберального постулата о том, что именно либерализация и развитие торговли, в том числе внешней, будут способствовать экономическому росту. Отличительный принцип инициативы заключается в том, что свободная торговля выгодна всем сторонам. Это кардинальным образом отличается от подхода западных стран, которые видели в либерализации торговли в первую очередь инструмент расширения своих рынков сбыта.

Переход к «рыночному социализму» и свободной торговле позволили КНР быстро набрать экономическую мощь. После бурного экономического роста последних десятилетий Китай готов не только производить большое количество разнообразных товаров, но и экспортировать капитал и инфраструктурные технологии на новые рынки и способствовать их развитию. В целом *интегративное видение* представляет собой «не либерализм с государственным невмешательством, а свободную торговлю с сильным государством. Это не инструмент политического давления. Само видение отрицает гегемонизм и ратует за взаимовыгодное добровольное сотрудничество между равными партнерами. В таком подходе нашел свое отражение практический морализм, который существует в Китае уже долгое время» [с. 19]. Автор подчеркивает, что китайский «практический морализм» ничего общего не имеет с идеей американского лидерства, в которой замаскировано стремление США к гегемонии через распространение идеалов либеральной демократии, миссионерство христианского типа и *realpolitik* двойных стандартов [с. 19].

Предполагается, что важную роль в осуществлении инициативы «Пояса и пути» и *интегративного видения* Китая должен сыграть Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), который будет функционировать по принципам, отличным от тех, на основе которых работают Всемирный банк (ВБ) и Международный валютный фонд (МВФ). В настоящее время США имеют свыше 15% голосов в ВБ и МВФ, а так как для принятия большинства решений требуется 85% голосов «за», то фактически США обладают негласным правом вето. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций не допускает подобной ситуации, когда многосторонняя финансовая организация становится на службу интересов одной страны. Более того, в процессе формирования АБИИ его участниками выразили желание стать государства Европы (Великобритания, Франция, Германия, Швейцария и многие другие).

Сравнивая подходы АБИИ, МВФ и ВБ к принятию решений о выдаче займов, автор подчеркивает, что МВФ и ВБ чаще всего исходят из политических соображений или ставят политические условия. АБИИ же больше сконцентрирован на финансировании инфраструктурных объектов и руководствуется соображениями обеспечения взаимной выгоды всех участников (несмотря на возможную разницу в их политических взглядах). При этом АБИИ не вступает в прямую конкуренцию с вышеперечисленными международными институтами.

Сопоставляя геополитическую стратегию США и *интегративное видение* Китая, автор большое внимание уделяет политико-идеологической составляющей обеих национальных стратегий. «Ирония заключается в том, — отмечает Ф. К. К. Хуан, — что США при президентстве Трампа в 2017 г. вышли из неолиберального Транстихоокеанского партнерства, которое сами же ранее и предложили, поскольку произошло возрождение меркантилизма, подвергавшегося критике в рамках классического либерализма. На контрасте с этим Китай стал одним из тех, кто призывает к развитию либеральной и неолиберальной идеи — свободной торговле» [с. 8]. По мнению эксперта, США до сих пор воспринимают Китай как коммунистическую угрозу и видят целью сохранение своего глобального лидерства. Это стремление США во многом определяет политическую подоплеку решений МВФ, ВБ и других международных финансовых организаций, возглавляемых Соединенными Штатами.

Китай же рассматривает геополитическую стратегию сквозь призму экономики. Он заинтересован в развитии взаимовыгодных экономических коридоров, общих проектов, и в политическом плане выступает против неоимпериализма, ратуя за принципы многосторонности. В целом, по мнению автора, новое *интегративное видение* Китая можно назвать попыткой предложить модель глобализации, альтернативную американскому глобализму.

Рассматривая примеры сотрудничества как воплощение интегративного видения Китая, автор изучил проекты по линии инициативы «Пояса и пути» и по линии АБИИ. Экономический пояс Шелкового пути начал свое формирование на базе железнодорожного сообщения между Китаем и Европой. В 2011 г. было открыто сообщение по железной дороге между Чунцином и Европой через Синьцзян (渝新欧), что позволило доставлять грузы за 16 дней (против 28 дней по морю из Шанхая в Европу). Изначально это был комплекс двусторонних договоренностей между Казахстаном, Россией, Беларусью, Польшей, Германией и Китаем, чтобы упростить и ускорить железнодорожное сообщение. Это дало импульс к переходу к трансрегиональному сотрудничеству. Важную роль в развитии инициативы сыграло расширение сотрудничества между Китаем и государствами Центральной Азии. Реализация проекта «Морского шелкового пути» началась после создания Пакистано-китайского экономического коридора в 2013 г. Была построена железная дорога из Китая до порта Гвадар на юге Пакистана, что упростило транзит грузов по морю, снизив зависи-

мость Китая от Малаккского пролива. Это очень важно для обеспечения энергобезопасности Китая, так как часть его импорта углеводородов идет из стран Персидского залива. Два вышеозначенных маршрута стали отправной точкой для дальнейшего развития сети маршрутов в рамках инициативы «Пояса и пути». Углубление сотрудничества с ключевыми региональными партнерами (например, Казахстаном и Пакистаном) позволило перейти от двусторонних к многосторонним транспортно-экономическим коридорам, соединяющим различные регионы мира.

Так, прямые иностранные инвестиции из Китая в рамках проекта китайско-пакистанского экономического коридора достигли не менее 46 млрд долл. США в 2016 г., из которых 757 млн было потрачено на развитие инфраструктуры порта Гвадар, 130 млн выделено на создание высокоскоростной ветки железной дороги до порта Гвадар, а 230 млн пошли на развитие международного аэропорта Гвадар. По данным на 2019 г., Китай инвестировал более 26,7 млрд долл. США в проекты «Пояса и пути», реализуемые совместно с Казахстаном. Китай также активно развивает сотрудничество со странами Юго-Восточной Азии под флагом «Сообщества единой судьбы». Например, по состоянию на июнь 2019 г. стоимость проектов в Индонезии, в которые инвестировал Китай, составила более 93 млрд долл. США, а инфраструктурные инвестиции во Вьетнаме достигли более 70 млрд.

Рассматривая проекты по линии АБИИ, автор отмечает, что общий объем займов для инфраструктурных проектов в 2016 г. составил 1,7 млрд долл. США, в 2017 г. — 2,2 млрд, в 2018 г. — 2,7 млрд. АБИИ за период с 2016 по 2019 г. предоставил займы Пакистану на сумму более 400 млн долл. США. При этом Индия за схожий период получила более 2 млрд займов в АБИИ. По мнению автора, все это подкрепляет тезис о том, что АБИИ не руководствуется политическими отношениями при принятии решений, так как Индию едва ли можно назвать союзником Китая. Индия сама участвует в развитии иранского порта Чахбехар, который расположен на 80 км западнее пакистанского Гвадара, и ее конкуренция с Китаем за потоки грузов из Центральной Азии вполне реальна.

В заключении Ф. К. К. Хуан отмечает, что интегративные элементы инициативы «Пояса и пути» могут лечь в основу новой стратегии развития сельских районов в самом Китае. Долгое время сельские районы рассматривались преимущественно как источник ресурсов и рабочей силы для крупных компаний, но на современном этапе

сельское хозяйство стало высокоэффективным. Доля продуктов с большей добавленной стоимостью достигла более 2/3 от общего выпуска сельскохозяйственной продукции. Соответственно, целесообразно рассматривать крестьян и сельские домохозяйства в качестве полноценных субъектов экономических отношений. А для расширения внутреннего рынка требуется укрепление транспортных и инфраструктурных связей крупных городов и сельских районов, в особенности удаленных. Проект «Одна деревня — одна дорога», выстроенный по аналогии с «Поясом и путем», мог бы стать эффективным планом развития инфраструктуры в стране.

Д. А. Потапов¹

---

¹ **Даниил Андреевич Потапов** — магистрант I года обучения факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова, старший лаборант-исследователь Сектора международных организаций и глобального политического регулирования Отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН.

КАНИЯ Э. ВОЕННЫЕ ИННОВАЦИИ КНР В ОБЛАСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

KANIA E. Hearing on trade, technology, and military-civil fusion Chinese military innovation in artificial intelligence // Center for a New American Security. June 7, 2019. Available at: https://www.uscc.gov/sites/default/files/June%207%20Hearing_Panel%201_Elsa%20Kania_Chinese%20Military%20Innovation%20in%20Artificial%20Intelligence.pdf

Статья эксперта Центра безопасности и новых технологий Джорджтаунского университета Эльзы Кания посвящена китайскому опыту развития отрасли искусственного интеллекта (ИИ) для нужд армии.

Автор обращает внимание читателя на то, что на встрече с руководящими кадрами Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в декабре 2012 г. Си Цзиньпин открыто заявил, что новая концепция развития «китайской мечты» включает в себя прежде всего «мечту о сильной армии». Социализм с китайской спецификой требуется защищать не только солдатам с «чашкой проса и винтовкой», но и современной, модернизированной армии высококлассных специалистов, обладающих всей необходимой техникой и оснащением для решения любой актуальной военной задачи и подавления любого сопротивления в кратчайшие сроки на земле, на воде и в воздухе. Завершение этих военных реформ способно изменить соотношение сил в мире и придать импульс новым событиям, например пересмотру и ужесточению внешней политики США, которые теперь явно видят в лице Китая следующего противника своей политической гегемонии.

Си Цзиньпин призвал Народно-освободительную армию Китая к середине XXI в. стать вооруженными силами мирового класса (世界一流军队) [с. 1].

Опасения США вызывают неприкрытые амбиции КНР в области технологий ИИ. Еще в 2016 г. появилась идея использовать ИИ в оперативном командовании и разработках планов операций. Такая «система систем» состоит в интеграции человека с искусственным интеллектом, занимающим «ведущую» позицию (*C4ISR system: command, control, communications, computers, intelligence, surveillance, and reconnaissance*). Занимается разработками Университет национальной оборо-

ны НОАК. Армия НОАК в настоящее время в основном сосредоточена на военной робототехнике и наземных системах. Департамент обеспечения НОАК организовал серию проводимых раз в два года соревнований, известных как «Пересекающиеся препятствия» (跨越險阻), для разработки беспилотных наземных систем в 2014, 2016 и 2018 гг. В каждом соревновании участвовал целый ряд команд из академических, промышленных и военных исследовательских институтов: в общей сложности 136 [с. 4]. Китайские стратеги все чаще утверждают, что появление ИИ может изменить фундаментальные механизмы победы в войне в будущем. Э. Кания цитирует Юнь Гуаньжуна (游光荣) из Академии военных наук, утверждающего, что усиление роли интеллектуального оружия на поле боя будущего может привести к тому, что «удаленные, точные, миниатюрные и одновременно крупномасштабные атаки без участия человека» станут основным методом атаки. Учитывая способы, которыми ИИ может увеличить темп, точность и эффективность операций, специалисты предсказывают, что «ИИ превзойдет огневую мощь, мощность машин и информационную мощь, став самым критическим фактором в определении исхода войны» [с. 9].

В будущей войне использование передовых алгоритмов будет способствовать рассеиванию «тумана поля боя» и станет основой оперативного преимущества. В качестве примера высокотехнологичной разработки, способствующей рассеиванию «тумана поля боя» в китайском понимании, автор приводит БПЛА с неподвижным крылом *Polar Eagle (Ji Ying, 极鹰)*, разработанный Пекинским педагогическим университетом и впервые использованный для дистанционного зондирования в Арктике в сентябре 2015 г., когда он выполнил трехмерное картирование ледника в Антарктиде. Этот БПЛА, работающий от литиевой батареи, способен подняться до высоты 1500 м. Полного заряда батареи хватает до одного часа работы. В полярных регионах варианты *Ji Ying* использовались для получения изображений областей, которые не видны со спутника в силу погодных условий или сложности рельефа местности.

Предполагается целесообразным использование беспилотных наземных судов (*Unmanned Ground Vehicle, UGV*) в сложных условиях Арктики или Антарктики. UGV могут способствовать разведке и пополнению запасов, а также определению безопасных транзитных маршрутов. Например, китайский Бэйханский университет авиации и космонавтики в Пекине запустил «Полярный вездеход» (极地

漫游者) — автономный научно-исследовательский аппарат, который изучает воздействие глобального потепления на Антарктику. Ветрогенератор позволяет машине работать круглосуточно. В феврале 2018 г. китайские исследователи впервые использовали небольшой UGV, разработанный CAS-SIA, чтобы провести топографическую съемку в Антарктике для определения маршрутов, преодолев 200 км за 25 дней. Таким образом, ожидается, что за пределами поля боя разработки в области ИИ лягут в основу преобразований, которые могут привести к интеллектуализации логистической поддержки, организационных механизмов, а также образования и обучения.

Одним из насущных вопросов, актуальных, с точки зрения Э. Каниа, является переход боев в киберплоскость. Способность снизить или ликвидировать потенциал противника в области ИИ становится решающим фактором победы в интеллектуальных операциях. Ученые и стратеги НОАК обсудили варианты контрмер против военного использования ИИ противником, включающие в себя вмешательство, повреждение и разрушение кинетическими или некинетическими (например, электромагнитное, микроволновое оружие) средствами или даже попытки заставить противника потерять контроль над своим ИИ и изменить его процедуры, чтобы привести к «восстанию машин». В частности, «контр-ИИ-операции» предполагают парализацию искусственного интеллекта противника. Использование искусственного интеллекта позволяет определить слабые звенья и важные цели в системе обороны противника.

Ракетные силы НОАК изучают возможность применения машинного обучения, в том числе нейронных сетей, таким образом, чтобы это могло способствовать улучшению обслуживания систем вооружения. Исследования сосредоточены на диагностике и прогнозировании неисправностей, использовании новых методов моделирования сложных систем и достижениях в робототехнике.

В ходе реформ задачи проведения атак на компьютерные сети противника, а также обороны собственных национальных сетевых ресурсов были переданы от Сил стратегической поддержки Департаменту сетевых систем (网络系统部). Силы иногда называют «киберкорпусом» или «силами киберпространства» (网络空间作战部队).

Силы стратегической поддержки НОАК (ССПНОАК) стремятся использовать достижения ИИ для поддержки своих миссий космической, кибернетической, электронной и психологической войны. Исследователи ССПНОАК также изучают возможность применения

искусственного интеллекта для электронной разведки и контрмер, криптографии и т. д.

Практически все корпорации от AVIC до CSIS и CASIC внедрили отделы ИИ-разработок, что прямо указывает на соответствующий вектор развития. Данную инициативу поддерживают крупнейшие команды из Университета Цинхуа, альянса Чжунгуаньцунь (*Zhongguancun Military-Civil Fusion Industry Alliance, CICC Capital* и *Shanghai Ke-chuang, Yunzhou-Tech* и др.).

Также автор уделяет внимание рассмотрению проектов военно-гражданского синтеза, поскольку это именно та сфера, где Китай, за счет своего огромного экономического веса, способен мгновенно перенаправить ресурсы на военные нужды, используя гражданских специалистов. В качестве примера сотрудничества невоенных компаний с правительством автор указывает огромные инвестиции в 2018 г. в стартапы робототехники *UBTech* и *AI SenseTime*, сделанные *Tencent* и *Alibaba*. Благодаря компаниям *Yitu, SenseTime, Megvii* и *Deepglint* Китай стал крупнейшим в мире рынком технологий распознавания лиц и видеонаблюдения. Закон о национальной разведке 2017 г. требует от китайских компаний, таких как *Huawei* и *ZTE*, поддержки, предоставления помощи и сотрудничества в разведывательных и контрразведывательных действиях [с. 31].

Несмотря на свои сильные стороны, резюмирует Э. Кания, инновационный потенциал Китая все еще имеет явные недостатки в области ИИ. В некоторых «ключевых и основных технологиях», включая полупроводники, попытки Китая наверстать упущенное пока достигли ограниченного успеха, но недавний прогресс в области ИИ-чипов кажется более многообещающим. Усиление поддержки исследований, в том числе за счет создания новых открытых инновационных платформ и национальных лабораторий, может способствовать переходу к более оригинальным инновационным исследованиям в будущем. Однако на данный момент прогресс Китая продолжает частично зависеть от доступа к «международным инновационным ресурсам», включая таланты и знания [с. 34–35].

Н. А. Крутов¹

---

¹ **Никита Андреевич Крутов** — магистрант I года обучения факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова; направление подготовки «Региональные проблемы мировой политики».

ШЛЕЕ Р., ОППЕР Й. ВЕПОНИЗИРУЯ МИР

SCHLEE R., OPPER J. Weaponizing the world // New perspectives. — 2020. — N. 3. — P. 314–329.

Ключевые слова: новые технологии; будущее; отсутствие безопасности; взаимозависимость; ядерное оружие; вепонизация; милитаризация.

Начало XXI в. преподнесло множество не самых приятных сюрпризов нашему миру — климатический кризис, разрушение режима контроля над вооружениями, отсутствие полноценного диалога между ключевыми международными акторами, обернувшееся неспособностью коллективно решить накопившиеся проблемы. Следствием вышеперечисленных кризисных явлений в мировой политике грозит стать вепонизация международных отношений, и именно этой проблеме посвящена статья Рене Шлее (Фонд им. Фридриха Эберта, отделение в Приштине, Косово) и Йена Оппера (Гамбургский университет, Германия). Цель исследования — показать, каким может стать мир в 2040 г., если не будут предприняты коллективные меры противодействия кризисным тенденциям. В рамках реализации поставленной цели требовалось решить следующие задачи: выделить основные черты международных отношений первой половины XXI в., разработать прогноз развития мировой политики на период 2020–2040 гг. и дать рекомендации по предотвращению негативных сценариев.

Ключевыми характеристиками будущего 2040 года, по мнению авторов, с высокой долей вероятности станут: 1) перманентный кризис, обусловленный технологическим прогрессом, неравным доступом к новым технологиям и постоянно меняющейся иерархией акторов мировой политики; 2) вепонизация, понимаемая как милитаризация различных сфер человеческой деятельности, изначально носящих мирный характер, использование их в качестве оружия в военных целях, а также совершенствование средств ведения войны и расширение ее географии. Основные цели государств в этих условиях сведутся к выживанию, сохранению стратегической автономии в контексте возросшей взаимозависимости и эффективной конкуренции с другими акторами [с. 1–3].

В негативном прогнозе, предлагаемом авторами, к такой ситуации в мире приводят события начала XXI в. — война в Персидском заливе 2003 г., спровоцировавшая трансатлантический раскол; войны в Афганистане и Ираке; действия администрации Дональда Трампа (выход из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранской ядерной программе в 2018 г. и Договора о ракетах средней и меньшей дальности (ДРСМД) в 2019 г., обсуждение возможности выхода США из НАТО в 2023 г.); кризис системы нераспространения и контроля над вооружениями. Как только станет очевидно, что международные договоры, союзы и системы коллективной безопасности бессильны, начнется эпоха неопределенности и нестабильности альянсов, в которой страны будут ориентироваться лишь на возможность краткосрочной выгоды. В данном контексте авторы доклада представляют нашему вниманию несколько возможных сценариев развития мира с 2019 до 2040 г.

Сценарий 1: ядерное оружие все еще существует, а режим контроля над вооружениями мертв

Выход США из ДРСМД в 2019 г. повлек за собой эрозию соглашений о контроле над вооружениями и разоружении. После распада СВПД в 2020 г. стимулы для приобретения Ираном ядерного оружия значительно возросли, что в конечном счете сделало Иран *de facto* еще и ядерной державой. Это запустило целую цепочку разработок ядерного оружия в ряде стран: Саудовская Аравия, Турция, Австралия, Япония, Бразилия, Аргентина вслед за Ираном стали обладателями ядерного оружия.

Не желая «обеспечивать чьи-то региональные амбиции» на Ближнем Востоке через механизмы НАТО, в 2023 г. США вышли из Североатлантического альянса [с. 4–5].

Эти события сопровождалось внедрением искусственного интеллекта (ИИ) в структуры управления ядерным оружием государств для противостояния различным угрозам, например размещению гиперзвуковых ракет странами-конкурентами. Ядерное оружие превратилось в источник неопределенности: возобновились разговоры о возможности победы в ядерной войне, что повысило риск его применения; не был разработан договор о внедрении ИИ в военное программное обеспечение; кибератаки стали стандартным инструментом ведения противостояния, вследствие чего вероятность «случайного» обмена ядерными ударами резко возросла.

Широко распространилась идея о том, что само выживание государств находится под угрозой. Накопившиеся проблемы создали си-

туацию отсутствия безопасности при необходимости эффективной конкуренции с другими акторами. Это повлекло за собой состояние вечного кризиса.

Сценарий 2: новые технологии, дешевые войны и неочевидные акторы

Из-за технологического прогресса и неравного доступа к технологиям малые государства столкнулись с трудностями в обеспечении сдерживания с помощью обычных вооружений, поскольку данный тип вооружений устарел на фоне научно-технического прогресса. Это вынудило ряд стран принять стратегию «асимметричного сопротивления», что привело к попаданию оружия в руки негосударственных акторов. Однако, несмотря на это, государства не смогли прийти к общему соглашению о запрете таких систем оружия, как, например, автономная система оружия летального действия (АСОЛД), и последние попали в руки террористов.

Корпорации быстро освоили новое оружие, когда искали способы защиты собственности от вооруженных нападений: были разработаны роботы-охранники, оснащенные впоследствии летальными и нелетальными системами вооружений для защиты частной собственности. Вскоре стало очевидно, что новые технологии могут использоваться не только для защиты промышленных объектов, но и в рамках попыток корпораций помешать работе друг друга, а также при вовлечении корпораций в вооруженные конфликты.

Для достижения стратегической автономии и сохранения влияния на дела других стран государства начали спонсировать как крупные корпорации, так и негосударственные субъекты. Также была внедрена практика предоставления огромных привилегий корпорациям для защиты ресурсов и территорий государства в случае необходимости, с этого момента компании перешли к совмещению в себе прав частных лиц с чертами государственной суверенной власти. Подобные компании начали накапливать власть, часто связанную с каким-либо государством, но не обязанную ему. Государства и компании вступили в сложные отношения, так как государства полагались на продукты и услуги, производимые частными организациями, и одновременно компании полагались на доступ к рынку, что усугубило состояние всеобщего кризиса в условиях крайней взаимозависимости [с. 6–7].

Сценарий 3: всеобщая вепонизация

В условиях продолжающейся глобализации, непрерывного дерегулирования и интеграции международных рынков экономическая взаимозависимость переродилась в «запутанность» (entanglement)

между участниками, которые не могли отказаться от нее, несмотря на снижение их безопасности. Рост нестабильности повлек за собой необходимость усиления мер по обеспечению безопасности государств, которая тяжелым бременем ложилась на государственный бюджет. В стремлении сократить эти расходы государства передали на аутсорсинг многие свои гражданские функции, такие как, например, процесс подачи заявлений на визу. Государства все больше стали полагаться на частную критическую инфраструктуру, технологии и услуги, чтобы сократить расходы, а также сотрудничали с частными компаниями в целях обеспечения безопасности и поддержки функциональности. «Запутанность» компаний и государств привела к ненадежной стабилизации их отношений. Глобальные монополисты накопили власть, которую государства уже не могли контролировать [с. 8].

Всеобщая вепонизация отмечена «запутыванием» обществ через глобализацию, зыбкостью границ между государственными и корпоративными действиями и секьюритизацией уязвимостей. Государства изначально стремились к стратегической автономии, которой достичь в итоге не удалось.

С учетом наблюдаемых сегодня тенденций при реализации любого из трех вышеозначенных сценариев к 2040 г. негативные воздействия климатического кризиса на планету проявятся с максимальной силой. Этот кризис будет только усугубляться, не встретив глобального ответа. Однако прогнозируемые «запутанность» и вепонизация 2040 г. не оставляют пространства для коллективных действий против глобальных вызовов. Климатический кризис усугубит описанную выше динамику.

Произойдет повсеместное внедрение технологий двойного назначения, которое значительно понизит уровень доверия и безопасности в мире. Подобные технологии сложно отследить и регламентировать, так как они могут быть как гражданскими объектами, так и военными. Это вызывает недоверие между соперничающими государствами и, как следствие, гонку вооружений. Однако если понизить темпы разработки технологий, можно упустить их огромную гражданскую полезность, это также приведет к значительному снижению технологического развития.

Низкая «начальная стоимость» новых технологий по сравнению с их стратегической ценностью приведет к тому, что новое оружие можно будет использовать для борьбы с превосходящими ядерны-

ми или обычными силами других игроков, используя способы нанести большой урон противнику, не вступая в вооруженный конфликт напрямую. Это может стереть грань между военными целями и гражданским населением, а также запустить новую гонку вооружений.

Однако безопасность государств подрывают не только возрастающие военные угрозы. То же самое относится и к передаче государственных функций транснациональным корпорациям, что создает дополнительные уязвимости, которыми могут воспользоваться конкуренты.

Для решения обозначенных в статье проблем авторы предлагают использовать региональные форматы кооперации. Решение проблем на таком уровне позволит отказаться от консенсусного подхода, когда одно или два государства блокируют чьи-либо амбиции, из-за чего многие конвенции откладываются в долгий ящик. Именно в рамках региональных форумов будет возможно принять решение о создании зон, свободных от АСОЛД, о мерах укрепления доверия и снижения риска.

Необходимо также отметить, что в наши дни происходит слияние многих вопросов: проблемы экономики и стратегической стабильности начинают обсуждаться в «общем пакете». Все это актуализирует необходимость проведения новых междисциплинарных исследований взаимозависимости. Академическому сообществу требуется отказаться от европоцентризма: представители глобального Юга должны иметь право голоса и в дискуссиях о мировом развитии. Слишком часто проблемы, с которыми сталкиваются государства глобального Юга, не находят достаточного отклика в стратегических дискуссиях, поскольку в них все еще превалирует голос Запада и участники глобального Юга оказываются неявно исключенными. Только серьезно относясь к опасениям других по поводу безопасности, можно построить доверие, необходимое для возвращения к коллективным действиям.

Подводя итог всему вышесказанному, авторы обозначают, что следствием взаимной уязвимости может быть не только всеобщая депрессия, но и взаимная забота друг о друге. Забота всегда способствует укреплению доверия, которое необходимо для коллективных действий, а коллективные действия, в свою очередь, являются залогом успешного решения наметившихся проблем. К коллективным действиям стремятся на международном и транснациональном уров-

не множество организаций, учреждений, которые могут укрепить доверие между участниками [с. 13]. При этом лица, принимающие решения, должны отказаться от стремления к универсальным «рецептам» достижения политического согласия и принять в расчет проблемы и позицию других акторов.

Д. С. Митрофанова¹

---

¹ **Дарья Сергеевна Митрофанова** — магистрант I года обучения факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова; направление подготовки «Международная безопасность».

ДУБЕЙ М., ШАРМА Ш. К. БЕЗЪЯДЕРНЫЙ МИР: КОМПРОМИСС ЭТИКИ И БЕЗОПАСНОСТИ

DUBEY M., SHEEL KANT SHARMA. Nuclear weapon-free world: Reconciling moral and security imperatives // India quarterly: a j. of international affairs. — 2020. — N 2. — P. 170–184.

Ключевые слова: ядерная угроза; контроль над вооружениями; гонка вооружений; ядерное разоружение; ликвидация; направления.

Факт прекращения действия Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД / INF Treaty) и негативное влияние данного события на переговорный процесс по Договору о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ III / New START Treaty) ставят вопрос о пересмотре применяемого на протяжении более шестидесяти лет подхода к контролю над вооружениями, предполагающего минимизацию ядерной угрозы. Отмечая высокую вероятность начала нового витка гонки вооружений, авторы настоящей статьи — Мачкунд Дубей (председатель Совета социального развития, бывший министр иностранных дел Индии, Университет им. Дж. Неру, г. Дели, Индия) и Шил Кант Шарма (бывший постоянный представитель Индии при ООН в Вене и МАГАТЭ, бывший генеральный секретарь СААРК) — подчеркивают важность моральных императивов при рассмотрении любых вопросов, относящихся к проблемам ядерного оружия, контроля над вооружениями и разоружения.

В ходе исследования авторы выделили несколько этапов в становлении режима контроля над вооружениями. С момента создания ООН вопросы ядерного разоружения и запрета на проведение ядерных испытаний занимали центральное место в деятельности данной международной организации. Таким образом, на первом этапе (1945–1970) большинство инициатив в сфере контроля над вооружениями осуществлялось под эгидой ООН, носило многосторонний характер и было продиктовано преимущественно этическими соображениями, что объяснялось, по мнению авторов, крайне высоким уровнем легитимности ООН в глазах мировой общественности на

фоне недавнего окончания Второй мировой войны, процессов деколонизации и проводимых миротворческих операций [с. 172–173]. В рассматриваемый период были созданы Научный комитет ООН по действию атомной радиации (НКДАР ООН) и Комитет десяти наций по разоружению, был подписан Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой (Partial Test Ban Treaty).

Вступление в силу Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО/NPT) в 1970 г. ознаменовало наступление нового этапа в формировании глобальной системы контроля над вооружениями. Несмотря на то что по итогам соглашения неядерные государства добровольно отказывались от права приобретения и тестирования ядерного оружия, в то время как ядерные державы обязывались вести переговоры по предотвращению угрозы ядерной войны, а также сокращению с целью дальнейшей ликвидации ядерного оружия как класса, именно данный документ способствовал постепенному вытеснению императивов морали соображениями национальной безопасности [с. 175]. Разные подходы государств к трактовке ст. 51 Устава ООН, попытки оправдать гонку вооружений соображениями безопасности и последующее введение категории «стратегических вооружений» в соглашения СНВ привели к размыванию морального императива, минимизировали ощущение срочности в осуществлении шагов по пути разоружения. С переменным успехом вплоть до настоящего момента переговоры преимущественно велись по линии США — СССР/РФ, что автоматически исключало возможность участия в данном процессе значительного количества влиятельных игроков, а потому априори не могло быть эффективным.

В рассматриваемый период предпринималось несколько попыток к возрождению роли императивов морали. Так, например, авторы отмечают, что в ходе встречи президента США Рональда Рейгана и главы СССР М.С. Горбачева в Рейкьявике (Ирландия) стороны были как никогда близки к заключению соглашения об исключении ядерного оружия из своих арсеналов. Однако выдвинутая действовавшей американской администрацией программа по разработке Стратегической оборонной инициативы (СОИ, также известная как «программа звездных войн») заблокировала переговорный процесс по данному вопросу.

Следующая попытка была предпринята сторонами почти через тридцать лет. Президент США Барак Обама в своей Пражской речи,

произнесенной 6 мая 2009 г., провозгласил стремление к отказу от ядерного оружия в качестве приоритетной цели, а также предложил России заключить новое соглашение о дальнейшем сокращении стратегических вооружений — СНВ-III. Данная инициатива столкнулась с ярким противодействием со стороны конгресса. Кроме того, последовал отказ и со стороны президента РФ В. В. Путина, считавшего недопустимым проведение переговоров по разоружению без включения вопросов, касающихся американской системы оборонительных вооружений, в повестку.

В связи с этим авторы настоящей статьи выделяют ряд факторов, способствующих нарастанию кризисных тенденций в сфере контроля над вооружениями и разоружения. К их числу в первую очередь был отнесен дискриминационный характер существующего подхода к рассмотрению вопросов данного аспекта международного взаимодействия. Дело в том, что действующая система, при которой переговоры по разоружению ведутся преимущественно по линии РФ — США и при которой лишь отдельные регионы объявляются безъядерными зонами, может восприниматься расположенными там странами как угрожающая их национальной безопасности в условиях постоянного увеличения ядерных арсеналов другими государствами [с. 181]. Возможное разрешение данной дилеммы М. Дубей и Ш. К. Шарма видят в обращении к моральным императивам, которые требуют от участников рассматриваемого международного процесса вовлечения новых сторон в переговорный процесс, а также расширения упомянутых безъядерных зон на весь мир, так как возможные последствия применения ядерного оружия будут потенциально носить глобальный характер.

Усилению кризисных явлений в области контроля над вооружениями и разоружения способствует также неспособность государств адекватно оценить наличие угрозы собственной безопасности в связи с отсутствием развитых механизмов коммуникации между ними [с. 179–180]. Постоянное совершенствование ядерных арсеналов способно лишь на короткое время создать иллюзию относительной безопасности на основе достижения стратегической стабильности участниками гонки вооружений, тем самым лишь подстегивая ее. В подобных условиях уровень доверия между сторонами критически низок, договорной потенциал снижается.

Кроме того, авторы подчеркивают, что вклад ядерного оружия в обеспечение мировой безопасности и стабильности сильно преуве-

личен: роль данного вида вооружений в предотвращении военных столкновений, равно как и в укреплении взаимоотношений, не доказана [с. 181].

Таким образом, М. Дубей и Ш. К. Шарма приходят к следующим выводам [с. 182–183].

Кризисные тенденции в сфере контроля над вооружениями, которые сложились в 2012–2014 гг., не являются принципиально новыми по своей природе: выявленная в ходе исследования группа факторов, способствующих нарушению стратегической стабильности, оставалась неизменной на всем протяжении строительства институциональных и политико-правовых основ межгосударственного взаимодействия.

Преодоление кризиса возможно в том случае, если при принятии стратегических решений государства не только будут руководствоваться соображениями национальной безопасности, но и обратятся к морально-этическому аспекту разоружения.

Дальнейшее прогрессивное развитие режима контроля над вооружениями возможно лишь при условии повышения уровня взаимного доверия между участниками данного процесса, совершенствования верификационных механизмов и усиления сотрудничества. По мнению авторов рассматриваемой статьи, в качестве нормативной основы данного процесса должна выступить принятая Генеральной ассамблеей ООН всеобъемлющая по составу участников резолюция, призывающая ликвидировать ядерное оружие как класс, содержащая пошаговый план осуществления действий и устанавливающая четкие временные рамки для каждого из этапов. Кроме того, в рамках Генеральной ассамблеи должен быть создан дополнительный комитет для проведения синхронных переговоров между ядерными и неядерными государствами.

Е. С. Сидорова¹

---

¹ **Елизавета Сергеевна Сидорова** — магистрант I года обучения факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова; направление подготовки «Международная безопасность».

БУАЙЕ П., ДЕЛЁМОТ Т., ГОТЬЕ Г., РОЛЛЕ В., ШМУТЦ Б. ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ МОБИЛИЗАЦИИ «ЖЕЛТЫХ ЖИЛЕТОВ»

BOYER P., DELEMOTTE T., GAUTHIER G., ROLLET V., SCHMUTZ B. Les déterminants de la mobilisation des gilets jaunes // Revue économique. — Paris, 2020. — N 1. — P. 109–138.

Ключевые слова: мобилизация; «желтые жилеты»; Франция; рост цен на топливо; протестное движение.

В ноябре 2018 г. Францию охватило мощное протестное движение «желтых жилетов». По своему масштабу эти события можно сравнить с демонстрациями мая 1968 г., когда молодежь выступила против политики Шарля де Голля. Спонтанный социальный протест, связанный с вполне конкретным поводом — повышение стоимости дизеля и бензина после десятилетия сравнительно низких цен на топливо, — быстро вышел за свои первоначальные рамки, вскрыв глубинные разногласия между властью и обществом.

Правительством Эммануэля Макрона был принят целый ряд политических решений, послуживших катализатором движения, однако остается открытым вопрос, какие именно из этих решений внесли наибольший вклад в рост недовольства граждан. С учетом этого обстоятельства авторы рассматриваемого в настоящей работе исследования — Пьер Буайе, Герман Готье, Винсент Ролле, Бенуа Шмутц (Центр экономико-статистических исследований (ЦЭСИ) при Политехнической школе, Париж) и Томас Делёмот (Высшая школа статистики и экономического администрирования (ВШСЭА), Палезо) — поставили перед собой цель: определить, в какой степени повышение налогов, ограничение мобильности владельцев автомобилей и цифровизация сказались на динамике развития протестного движения.

Соответственно, были выделены следующие задачи: изучить исторические особенности протестных движений Франции; проанализировать хронологию развития *mouvement des Gilets jaunes*; проверить наличие взаимосвязи между онлайн-активностью и количеством ма-

нифестаций на местах; определить социально-экономические и политические факторы, стимулировавшие рост протестных настроений.

В своей работе авторы опирались на ряд современных концепций и теоретических подходов к изучению протестной активности, сложившихся как в западном, так и в российском общественном сознании¹ [с. 109–112].

Историческая перспектива показывает, что многие протестные движения во Франции развивались из-за роста налогов. «Желтые жилеты» не стали исключением. Однако при всем внешнем сходстве с предшествующими протестными движениями «желтые жилеты» обладают своей спецификой. Это — децентрализованное движение, в становлении которого огромную роль сыграли современные информационные технологии и социальные сети. Традиционные институты политической мобилизации, такие как профсоюзы и политические партии, не были активными участниками акций протеста 2018 г. Это наблюдение показывает, что их роль в агрегировании и артикуляции политических требований и настроений граждан подвергается эрозии. Альтернативой подобным институтам все чаще выступают социальные движения нового типа, наподобие «желтых жилетов».

Авторы исследования изучили взаимосвязь между количеством и активностью групп в *Facebook* с количеством манифестаций на местах. Обосновывая выбор сети *Facebook* в качестве объекта наблюдения [с. 116–117], они сопоставили зоны охвата различных платформ. Анализ геоданных показал, что хотя *Facebook* и не единственная социальная сеть, тем не менее она самая популярная во Франции и ее пользователи равномерно распределены по всей стране. Для сравнения: большая часть пользователей *Twitter* сосредоточена в столице, им пользуются в основном интеллигенция и люди свободных профессий. Т. е. смоделировать в *Twitter* репрезентативную выборку для целей настоящего исследования просто бы не получилось.

Авторы отобрали 1548 групп в *Facebook* и определили зону их охвата: от национального и далее — регионального уровней до уровней

---

¹ См. в частности: Barbera S., Jackson M. A model of protests, revolution, and information // Households in conflict network. — N 3. — March 2017; Еникополов Р., Макарьин А., Петрова М. Социальные медиа и политические протесты // Вестник общественного мнения — № 3–4, июль–декабрь 2015; Ostrom E. Governing the commons. Cambridge: Cambridge university press, 2015; Caren N., Gaby S. Occupy online: Facebook and the spread of Occupy Wall Street // Social science research network. — N 10. — October 2011.

департамента и коммуны [с. 118]. С каждым из вышеназванных четырех уровней было соотнесено: количество групп в *Facebook*, связанных с «желтыми жилетами», количество членов групп и количество публикаций начиная с 14 декабря 2018 г. Уже на этом этапе выяснилась интересная закономерность: более 75% групп, их членов и публикаций сосредоточились на уровне коммун и департаментов¹, что подтверждает локальный характер движения. Поскольку у «желтых жилетов» не было единого координационного центра, то в качестве подобного инструмента выступали прежде всего социальные сети и ряд сайтов (www.blocage17novembre.fr, www.gilets-jaunes.com, www.gilets-jaunes-coordination.fr), на которых размещалась информация о местах, где нужно было организовать акции протеста.

Исследование показало сильную корреляцию $(0,74)^2$ между количеством групп в *Facebook*, а также числом членов этих групп и количеством акций протеста на местах. Менее убедительной оказалась зависимость между числом публикаций и локальными протестами $(0,62)$ [с. 119–121]. Однако эти результаты демонстрируют общую для всех протестных движений тенденцию — рост влияния социальных сетей. Анализ географического распределения групп в *Facebook* выявил еще одну особенность: наиболее активными и многочисленными оказались группы «желтых жилетов» по периметру страны и именно в этих районах, за рядом исключений, наблюдалось наибольшее количество манифестаций [с. 123].

«Желтые жилеты» стали движением, в котором переплелись факторы цифровизации и социально-экономического давления [с. 124]. Основным катализатором протестов послужил рост цен на топливо, обусловленный введением несколькими месяцами ранее повышенного налога на дизель и бензин. Экономическая программа Макрона предполагала повышение налогообложения на них для того, чтобы сократить зависимость Франции от ископаемого топлива и мотивировать людей переходить на альтернативные источники энергии. Однако, согласно данным Национального института статистики (*Insee*), более 83% французов используют автомобиль, чтобы добраться до работы. Даже в столице общественным транспортом пользуются

---

¹ Во Франции административно-территориальное деление в порядке возрастания носит следующий характер: коммуна, департамент, регион, национальный уровень.

² 0 — нет связи, 1 — линейная зависимость.

не более 45% населения. Этот показатель падает еще больше в регионах — менее 15% [с. 126]. Поэтому рост цен на топливо приводит к росту транспортных издержек. Экологические меры были приняты летом 2018 г., после чего цены на топливо продолжали расти, и к ноябрю 2018 г. закономерно накопилась критическая масса недовольных представителей среднего класса.

Авторы статьи с помощью корреляционного и регрессионного анализа продемонстрировали, что кроме роста цен на топливо был еще один, менее очевидный, но не менее важный катализатор протестов — снижение скоростного порога на дорогах второстепенного значения с 90 до 80 км/ч [с. 127]. Это решение вызывало недовольство общественности по нескольким причинам. Во-первых, оно ограничивало мобильность владельцев автомобилей. Во-вторых, если рост цен на топливо был обусловлен реализацией экономической части президентской программы, озвученной Э. Макроном в ходе выборов, то решение о снижении скоростного порога в эту программу не входило и ранее не оглашалось. Поэтому избиратели расценили данный шаг как отход президента от своих обещаний и проявление волюнтаризма.

Наиболее важными переменными, которые использовались в корреляционном и регрессионном анализе, были: «голосование за Э. Макрона», «уровень безработицы», «неравенство в уровне заработной платы», «снижение скоростного порога дорог до 80 км/ч». Затем вычислялась корреляция этих переменных с активностью в социальных сетях и реальными акциями протеста. Все указанные переменные продемонстрировали сильную взаимосвязь с мобилизацией онлайн и офлайн [с. 128]. При этом исследование показало, что люди, проголосовавшие за Э. Макрона, часто не поддерживали акции протеста, на которые в основном собирались избиратели крайне правых и левых движений, а также абсентеисты. Регрессионный анализ позволил выявить, насколько сильна взаимосвязь этих переменных в отдельности с протестной активностью. Социально-экономические факторы показали значимую связь лишь с мобилизацией онлайн. Это говорит о том, что движение определялось не столько безработицей, сколько неравенством между самими работниками, которое больше осуждали, нежели чем использовали как повод к действию. В противном случае мы бы имели значимую связь с протестами офлайн. Наиболее же сильную взаимосвязь с протестами на местах из всех переменных показал параметр «снижение скоростного порога дорог

РЕФЕРАТЫ

с 90 до 80 км/ч». В ходе анализа также выяснилось, что взаимосвязь указанных переменных возрастает при снижении уровня анализа до более мелких административных единиц. Это еще раз подтверждает локальный и децентрализованный характер движения [с. 129].

Таким образом, в развитии движения «желтых жилетов» большую роль сыграли социальные сети. Именно цифровые технологии обеспечили высокую координацию и размах движения. При этом среди факторов, стимулировавших рост протестных настроений, кроме увеличения цен на топливо следует указать снижение скоростного порога на второстепенных дорогах с 90 до 80 км/ч. Однако эти факторы играли важную роль на начальном этапе, затем экономические требования были дополнены внутри- и внешнеполитическими.

А. В. Нефёдов¹

---

¹ **Алексей Владимирович Нефёдов** — магистрант I года обучения факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова; направление подготовки «Международные стратегические коммуникации».

БОНИЛЛА Т., ТИЛЛЕРИ Э. Б.
КАКИЕ ИДЕНТИТАРНЫЕ ФРЕЙМЫ УСИЛИВАЮТ
ПОДДЕРЖКУ И МОБИЛИЗАЦИЮ ДВИЖЕНИЯ
#BLACKLIVESMATTER. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ТЕСТ

BONILLA T., TILLERY A.B. Which identity frames boost support for and mobilization in the #BlackLivesMatter movement? An experimental test // American political science rev. — Cambridge univ. press, 2020. — N. 4. — P. 947–962. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055420000544>.

Ключевые слова: экспериментальный тест, фреймы, BlackLivesMatter, расовая справедливость, ЛГБТК+, феминизм, интерсекциональность.

Впервые хэштег *#BlackLivesMatter* в *Twitter* появился в августе 2012 г.: его опубликовал Маркус Э. Хантер, ученый Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Он стал вирусным в социальной сети после того, как активистки Алисия Гарза, Патрисс Каллорс и Опал Тометти опубликовали его 13 июля 2013 г. в знак протеста против решения жюри оправдать Джорджа Циммермана в убийстве Тренора Мартина.

Как пишут авторы — Табита Бонилла (доцент Института политических исследований Северо-Западного университета США) и Элвин Б. Тиллери (доцент политологии и афроамериканских исследований Северо-Западного университета США) — фраза *Black Lives Matter* (далее — *BLM*) обрела самостоятельное существование в качестве вдохновляющего принципа и «мантры» движения против жестокости полиции в сообществах чернокожих в США. С 2014 г. в американских городах прошли сотни крупных акций *BLM*. Согласно исследованиям общественного мнения и СМИ, эти протесты стали частью национального самосознания.

Большинство экспертов рассматривают *BLM* как типичный образец «социальных движений», возникших в 1980-х гг. в развитых индустриальных обществах Запада. Такая трактовка предполагает, что структурно *BLM* мало чем отличается от антиядерного движения в Германии или движения «Захвати Уолл-стрит» в США. Соответственно, активисты, связанные с движением *Black Lives Matter*, будут проявлять меньшую озабоченность по поводу мобилизации ресурсов,

чтобы повлиять на дебаты о государственной политике или изменить траекторию политических институтов, чем их предшественники в движении за гражданские права 1950-х и 1960-х гг. [с. 947].

В рамках *BLM* не существует значительных конкурентных социальных групп. Как пишут авторы, наиболее заметные активисты *BLM* быстро сошлись во мнении о том, что интерсекциональность (взаимодействие разных видов опыта и угнетения, усиливающих друг друга) — это основа движения [с. 948].

Впервые термин «интерсекциональность» был использован Кимберли Креншоу в ее исследованиях, посвященных положению чернокожих женщин в американском обществе. Она установила, что чернокожие женщины не получали должного внимания в рамках антирасистских кампаний, ориентированных на опыт и потребности чернокожих мужчин, и феминистских кампаний, возглавляемых белыми женщинами и сосредоточенных на их опыте. В результате антидискриминационное право, в котором использовалась «одноосная» модель идентичности, оказалось неэффективным для чернокожих женщин, поскольку их угнетение было невидимым. Интерсекциональность предполагает, что разные категории идентичности могут пересекаться в одном индивидуе, создавая качественно иной опыт. Интерсекционализм пропагандируется многими афроамериканскими политическими активистками как способ достижения равенства через признание неоднородности общества и пересечения в одном индивидуе различных опытов дискриминации, связанных с его принадлежностью к той или иной угнетаемой группе [с. 948].

Целью исследования Т. Бониллы и Э. Тиллери было понять, как гендер, пол, сексуальная ориентация и расовая принадлежность влияют на формирование отношение рядовых афроамериканцев к движению *BLM* и их готовность участвовать в нем. Интерпретируя результаты своих наблюдений, авторы опирались на теорию фрейминга из социологии (*framing perspective*).

Ирвинг Гофман, американский социолог, положил начало теории фрейминга в 1974 г., при этом он указал на важную роль идейных факторов в микромобилизации сторонников движения. Эта теория призвана скорректировать ограничения, присущие структурализму, который выделяет теории мобилизации ресурсов и политического процесса. Согласно им, способность использовать сдвиги в политическом процессе за счет мобилизации ресурсов (например, рабочей силы, денег, оборудования и т. д.) и отправки стратегических сигналов

правлящим элитам является разграничительной линией между удачными и неудачными движениями.

Авторы рассматривают фреймы как «схемы, которые позволяют людям находить, воспринимать, идентифицировать» события в своей жизни и в мире в целом [с. 949]. Наиболее устойчивые социальные движения возникают тогда, когда существует согласованность между схемами интерпретации, продвигаемыми лидерами социальных движений и отдельными участниками.

Соответственно, основная задача активистов состоит в том, чтобы служить «агентами» в «создании и поддержании смысла для избирателей, антагонистов, сторонних наблюдателей» [с. 949].

Концепция интерсекциональности определяет специфику борьбы активистов *BLM* за свои права: учет всех потенциальных модусов дискриминации, обусловленных пересечением в одном индивиде разных социальных ролей, необходим для построения освободительного движения чернокожих [с. 949].

В качестве базовых фреймов движения активисты обычно выделяют гендерную принадлежность, ЛГБТК+ и расовую принадлежность [с. 949].

Авторы утверждают, что, когда лидеры социальных движений апеллируют к этим базовым фреймам в целях мобилизации аудитории, люди используют трехэтапный процесс — самокатегоризации, групповой оценки и оценки внутренних и внешних групп, — чтобы определить, нравится ли им кто-либо [с. 949–950].

Первая гипотеза настоящего исследования звучит так: «Обращение к фрейму «черный национализм» увеличит поддержку движения *BLM* среди афроамериканцев» [с. 950]. Предполагается, что отсылка к общей расовой принадлежности имеет определяющее значение для социального движения. Афроамериканцы также ставят соображения групповой расовой солидарности в центр принятия решений в отношении политики и политических кандидатов. Таким образом, фрейм «черного национализма» *BLM* может стать мощной структурой, генерирующей мобилизацию позитивных настроений и действий [с. 950–951].

Отмечается, что групповое сознание, основанное на гендерной принадлежности, было мощным катализатором участия женщин как в социальных движениях, так и в избирательных кампаниях. Кроме того, ряд исследований общественного мнения, проведенных на волне подъема женского движения в США, показал, что афроамериканские женщины демонстрировали более высокую приверженность феминистским ценностям, чем белые женщины. Менее ясно, как чернокожие мужчины

отреагируют на фреймы движения *BLM*, которые сосредоточивают внимание на гендерной принадлежности, потому что существует очень мало эмпирических исследований отношения афроамериканских мужчин к гендерному равенству и феминизму. Таким образом, авторы выделяют вторую гипотезу: «Обращение к фрейму «черного феминизма» увеличит поддержку движения *BLM* среди афроамериканских женщин, но они могут уменьшить поддержку среди субъектов мужского пола» [с. 951].

Репрезентация чернокожих квир-активистов и феминистская наука находится в авангарде *BLM*. Авторы считают, что те, кто не является частью ЛГБТК+, меньше поддерживают движение. Исследования общественного мнения документально подтвердили широкое распространение гомофобных настроений среди американской общественности. Третья гипотеза авторов: «Обращение движения *BLM* к фрейму «черные ЛГБТК+» эффективно в плане влияния на чернокожих представителей ЛГБТК+ сообщества, но не окажет никакого эффекта или окажет негативный, демобилизующий эффект на чернокожих субъектов, которые не идентифицируют себя как ЛГБТК+» [с. 952].

Три гипотезы были проверены путем опроса афроамериканцев. Было опрошено 849 респондентов, исследование проводилось с 15 февраля по 23 февраля 2019 года. Каждой категории респондентов был адресован особый посыл, дополняющий базовое описание *BLM*: «*Black Lives Matter* был создан в ответ на устойчивое и все более заметное насилие против чернокожих общин в США. Они верят в то, что чернокожие люди могут стать американскими гражданами с конституционными правами. Они намерены использовать опыт насилия, с которым сталкиваются чернокожие» [с. 952]. В анкетах, адресованных чернокожим националистам, подчеркивался опыт афроамериканцев «как отдельной нации посредством постоянного призыва и борьбы за возмещение за исторический и продолжающийся ущерб от колониализма и рабства» [с. 952]. Для чернокожих феминисток тоже частично изменился посыл: авторы подчеркнули «особый опыт» чернокожих женщин как наиболее маргинализованной группы [с. 952–953].

Было установлено, что определенные послы в трактовке *BLM* по-разному повлияли на феминисток и представителей ЛГБТК+. Но при этом наблюдалось снижение мобилизации среди мужчин и тех, кто не относит себя к ЛГБТК+. Но важно отметить, что поддержка *BLM* среди мужчин осталась выше средней точки шкалы [с. 953]. Степень позитивного отношения чернокожих националистов к движению возрастала при упоминании полиции и неравенства.

Т. Бонилла и Э. Б. Тиллери сообщают, что три социальных фрейма окажут различное влияние на сегменты афроамериканского сообщества в США. Авторы ожидали, что фрейм «чернокожий национализм» будет самым действенным в формировании положительного образа движения и стимулировании активных действий в поддержку *BLM*. В ходе опроса они обнаружили, что воздействие на чернокожих националистов не привело к увеличению процента поддержки движения *BLM* в целом, но авторы заметили, что люди просили большей конкретности в посланиях.

В отношении следующих двух гипотез было установлено, что два фрейма — чернокожие феминистки и представители ЛГБТК+ — будут раскалывать и иногда подавлять мобилизацию среди респондентов. Их предположение заключалось в том, что эти интерсекциональные фреймы увеличат поддержку среди членов подгруппы и, возможно, демобилизуют не членов подгруппы, и как раз они доказали только то, что интерсекциональная принадлежность демобилизует не членов подгруппы. Фрейм принадлежности к ЛГБТК+ не будет заметен для большинства респондентов. Они отметили, что не хватило дополнительной выборки для того, чтобы точнее понять позитивную мобилизацию среди респондентов. Эти данные в значительной степени подтверждают гипотезу авторов о том, что фреймы социальных движений, основанных на принадлежности подгрупп, могут создавать сегментированную общественную поддержку [с. 958–959].

Таким образом, лидерам *BLM* следует обращать внимание на те социальные фреймы, что актуализируются в движении помимо расовой идентичности представителей чернокожего сообщества. Авторы полагают, что движения за расовую справедливость должны опираться на стратегию интерсекциональности. Это поможет расширить сообщество и получить поддержку со стороны разных социальных групп. При этом существуют риски, что условия, способствующие мобилизации чернокожих феминисток или представителей ЛГБТК+, одновременно станут причиной демобилизации мужчин-афроамериканцев. Закономерности причинно-следственных связей между ростом-уменьшением мобилизации в рамках гендерной принадлежности требуют дополнительного исследования.

А. Р. Родина¹

---

¹ **Анастасия Романовна Родина** — магистрант I года обучения факультета мировой политик МГУ имени М. В. Ломоносова; направление подготовки «Международные стратегические коммуникации».

РАШИЦА В. ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ

RASHICA V. The benefits and risks of digital diplomacy // SEEU Review. – 2018. – N 1. – P. 75–89.

Ключевые слова: цифровая дипломатия; глобализация; международные отношения; преимущества; риски.

Начало XXI в. ознаменовалось завершением процесса формирования глобального информационного общества: цифровые технологии проникли во все сферы государственного управления, в том числе — в политику и дипломатию. Однако теоретическое осмысление проблем и вызовов цифровой дипломатии все еще несколько запаздывает, и статью македонского политолога Вионы Рашицы можно рассматривать как одну из немногочисленных попыток хоть как-то заполнить эту академическую брешь.

В настоящей работе автор ставит перед собой следующие задачи: выделить ключевые характеристики цифровой дипломатии; проследить эволюцию данного социального института; обозначить цели, которые должны быть достигнуты, чтобы цифровая дипломатия могла стать эффективным инструментом международных отношений; представить классификацию основных преимуществ и рисков цифровой дипломатии.

В. Рашица предлагает следующее рабочее определение цифровой дипломатии — новейшая форма публичной дипломатии, предполагающая широкое использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), в том числе новых медиа, социальных сетей, блогов и т. п., в глобальной сети для содействия государственным органам, вовлеченным в решение вопросов, связанных с внешнеполитической повесткой дня.

Основные отличия цифровой дипломатии от традиционных форм публичной дипломатии, по мнению автора, заключаются в расширенном доступе к информации, большем взаимодействии между отдельными лицами и организациями и большей прозрачностью отношений. Соответственно, цифровая дипломатия лишена таких слабостей клас-

сической публичной дипломатии, как замедленное реагирование на проблему, монологовая форма подачи информации при взаимодействии с аудиторией.

Предпосылки появления публичной дипломатии автор связывает с развитием коммуникационных технологий (изобретением радио и превращением его в СМИ), а также с такими знаковыми историческими событиями, как большевистская революция 1917 г. и приход нацистов к власти в Германии в 1933 г. При этом иные эпизоды истории, оказавшие не меньшее влияние на становление данного института, не рассматриваются [с. 78]. В разделе, посвященном эволюции цифровых технологий, В. Рашица дает обширный и отвлеченный от темы экскурс в теорию публичной дипломатии как элемента мягкой силы. Публичная дипломатия определяется в духе работ Дж. Ная, как то, что «буквально выходит за рамки традиционной дипломатии, работая на возвращение общественного мнения в других странах» [с. 78]. В окончании холодной войны автор видит еще один рубежный этап в развитии цифровой дипломатии. Объясняется это весьма своеобразно: «...демократия и ее ценности распространились на многие страны мира. Расширился доступ населения к международной информации» [с. 78]. Что мешало развивать цифровую дипломатию в свободных и демократических странах Запада ранее, автор не разъясняет, как, впрочем, и не говорит ничего про технологическую революцию и развитие постиндустриального информационного общества.

Начало цифровой дипломатии В. Рашица связывает с концепцией “*La diplomatie numérique*”, ставшей ответом на «международные цифровые вызовы» и направленной на расширение традиционных форматов дипломатического взаимодействия за счет использования ИКТ. Условной датой возникновения цифровой дипломатии (E-Diplomacy) автор считает 1992 г., когда на саммите ООН в Рио-де-Жанейро впервые были использованы электронные письма представителей гражданского общества для лоббирования интересов одной из сторон.

В 2011 г. программы цифровой дипломатии привлекли к себе существенное внимание, прежде всего вследствие массовых волн протеста в странах Ближнего Востока и Северной Африки, получивших в прессе название твиттер-революций. Был опубликован ряд научных статей, оценивающих роль социальных сетей и новых медиа в «арабском пробуждении».

Как утверждает В. Рашица, в основе эффективности цифровой дипломатии национального государства лежат: поддержка инноваций руководством страны; большие бюджетные ассигнования на развитие данной сферы; выбор оптимальной цифровой платформы; развитие систем кибербезопасности; свободное экспериментирование с коммуникацией; обучение и поддержка цифровых дипломатов.

В работе достаточно подробно рассматриваются преимущества и риски цифровой дипломатии. Автор выделяет следующие позитивные составляющие цифровой дипломатии:

- содействие укреплению позиций страны на международной арене за счет прямого взаимодействия с зарубежной аудиторией и привлечения негосударственных субъектов к дипломатическим целям;
- сокращение разрыва между общественностью и органами власти, быстрая и эффективная коммуникация;
- поддержка малых государств;
- низкая финансовая стоимость — отмечается, что затраты на использование новых технологий быстро снижаются в результате непрерывного технологического развития. Эксперт убежден, что «цифровой дипломатии не всегда требуются значительные финансовые вложения. Например, сообщения в *Twitter* могут помочь в расследовании, выявлении проблемных вопросов и разоблачении виновных за счет привлечения общественности, СМИ и политико-дипломатических кругов» [с. 81].

Риски цифровой дипломатии, по мнению В. Рашицы, связаны с общими проблемами цифровой среды. К ним она относит:

- распространение экстремистских призывов через социальные сети;
- технические сбои, способные обернуться нарушением конфиденциальности и безопасности в глобальной информационной среде;
- угрозу монополизации цифровой среды одним, наиболее технологически развитым актором международных отношений, что будет препятствовать реализации малыми государствами независимой внешней политики;
- снижение ответственности за свои действия в силу культуры анонимности, присущей цифровой среде;
- угрозу хакерских атак на серверы дипломатических служб и отдельных политиков.

В заключении автор еще раз подчеркивает перспективность цифровой дипломатии и констатирует, что выгоды от ее использования перевешивают риски.

Ф. О. Скворцов¹

---

¹ **Филипп Олегович Скворцов** — магистрант II года обучения факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова; направление подготовки «Информационное обеспечение государственных интересов».

ШОРТЛЭНД Н., НЭЙДЕР Э., ИМПЕРИЛЬО Н., РОСС К., ДМЕЛЛО ДЖ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ И ГНЕВА КАК ПРЕДИКТОРОВ ОТВЕТНОГО НАСИЛИЯ

SHORTLAND N., NADER E., IMPERILLO N., ROSS K., DMELLO J. The interaction of extremist propaganda and anger as predictors of violent responses // J. of interpersonal violence. — 2017. P. 1–21. DOI: 10.1177/0886260517747599

Ключевые слова: агрессия; экстремистская пропаганда; общая модель агрессии; радикализация.

В последние годы ученые и специалисты стали уделять все больше внимания проблеме «онлайн-терроризма». Содержание понятия «онлайн-терроризма» не сводится к использованию сети Интернет для совершения теракта, но включает в себя проявления экстремистской активности в социальных сетях со стороны лиц, даже не связанных с радикальными организациями. Последнему аспекту и посвящено рассматриваемое в настоящем реферате исследование таких специалистов Школы криминологии и правосудия Массачусетского университета, как Н. Шортлэнд, Э. Нэйдер, Н. Империльо, К. Росс и Дж. Димелло.

Широко известно, что экстремистские группы все чаще используют Интернет как инструмент вербовки и распространения информации. Бергер и Морган¹, например, сообщают, что в период с сентября по декабрь 2014 г. в *Twitter* насчитывалось до 46 тыс. аккаунтов, связанных со сторонниками ИГИЛ. Однако очевидно, что не все 46 тыс. владельцев аккаунтов были обречены стать террористами в привычном понимании этого слова: здесь нет четкой причинно-следственной связи.

Тем не менее «облучение» экстремистскими материалами сети Интернет может изменить траекторию психологического развития ин-

---

¹ Berger J. M., Morgan J. The ISIS Twitter census: Defining and describing the population of ISIS supporters on Twitter. The Brookings project on U.S. relations with the Islamic world. Washington, DC. 2015.

дивида, подтолкнув его в сторону крайнего радикализма. Авторы приводят примеры тематических исследований, подтверждающих, что Интернет увеличивает доступность экстремистских материалов. Но такие исследования не объясняют, почему только несколько человек из общей массы тех, кто ознакомился с этими материалами в сети, оказываются готовы перенести свою деятельность в офлайн. Иными словами, информации о «радикализации в Интернете» пока недостаточно. До настоящего времени не проводилось систематических исследований психологических последствий воздействия экстремистской пропаганды в сети Интернет, и эту лакуну стремятся заполнить авторы [с. 3].

В процессе изучения данной тематики они пришли к выводу, что жесткость связи между воздействием агрессивных стимулов (экстремистским материалом, фильмом, видеоигрой и т. п.) и самой агрессией меняется в зависимости от когнитивных способностей, степени аффектации и возбудимости индивида.

В исследовании были выдвинуты следующие гипотезы:

- воздействие насильственной экстремистской пропаганды приводит к усилению непосредственных насильственных реакций;
- связь между экстремистской пропагандой и насильственными реакциями будет сдерживаться чертой агрессии каждого отдельного индивида. Это означает, что люди с повышенной чертой агрессии будут демонстрировать самый высокий уровень насилия.

Всего в исследовании принял участие 401 респондент, из них 201 мужчина (50,12%) и 200 женщин (49,88%). 26,21% участников были в возрасте от 18 до 20 лет, 36,65% — между 21 и 23 годами, а 37,13% — между 24 и 26 годами [с. 5].

Первая из выдвинутых в работе гипотез не подтвердилась. Фактически результаты испытаний показали обратную тенденцию: воздействие экстремистской пропаганды снижало уровень непосредственной агрессии [с. 8]. На основании своих наблюдений авторы пришли к выводу, что террористическая пропаганда, обладающая «насильственным измерением», все же воспринимается человеком как нечто уникальное и отдельное от простого прямого насилия. При этом они призвали читателей не забывать о существовании исключений из общих правил, обозначив, что для кого-то насильственная пропаганда может стать стимулом к участию в экстремистских акциях офлайн [с. 12].

Н. Шортлэнд и др. также обозначили необходимость проведения более нюансированных исследований данного вопроса, отметив методологическую важность рассмотрения экстремистской пропаганды и ее способности вызывать психологические изменения у своей аудитории с учетом временного параметра, в диахроническом срезе [с. 13].

Что же касается второй гипотезы, то, несмотря на отсутствие ее четкого подтверждения данными эксперимента, авторы не отказались от идеи значимости изучения психологического профиля индивида. В заключении они вновь повторили тезис о том, что насильственная пропаганда не так важна, как сама личность радикала, его особый, уже сложившийся психологический типаж, т. е. фактически (пусть с несколько большим наукообразием) изложили старую мудрость: «Где тонко — там и рвется».

Д. А. Антонов¹

---

¹ **Дмитрий Алексеевич Антонов** — магистрант I года обучения факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова; направление подготовки «Информационное обеспечение государственных интересов».

Учебное издание

Вестник магистратуры ФМП

Электронное издание сетевого распространения

Ответственный редактор *Л. Э. Слуцкий*

Научные редакторы *А. М. Понамарева, Т. В. Скороспелова, С. А. Татуни*

Художественное оформление *К. В. Саутенков*

Корректор *Д. А. Безуглова*

Верстка *Е. С. Соскова*

Макет утвержден 19.04.2021. Формат 60×90/16.

Уч.-изд. л. 6,8. Усл. печ. л. 8,0. Изд. № 11699

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15
(ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
<http://msupress.com>

Отдел реализации.

Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

ISBN 978-5-19-011595-6

9 785190 115956